НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА
МЕРСИ ШЕЛЛИ
ЛИШНИЕ ДЕТАЛИ
Вы так и не узнали коды взлома? Вот он — шанс!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Всемирная Сеть захвачена неведомым врагом. Миллионы ее пользователей услышали одну мелодию – и перестали быть людьми. Но как отличить человека от зомби? Новая книга Мерси Шелли – это еще одна встреча с героями дилогии «2048», которую по праву считают классикой русского киберпанка. В сборник также вошли ранние рассказы автора, где обычная реальность оказывается куда более странной, чем иная фантастика.

- Мерси Шелли
  - ЛИШНИЕ ДЕТАЛИ
    - 1. ЭНКА
    - 2. ХАЙКАЙ
    - 3. БРОУН
  - КНИГА ИСЧЕЗНОВЕНИЙ
    - НАСКА
    - ЦВЕТОК
    - НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ
    - ПАЛЕЦ ХРИСТОФОРА
    - КАЖДЫЙ ЖЕЛАЮЩИЙ ФАЗАН
    - БЕЛАЯ ГЛИНА
    - В ЖАРКОЙ НОЧНОЙ ТИШИНЕ
    - ИДЕАЛЬНОЕ КАФЕ

Мерси Шелли
Лишние детали
(сборник)

ЛИШНИЕ ДЕТАЛИ

1. ЭНКА

В больнице было как-то неожиданно уютно. По мере приближения к ней полковник становился всё мрачнее и на последних милях полета так швырял машину в виражи, что едва не врезался в бакен телекома, паривший над воздушным коридором трассы. Однако за воротами клиники на раннего посетителя вдруг сошло умиротворение – недолгая, но глубокая внутренняя тишина, словно на каком-то далеком фронте смолкла перестрелка. Наверное, это и вправду было самое спокойное место, где он бывал за последние двадцать лет. Проходя по тропинке через сад, он невольно замедлил шаг.

Резные деревянные беседки, увитые зеленью. Чистые зеркальные пруды с лилиями. Каналы между прудов обложены крупными камнями, островки соединяются мостиками с бамбуковыми перилами. Где-то невдалеке журчит вода, и кажется, вот-вот найдешь в траве одно из тех простых сокровищ, что так легко находятся в детстве прямо под ногами – блестящий каштан или ржавую монету, усатого черного жука или целый коробок спичек с ковбоем на крышке. Он остановился совсем и чуть было не присел на корточки, чтобы еще глубже погрузиться в это забытое ощущение, когда тайный мир травы у самых твоих глаз, и никакого другого мира не нужно… но он сдержался. Вынырнул. И напрямик через газон двинулся к нужной беседке.

Там мрачные мысли вернулись, в памяти всплыло старинное слово «палата». Белое лицо Мико, ее печальная улыбка и огоньки медицинских датчиков напоминали, что здешнее спокойствие – особого рода. Спокойствие обреченных. Тех, кто знает, что ничего уже не исправишь.

– Как ты, мышка?

– Всё отлично.

Снова улыбка, но в темных глазах – та же безнадежно распахнутая пустота. Японки умеют улыбаться одними глазами. Когда они действительно улыбаются. Раньше Мико улыбалась так каждый день. Теперь ее улыбки – только губы.

– Ты поговорил насчет концерта?

– Конечно, мышка. Но врачи считают… – Он перевел взгляд на ажурный деревянный цветок в решетке беседки. – Ну, ты знаешь, все проходят чистку памяти после исполнения. А при твоей болезни… и все эти аппараты, которые к тебе подключены… Они говорят, тебе нельзя.

– Ерунда. Посмотри на меня, Фредди.

Нет, ее не обманешь. Столько лет вместе.

– Они просто не хотят присутствия умирающей на концерте. Корпорации не нужна такая реклама. Верно?

Он кивнул, продолжая сверлить взглядом деревянный цветок.

– Но я хочу услышать ее, Фред. Это моя лучшая работа. Ни один музискин до сих пор не генерировал такой музыки. Потому что ни один скриптун не создавал до сих пор такого музискина. А я это сделала. И я хочу услышать. Я больше ни о чем тебя уже не попрошу, ты же знаешь. Через неделю…

– Не говори так. Врачи часто ошибаются. А ты… ты ее услышишь, мышка. Обещаю.

– Спасибо, Фредди.

Она закрыла глаза и как будто сразу стала еще меньше. Сиделка тронула полковника за плечо. Он вышел, быстро пересек больничный сад, нашел на парковке свой киб. Но взлетать не стал. До концерта оставался еще час. Целый час до того, как он совершит преступление.

Он сидел и размышлял, как же это вышло. Почему музыка, которая свела их вместе, стала вдруг так недоступна. И как он сам оказался в этом виноват.

* * *

Они познакомились, когда Фредерик Сондерс только начал работать в Артели. Он всё еще чувствовал себя паршиво после увольнения из армии – черт бы побрал этих политиков с их «мирными инициативами»! Новая работа на гражданке не внушала оптимизма. Но разозленный Сондерс взялся за нее по-военному круто… и вскоре понял, что это тоже война.

В злой иронии случайных совпадений куда больше правды, чем в любой конспирологии – Третья Мировая началась вместе с появлением аббревиатуры WWW. Позже ее стали называть просто Тканью. Всемирное поле битвы за мозги и, возможно даже, главный победитель. Ведь за спинами воюющих всегда стояла Артель. Искины и их пастыри, модельеры Ткани.

Первая операция Сондерса по уничтожению международной сети музыкальных пиратов прошла с блеском. Не успел развеяться дым от сгоревших складов с контрафактом, а в Sony Music уже закатили роскошный банкет в честь победы. Там он и встретил Мико, она работала с музискинами корпорации. А он стал героем, спасающим ее работу от негодяев, которые уродовали прекрасные энки собственными «переработками».

За годы многое изменилось. Корпорации поняли, что с развитием копировальной техники музыку не остановишь

старыми методами. Не успеешь оглянуться, как новая энка уже гремит по всем континентам, залитая в тысячи устройств, от музыкальных чайников до музыкальных пистолетов, и накрепко зависает в ушах миллионов людей. И тогда сама суть бизнеса изменилась. Теперь лейблы запросто отдавали музыку в свободное распространение, предварительно сделав ее носителем рекламы.

Но борьба за интеллектуальную собственность не закончилась. Просто линия фронта переместилась ближе к источнику музыки.

За любой мелодией с хорошим потенциалом шла жестокая охота. Системы искусственного интеллекта давно обогнали людей в создании сильных энок, и эта сфера была под контролем Артели. Но оставалось главное слабое звено – те, кто работал с музискинами, модернизировал их генетические алгоритмы. Те, кто тестировал новые энки на специальных концертах. Артель пасла всех этих людей, их регулярно проверяли на лояльность, но…

Сондерс был не первым, кто предложил использовать чистку памяти. Но именно он разыскал для Артели группу яйцеголовых, в прошлом занимавшихся разработкой микроволнового меморт-генератора для одной из военных лабораторий США. После очередной инспекции деятельность лаборатории была признана неудовлетворительной, и ее прикрыли.

Артель снова накормила яйцеголовых и дала довести работу до конца. Новую технологию защиты от утечек внедряли без особого шума, как логичное продолжение всех предыдущих – подписка о неразглашении, сканирование записывающих устройств, блокирование лишних сетевых коммуникаций на рабочем месте… ну и здесь же вполне безопасная, моментальная процедура для забывания определенных данных.

С мелодиями чистка работала лучше всего: яйцеголовые говорили, что за музыку отвечает особая зона мозга в районе затылка, причем это даже не сама память, а нечто вроде ссылки на воспоминание – и сбить такую музыкальную ссылку легче, чем заставить человека забыть таблицу умножения. Сондерс в ответ шутил, что он и без меморт-генератора не может на следующий день напеть энку, которая еще вчера крутилась в голове с утра до вечера. А с мемортом так и вообще всё работало прекрасно… до тех пор, пока Мико не попала в больницу со смертельным облучением мозга.

Шуметь про вред мобильной связи для здоровья начали еще полвека назад. Тогда дело быстро замяли сами производители мобильников. Тем более что с телефонами было и вправду не так

страшно; черепная коробка – неплохой изолятор. А вот с прикрытием для имплантов-нейрофонов пришлось повозиться. То, что излучатель безвреден внутри головы, вызывало сомнения даже у инженеров средней руки. Но к тому времени Артель уже набрала силу. «Отбеливание», так они называли на своем жаргоне эту работу с общественным мнением. И Сондерс был одним из «них». А у Мико стояли чипы связи самого первого, самого убийственного поколения.

Конечно, она ничего не знала. Но если бы даже узнала, вряд ли стала бы переживать из-за имплантов. Музыка и только музыка – вот что заботило ее всю жизнь. А теперь у нее отняли музыку, хотя она еще жива.

* * *

Он прибыл за четверть часа до начала концерта. Переоделся в белый фрак метрдотеля и спустился в ресторан. Обход постов, проверка периметра – он по привычке вспоминал старые термины, но здесь они казались такими же неуместными, как ржавый танк на стоянке сверхзвуковых скатов. Нет, теперь никаких пафосных ограждений и постовых, как в молодости. Зачем, если глаза и уши имеются чуть ли не у каждой вилки на столе.

– Здравствуйте, сэр. – Две официантки на входе коротко поклонились. – Вы будете присутствовать?

– Да, нужно кое-что проверить. – Сондерс показал глазами на ближайшую люстру в фойе. Едва ли младшие швеи Артели знают, куда на самом деле спрятан меморт-генератор. Раньше его встраивали прямо в рамочку металл-детектора. Теперь даже рамочки не нужны.

Но и намека на люстру достаточно. Сондерс шагнул в зал.

– Извините, сэр.

Одна из официанток подошла ближе.

– Вы проверяете… нас?

Он поднял бровь.

– Нет, а что такое?

– Я не спросила ваш допуск, ведь вы с женой часто бывали на тестовых концертах. Но проход на концерт с записывающими устройствами запрещен. – Девушка подняла чуть выше круглый поднос, который держала в руке. – Мой сканер показывает, что у вас есть…

Сондерс нахмурился и вынул из кармана золотой портсигар.

– Вы хоть знаете, что это такое?

Вторая официантка тоже подошла и дернула первую за рукав. Но та была непреклонна.

– Я не уверена, мой сканер дает сбой. Думаю, это персональный искин класса не ниже «бет». И вам нельзя с ним… туда.

– Ваше имя?

– С-с… Софи. – Девушка покраснела. – Извините, если…

– Всё нормально, Софи. Я буду ходатайствовать, чтобы вас поскорее перевели в старшие швеи. Вы прошли проверку. Заберите эту штуку в камеру хранения.

Сондерс широко улыбнулся и протянул ей портсигар. И продолжая улыбаться, вошел в главный зал ресторана. «Я же тебе говорила!» – раздалось за спиной.

Проклятая девчонка. Раньше он бы порадовался таким сотрудникам. Но сегодня… сегодня всё против него.

* * *

Мико была права насчет новой энки.

Лишь только раздались первые аккорды, каким-то далеким и незначительным сразу стало всё, что было у Сондерса перед глазами. В энке не было слов, но ему казалось, что он слышит песню. В ней пелось о тех, кто уходит, и о тех, кто ждет; о тех, кто летит к облакам, и о тех, кто падает в бездну; о тех, кто делает, а потом раскаивается, и о тех, кто не делает, а потом всю жизнь сожалеет… И о море, которому всё равно.

Музыка смолкла. Публика начала оживать. Всего в зале собралось человек двадцать, но среди них не было случайных людей. Опытным глазом Сондерс отмечал директоров и менеджеров корпорации. Два первых ряда, эдакие холеные пингвины в безупречных костюмах. За ними сидел лохматый народ попроще, спецы по программированию, коллеги Мико. У многих на глазах были слезы. Последние скрипты Мико позволили ее музискину создать настоящий шедевр.

Нет, не ее музискину. Здесь всё принадлежит корпорации. Включая слезы. И конечно, музыку. На днях состоится еще один концерт. Но публика будет другой. Профессиональные оценщики, барыги из рекламной индустрии. Попав к ним в руки, прекрасная энка превратится в мелодию для дурацких роликов. Ее искромсают, оставив лишь те части, что сильнее всего зависают в ушах самой средней публики. Потом еще больше упростят, закольцуют в навязчивые повторы, добавят слоганы. Мико прекрасно знала об этом. Потому и хотела послушать оригинал.

Если бы ему удалось пронести свой портсигар с искином и записать… Мелодия всё еще крутилась в голове Сондерса. Он мог бы ее напеть. Но как донести ее до жены? Очевидно, музискины используют какие-то коды, чтобы хранить все эти звуки в нужной последовательности.

Он тряхнул кистью. Из-под края рукава показался браслет-четки, подарок Мико. Издали смотрится как яшма, но если приглядеться, увидишь в каждой бусине спрессованную массу старинных компьютерных деталей. Разноцветные светодиоды, кристаллы процессорного кремния, золотые клеммы, кусочки печатных плат с узорами проводников… Мико любила эту простую бижутерию из бедных районов, где она выросла.

Сондерс перегнал пару бусин по нитке. Если мысленно связать звуки разного тона с разными детальками в бусинах, а потом повесить на нитку в нужном порядке… Или с разным цветом хотя бы… Как-то ведь они записывают все эти мелодии в своих программах.

Тупой солдафон! Столько лет жил с женщиной, которая считается лучшим настройщиком музискинов на континенте, – и ни черта не знаешь о ее работе! Хотя тысячу раз видел, как она открывает музыкальный редактор, как крутятся в воздухе эти голографические штуки, похожие на больничные кардиограммы, только объемные, вроде колючих червей. Как они пульсируют, втягивают и убирают иглы, сливаются друг с другом или опять разлетаются под взмахами рук Мико, послушные мельчайшим движениям ее танцующих пальцев…

– Извините, сэр, срочный вызов для вас. – Девушка-официантка стояла рядом.

Сондерс быстро опустил руку, браслет скрылся под рукавом. Нет, сегодня уже ничего не получится.

Он вышел в фойе. Вторая официантка протянула ему пищащий портсигар.

– Это мое? – удивился Сондерс. – А как я тут оказался?

У официанток округлились глаза.

– Ладно-ладно, шучу. Я прекрасно помню, что обещал сделать одну из вас старшей феей.

Девушки прыснули в кулачки.

– Вот только не помню, какую именно. Или, может, обеих?

Официантки снова сделали серьезные лица. Наконец одна робко улыбнулась:

– Вы опять нас проверяете, сэр?

– Ну, я вижу, вас не обманешь! – Сондерс взял у нее свой портсигар. – Отлично, так держать.

Он вышел на улицу. Проклятые яйцеголовые знали свое дело.

Первые версии меморт-генератора отшибали человеку всю краткосрочную память за последний час, а то и больше. Позже эти умники научились настраивать облучение поточней. Сондерс помнил даже, как возился с браслетом. Но мелодию вспомнить не мог, хоть убей.

* * *

– Почему вы так уверены, что это дыра второго класса?

– Я уверена, что мета-модельер не обязан отчитываться перед каждой белошвейкой.

– Прошу прощения, Вэри. Я лишь хотел спросить, э-ээ… известны ли какие-то подробности.

Голографический облик суровой девицы в белом кимоно сидел в соседнем кресле киба. Сондерс покосился на фантомную спутницу, ожидая, что она все-таки смягчит свой гнев.

Он почти смирился с бабами в руководстве. Этого можно и не заметить, когда распоряжения присылают формальным заплетом через Ткань. Но в живых разговорах старые армейские привычки давали о себе знать, сталкиваясь с женским стилем общения. Все эти недомолвки, постоянное языковое трюкачество… Да хуже, просто кокетство какое-то. Ничего не могут прямо сказать!

Собеседница, кажется, заметила его неприязнь. И слегка подалась вперед. Ее ореховые глаза были похожи на глаза Мико.

– Вы же знаете, полковник, как работают мета-модельеры. Я просто смотрю Ткань и вижу слабые швы. Это образы, видения. Перевести их на язык фактов и цифр не всегда возможно. В данном случае – только одна зацепка. Этого парня уже задерживали, месяц назад в Бангкоке-Два. Похожая история: полицейский аудиодетектор засек исполнение энки, которая еще не вышла в прокат. Но у парня ничего не нашли. Полиция списала всё на сбой детектора.

– А на самом деле?

– Вот вы и разберитесь. Его задержали снова, двадцать минут назад. Та же история. Музыка зафиксирована и распознана. Это явный контрафакт. Но источник неясен. Пока что проводят обыск на месте. Вы уже прибыли, кстати. До свиданья.

– Погодите, Вэри. Я хотел спросить… – Сондерс непроизвольно потянулся к ней рукой, словно хотел удержать. Ладонь прошла сквозь облик. Он отдернул руку.

– Да?

– У вас есть любимые энки?

Она улыбнулась одними глазами.

– Разве при нашей профессии можно иметь что-то любимое?

– Вы правы, извините.

Фантомная девушка с ореховыми глазами исчезла. Киб Сондерса зашел на посадку, фары выхватили из темноты желтую ленту полицейского ограждения. За лентой бегали люди с фонариками.

Полковник вздохнул. Странный язык женского командования – даже это он почти научился терпеть. Но сейчас предстояло кое-что похуже. Идиоты в форме. И они обязательно будут мужского пола. Словно для того, чтобы еще раз доказать ему, Сондерсу: бабы в руководстве – не случайные совпадения, а неизбежная месть эволюции.

* * *

– С чего вы взяли, что их было пятеро?

– А кто вы такой? И как вы сюда… – Полицейские повернулись к Сондерсу, как два игрушечных робота в синхронном танце. Вопрос задал, очевидно, младший. И уже потянулся к поясу за шокером.

Не обращая на него внимания, Сондерс уверенно протянул руку второму, чернокожему толстяку лет пятидесяти. Тот автоматически пожал руку – ну что ты будешь делать, рефлексы. На таких мелочах и строится искусство управления. «Бесконтрольный физический контакт с неизвестным. Да ты уже покойник, парень», – подумал Сондерс.

Полицейский будто услышал его мысли. Рука дернулась освободиться. Поздно: ладонные чипы идентификации схлестнулись в сканировании друг друга гораздо быстрей. И сомнений в победителе быть не могло. Полицейский тут же вытянулся по струнке, разве что голову немного склонил набок, продолжая слушать сообщение своего персонального искина о невероятном статусе человека, который легко прошел оцепление и спустился в подвал, никем не замеченный.

Сондерс подождал, пока толстяк метнет характерный взгляд на своего партнера. Молодой опустил руки и тоже изобразил морду послушной собаки.

– Почему пятеро? – повторил Сондерс.

– Разрешите доложить, господин полковник… Мы полагаем, четверо скрылись.

Толстяк указал на стол: пять стаканов и бутылка. Бутылка пуста, в стаканах налито. Где побольше, где поменьше.

Сондерс шагнул в темный угол подвальной каморки. На стуле

среди обломков мебели сидел парень лет двадцати, руки-ноги крепко схвачены черной липучкой.

– У него спрашивали, где сообщники?

– Так он молчит, господин полковник! Может, немой?

– Или вы спрашивать не умеете.

Сондерс наклонился к сидящему, посмотрел в глаза… и резко ткнул паренька двумя пальцами в шею. Арестованный закашлялся, повалившись вперед. Изо рта вылетел белый комок. Сондерс поднял то, что упало. Покрутил в руках: комок развернулся в прямоугольную полоску с какими-то значками.

Полицейские подошли поближе, но разглядеть ничего не успели: полковник тут же скомкал полоску и сунул в карман.

– А-а… – начал было старший из копов.

– Скрипты для взлома музискина, – сказал Сондерс. – Нарушение закона об интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж, преступный сговор с целью терроризма. Я забираю у вас это дело. Подозреваемого – в мой киб, немедленно. Остальных можете не искать, мы всё сделаем сами.

Когда он вышел, полицейские переглянулись. Потом уставились на парня, приклеенного к стулу. Парень продолжал кашлять и хрипеть.

– Вот же зверь, – пробормотал молодой. – Чуть кадык не вырвал пацану.

– Сопло прикрой, а то и тебе вырвут! – Толстяк огляделся, понизил голос. – На той неделе в семнадцатом участке, когда робот-уборщик свихнулся и кассира покромсал… Тоже прислали из этой Артели девку. Пару вопросов задала вот так же. Наши там пытались с ней бычиться: мол, не ваша юрисдикция. А наутро у троих память отшибло так, что только прошлый год и могли вспомнить.

* * *

Всю дорогу они молчали. Лишь когда Сондерс посадил киб на задворках одной из центральных улиц и указал на железную дверь без вывески, арестованный удивился:

– На полицейский участок не похоже.

Сондерс вышел из машины и, открыв киб с другой стороны, снова сделал приглашающий жест. Парень неуклюже выкарабкался на улицу; полицейские оставили ему «липучку» на руках, и со стороны могло показаться, что он несет перед собой нечто маленькое и хрупкое.

Подвальная дверь щелкнула замком, опознав пальцы Сондерса на ручке. Они спустились по темной лестнице и оказались на старинной кухне – длинные разделочные столы, полки, раковины, дверцы холодильников. Всё металлическое. Наверное, когда-то здесь сверкал чистотой каждый квадратный дюйм, но сейчас кругом расползлись пятна ржавчины.

– Пищевые синтезаторы убили профессию. – Сондерс кивнул на стойку с поварешками всех калибров. – Зато здесь столько металла, идеальная глушилка. Раньше посетители жаловались даже в верхних залах, что связь ни к черту. А мне нравится. Пришел поесть, так ешь, а не болтай. Владелец этого ресторана – мой старый знакомый. Частенько сюда захожу.

– А-а, понял. – Парень криво усмехнулся. – Теперь играем доброго полицейского. Будете вкусно кормить и красиво вербовать. Чтобы всех сообщников заложил. Вам же для отчетности лучше, если поймаете целую банду.

– Да нет у тебя сообщников. – Сондерс подошел к шкафу со столовыми приборами, вытащил нож и освободил задержанного от липучек. – Вернее, есть, но сегодня ты был один. А коды эти…

Он вынул из кармана скомканную ленту, разгладил ее кончиком ножа на столе.

– Никакие это не скрипты. Я в искинах не мастер, но как выглядят машинные языки, немножко представляю. Не говоря уже о материале для записи. Пластик самого худшего качества. Или даже… бумага?

– Что вам от меня надо? – Парень растирал затекшие руки.

– Хочу предложить сделку. Я помогу тебе отмазаться от тюрьмы. А ты научишь меня этой системе записи.

– Вас? Зачем?

– Не поверишь: увлекся искусством.

– Не поверю. Хотя мне всегда было интересно, почему крутые спецы вроде вас занимаются такой ерундой, когда вокруг столько серьезных преступлений.

– Почти каждый преступник считает, что его преступление несерьезное или вообще не преступление.

– Откуда вам знать, что думают преступники, если вы их не ловите? Во время последнего Весеннего Карнавала в нашем городе украли генометрики у полумиллиона человек, теперь их можно до конца жизни шантажировать. Кто это сделал? Так и не нашли. И кстати, про пищевые принтеры, которые вы тут вспоминали – два месяца назад была взломана самая массовая модель домашней пандоры. Человек триста в первый же день отравились, а сколько теперь народу боятся даже трогать еду из пандор! И такие преступления безо всякого наказания –

ежедневно. Вы говорите, это ваш любимый ресторан? Ну, я уверен, что даже здесь сегодня ночью можно будет запросто купить дозу такого верта, от которого мозги превращаются в маринованную креветку. А вы тем временем за песенками гоняетесь.

– У каждого своя работа, – сказал Сондерс.

Раньше он всегда давал задержанным выпустить пар, это даже считалось обязательным на курсах по допросам: когда человек израсходует эмоции, его проще ломать. Но сегодня многословие раздражало. Тем более что всё сказанное – правда.

– Да знаю я вашу работу! – Парень как будто почувствовал слабину оппонента и заговорил быстрее. – Я же на экономическом учусь. Всё определяется балансом стимулов. Есть преступления, которые выгоднее совершать, чем раскрывать. Но есть и наоборот. Вы выбираете себе те, раскрытие которых лучше стимулировано. А где нынче самые выгодные «пострадавшие»? Там, где товар создается автоматически, тиражируется в любых количествах с минимальными затратами. Это и есть цифровой интель. Медиаиндустрия, на которую вы работаете.

– Извини, я в таких науках не силен. – Полковник крутил нож между пальцев, от большого к мизинцу и обратно. – Но про стимулы вопрос хороший. Ладно, тогда давай так…

И он рассказал про Мико. С самого знакомства. И как был последний раз в больнице, давал ей обещание. Как мучился на концерте, но не смог записать энку. Он рассказал даже о том, что сам приложил руку к внедрению системы чистки памяти.

– Красивые у вас легенды, – заметил парень, когда Сондерс замолчал.

– В полицию можем вернуться хоть сейчас, там никаких легенд. Лицо твое уже пробили по базе, мне даже спрашивать нечего. Брэм, так тебя зовут? Официальная работа – кардиодрамер в развлекательном центре. Имеется лицензия на миксы персонального биофидбэка с музыкальными произведениями, официально разрешенными для публичного… и так далее. Задержан второй раз по подозрению в нелегальном исполнении. Вся сетка твоих знакомых тоже пробита, так что не один загремишь. А если мне поможешь, я организую тебе вариант получше. Это не вербовка. Это мое личное. Если раскроется – меня накажут посильнее, чем тебя.

Парень прошелся по кухне, остановился у стеллажа с посудой. Вынул чайную ложку, помахал в воздухе.

– Хорошо, я согласен. Слушайте.

Ложка звякнула по металлическому столу.

– Это си-бемоль.

Брэм подошел к Сондерсу и показал ноту на бумажной ленте. Лицо полковника просветлело:

– Значит, про стаканы я угадал.

Точь-в-точь как утром в саду клиники, весь груз его солидных лет разом свалился с плеч. Сондерс метнулся к раковине, открыл кран. Потом к шкафу-сушилке. Вместо стаканов там нашлись чашки. Одна с грохотом разбилась, когда он неуклюже схватил сразу несколько. Наливая воду, он намочил рукава и забрызгал брюки. Наконец, расставил чашки с водой перед своим неожиданным учителем.

И с лицом ребенка, делающего первый шаг по первому снегу, – звонко стукнул ножом по одной, по второй, по третьей. Звучало как Баг знает что. Но учитель музыки был рядом.

* * *

Они пришли без опоздания. Зато Сондерс появился в клинике на полчаса раньше, и все полчаса провел как на иголках. Он не сказал Мико о своей опасной задумке. Вдруг они не явятся, зачем ее расстраивать? Пришлось вымученно припоминать веселые моменты совместного прошлого, делая вид, что только ради этого и пришел.

О втором концерте, где он был сегодня утром, Сондерс тоже ничего не сказал. А сама Мико не спросила – берегла его от оправданий. Он, конечно, обещал, но что он может сделать? Запретили – значит, запретили. Ну, хоть сам послушал, и то хорошо.

Но когда ее муж вдруг оборвал разговор и с невиданным доселе выражением лица уставился в сад сквозь решетку беседки, она сразу поняла, что это связано с обещанием. Трое молодых людей шли вдоль пруда с лилиями. Вот они поднялись на ажурный мостик… Мико даже приподнялась на постели, когда увидела, как пальцы одного из незнакомцев танцуют по перилам, отбивая неслышный ритм.

– Фредди, кто это?

Он хитро подмигнул ей. Затем подключился к системе охраны клиники. Все сканеры молчали: у идущих по мостику не было ничего подозрительного. Никакой электроники вообще. Как и договаривались – но Сондерс всё равно не мог к этому привыкнуть.

Молодые люди вошли в беседку, скромно поклонились.

Повисла пауза. Сондерс кашлянул в кулак. Брэм поставил сумку на пол и вытащил из кармана пачку разлинованных бумажных полосок. Верхняя была сильно измята и покрыта множеством дырочек. Музыкант передал верхнюю полоску полковнику.

– Удалось разобрать? – спросил Сондерс. – Там на концерте… я ее в рукаве держал. А ноты помечал иголкой от запонки. Не знаю…

– Всё нормально, мы сыгрались. – Брэм раздал ноты приятелям. – Хотя, честно говоря, я не верил, что у вас получится. При мне еще никто так быстро не обучался на слух записывать. У вас способности!

«Других в нашу службу не берут», – хотел было сказать Сондерс, но промолчал. Он был еще моложе, чем они, когда это началось: радиоперехват в армейской учебке, чтение морзянки на любой скорости, определение вражеских передатчиков «по почерку»… А спустя тридцать лет – аудиометки в пиратских фильмах, позволяющие даже без искина вычислить, в каком кинотеатре снимали, в какой подпольной студии делали перевод… Но когда эти способности, усиленные тренировками в Артели, последний раз приносили тебе радость? Сегодня – да. А все годы до этого? Нечем хвастать.

Получив ноты, один из парней взял стул, перевернул его и начал натягивать между ножек какие-то прозрачные нити. Струны, понял Сондерс.

Тем временем Брэм достал из сумки стаканы и стал наполнять их водой из бутылки, тихонько постукивая по каждому, чтобы настроить нужный тон. С этим процессом полковник был уже знаком. Зато материал для третьего инструмента показался ему чудом конспирации: банальный пакет с овощами, какие ежедневно приносят в больницу. С помощью пластикового ножа пара огурцов, морковина и тыква за несколько минут превратились в хитроумное устройство, издающее гулкие звуки, если в него подуть.

Мико была в восторге еще до того, как они начали играть.

Когда энка смолкла, она лежала совершенно неподвижно, с закрытыми глазами. В уголках глаз блестело.

Сондерс вышел из беседки первым. Над прудом висел полицейский бот: искины засекли несанкционированное исполнение чистой энки до официального релиза. У ворот клиники опустился черный киб, оттуда вылезали люди в форме. Но это было уже неважно.

* * *

Их высадили посреди тихого, залитого солнцем дубового парка. Если бы они не видели место прибытия с высоты, то удивились бы еще больше. Но сверху можно было разглядеть, что зеленый остров окружен по периметру высокой стеной. А в океане вокруг, насколько хватает глаз, никакой другой суши не видно.

На земле полицейские сняли с музыкантов «липучки», без слов забрались обратно в киб и улетели.

Оставшиеся огляделись. Вокруг ни души, лишь ветер играет в траве. Пара тропинок сходится в центре поляны и снова убегает в заросли. Вдали, за стволами могучих дубов, виднеются желтые крыши коттеджей.

– Похоже, твой полковник сдержал слово, – заметил один из приятелей Брэма. – Это не тюрьма, и даже для психушки выглядит симпатично. Да и мера наказания, которую нам присудили… Три года информационной депривации, лишение персональных искинов – смешно! Знали бы они, что нам эти искины меньше всего нужны.

– Психушки тоже разные бывают, – проворчал второй. – Тут небось камера на каждом дереве…

Он не договорил: из зарослей показался человек в зеленом халате. Сутулый мужчина шел быстро, слегка подпрыгивая, чтобы преодолеть высокую траву. Еще не дойдя до музыкантов, он широко развел руки и улыбнулся.

Брэм улыбнулся тоже – человек в зеленом выглядел очень комично. Его смуглое лицо было настолько круглым и гладким, что густые брови и крупный нос смотрелись как нечто постороннее, прилепленное позже в большой спешке.

– Добро пожаловать в наш центр реабилитации! – воскликнул он, продолжая держать руки так, будто хотел обнять всю поляну вместе с окружающими дубами. – Нас зовут доктор Шринивас, сейчас мы покажем вам все наши достопримечательности! Но прежде, ох, простите за навязчивость, не терпится спросить: на чем вы играете?

– Здесь можно играть?! – воскликнули все трое хором.

– Конечно! Это раньше фонофилию лечили электрошоком. Но пришло время гуманных методов терапии. Важно понимать, что патологическое стремление к публичному извлечению звуков может иметь разную природу. Далеко не у всех людей это врожденный дефект психики.

Доктор-индиец вытащил из кармана пригоршню колец, надел их на пальцы и сделал несколько пассов в воздухе. Кольца пропели бодрую мелодию.

– Я такого не припомню. Чье это? – Брэм покосился на своих компаньонов. Они тоже выглядели озадаченными.

– Вот видите! – Доктор спрятал кольца обратно в карман. – Возможно, ваш случай фонофилии – это лишь неосознанный социальный протест. Желание противопоставить себя корпорациям, захватившим музыкальный рынок. Навредить им, исполняя чужие, всем знакомые произведения без разрешения. Эти деструктивные мотивы мы постараемся превратить в конструктивные! Скажите, вы когда-нибудь сами сочиняли музыку? Ведь в исполнении такой музыки нет никакого вреда правообладателям, поскольку правообладатели – вы сами! А значит, никакой полиции, никаких арестов.

– Ну, я пробовал… – Брэм почесал затылок. – Но это же ерунда, кто будет мои глупости слушать?

– Мы будем! – Улыбчивый индиец снова обнял воздух перед собой. – Мы и другие наши пациенты. Но это уже второй ваш вопрос. А первый был: можно ли здесь играть. Можно и нужно! Но желательно не чужое, а свое. Это и будет залогом вашей реабилитации. Пойдемте же, мы покажем ваше новое жилище.

* * *

Из всех живых встреч с заказчиками Вэри больше всего ненавидела благодарственные. От остальных легко отшиться, ссылаясь на удобства обмена данными через Ткань или на требования безопасности, которые полагаются ей по статусу. Но эти вот живые благодарности после завершения дела…

Неоархаика «настоящих подарков» стала одним из самых тяжелых бзиков у менеджеров высшего покроя. Вэри прекрасно знала, что ритуал культивируют как форму психоразгрузки – люди, проводящие множество сделок в абстрактном мире Ткани, страшно радуются обмену вещицами, которые можно потрогать руками. И чтобы расстаться со счастливым клиентом на дружеской волне, нужно подыгрывать в этой дурацкой игре. Даже без живого общения офис Вэри в дни праздников ломился от ненужных подарков. А на встречи она обычно посылала вместо себя младших швей из числа тех, у кого хорошие косметические нанозиты, чтобы изобразить ее лицо. Но всё равно оставались тонкие выкройки, когда дублершей не отделаешься.

Соображения безопасности при этом никуда не девались: благодарственные встречи приходилось обставлять не менее тщательно, чем сами операции по выполнению заказа. Вот и новый вице-президент по нейромаркетингу Sony Music, кажется, решил следовать принципу «Прячь лист в листопаде». Из-за этого Вэри уже двадцать минут торчала в грязном кафетерии посреди

одного из торговых центров Старого Токио и мужественно боролась со своей толпофобией.

Бороться с местными тыквенными оладьями она перестала сразу – хватило одного, чтобы три других остались нетронутыми. Их явно делали из водорослей, а то и вовсе из грибов. Пришлось довольствоваться чаем. Хотя и он вряд ли настоящий.

Толпофобия между тем усиливалась. За столиком справа расположилась группа клерков-японцев. Неотличимые друг от друга, в одинаковых белых сорочках и черных костюмах, они механически поедали одинаковую еду из одинаковых коробочек и без умолку говорили – но не друг с другом, а со своими искинами-пиджаками. Да и язык не вполне человеческий: набор каких-то междометий, хмыканий и хрюканий. Такие же черно-белые клерки составляли основную часть толпы в пищевой зоне торгового центра, превратив ее в мерно гудящий улей.

Впрочем, реальное нашествие насекомых грозило с другой стороны. Столик слева оккупировали трое «ультразеленых». Они громко смеялись, махали руками и всячески подчеркивали свою естественность. Бритую голову одного украшал декоративный лишай, с длинных волос другого летела во все стороны художественная перхоть всех цветов радуги. А третий, сидевший к Вэри ближе всех, был одет в такую странную растительную одежду, что вполне можно было ожидать оттуда каких-нибудь лечебных вшей. Спасибо хоть, не чихают – Вэри знала, что самые ярые «ультразеленые» практикуют галлюциногенный грипп и любят делиться этой радостью с окружающими.

Но сейчас ее больше всего раздражал столик напротив, где расселись две мамаши с детьми. Один ребенок был еще слишком мал, чтобы шалить. Зато второй… Этот негодник лет четырех бегает вокруг с мямлей – своим первым искином в виде развивающей игрушки. Комок умного пластика мигает разноцветными огнями и исполняет мелодии, в которых легко угадываются рекламные энки продуктовых брендов. Ребенок всячески мнет игрушку, выдавливая пальцами светящиеся места, после чего мямля снова меняет форму и принимается исполнять другую энку, вспыхивая новым набором брендированных цветов. И этот ужас всё носится и носится вокруг!

А человек, назначивший ей встречу, не спешит. С этими шишками всегда так. Ладно, надо провести время хоть с какой-то пользой.

Она закрыла глаза и активировала Третий Глаз. Легкое покалывание в затылке, где сидит заколка-искин… и перед глазами разворачивается многослойный цветной ковер Ткани.

Ткань знает всё. Тысячи искинов-ткачей снимают мерки и

заготавливают сырье персональных данных. Тысячи модельеров чертят выкройки по лекалам человеческих страстей. Тысячи швей работают на местах, воплощая готовые модели в жизнь… Еще недавно Вэри была одной из них, младшая гейша в заштатном добреле. Тогда она видела только Лицевую сторону Ткани – да и то не всю, лишь отдельные личные выкройки клиентов. Зато делать приходилось такое, что лучше бы не видеть вовсе. Камасутра в ледяном нивариуме, танец живота с саблями, а то и «австрийская рулетка», когда в тебя стреляют ради развлечения – не каждый выдержит такую психотерапию день за днем. Пусть ты сама и не очень напрягаешься, ведь телом управляет неутомимый и точный искин – но всё равно выматывает. Как говорится, нетворческая работа.

Слава Багу, это в прошлом. Теперь ты мета-модельер, а не швея какая-нибудь. Тебе, Золушка, остается лишь посматривать внимательно на Ткань да подсказывать другим, где надо подрезать, а где подштопать.

Ну, поехали. Пара легких движений пальцами – там, в реальности, они почти незаметны, но здесь послушный графический интерфейс вмиг приближает ту часть цветного ковра, где виднеется легкий сбой в узоре.

Шить это дело начали четыре месяца назад. Срок, по меркам Артели, достаточный для ликвидации и более заметных прорех. Но здесь пришлось работать дольше, поскольку дело касалось родственницы сотрудника Артели.

* * *

Лицевую можно не смотреть: полковник Сондерс грамотно обметал инцидент с полицией. А вот дыра в Подкладке – хитрее. Вэри открыла профиль самого Сондерса.

Узелки семейных отношений, веера профессиональных знакомств, бахрома не особо тонкого вкуса в развлечениях… Его выкройка долгие годы была скупа и безупречна, пока там не запульсировала эта красная нитка, ведущая через профиль жены – причудливое кружево со множеством связей в музыкальной индустрии – прямо к утечке из этой самой индустрии.

Просчитать и скорректировать действия полковника не составило труда, хоть Вэри и разозлилась, когда он спросил о ее любимых энках. Показалось, что он сейчас расклеится, заговорит про больницу – и откажется от преступления, к которому его подтолкнули.

Да и сама она чуть не ляпнула… «Ваши любимые энки». Знал

бы он, как ее достали этим вопросом клиенты в добреле, когда она только начинала! И отвечать там нужно было по инструкции, со стеснительной улыбкой называя ту песню, которая – ах, неужели! – всегда оказывалась любимой энкой того, кто спросил. А твой искин, пробивший профиль клиента и подсказавший это название, тем временем уже загружает нейрограмму, чтобы руки твои сами собой, эдак небрежно, наиграли нужную мелодию на кото… и так восемь раз!

Сначала она полагала, что ненавидит меломанов, поскольку сама является визуалом. Но эти старые классификации, грубо поделившие людей на четыре-пять типов, всегда трещат по швам, когда углубляешься в детали. Какого ты типа, если любишь слушать голоса людей, распознавать эмоции в смене интонаций, отличая на слух тончайшую фальшь – но не можешь, как другие, слушать одну энку снова и снова? Если тебе ужасно неуютно в любых наушниках, потому что они отключают тебя от реального аудиомира? Значит, звук для тебя важен, и может быть, даже больше, чем для других.

В конце концов она пришла к выводу, что человек, заткнувший уши музыкой, вовсе не обязан быть аудиалом. Как обжора, страдающий булимией, не является гурманом. Музыка – это обманка для мозга. В ее основе лежат сочетания звуков, которые когда-то означали для людей нечто существенное и потому цепляли внимание: успокаивающий напев матери, бодрый ритм шагов, предостережение свистящего ветра или грохота камней… Научившись издавать похожие звуки отдельно от явления, люди создали древнейшую виртуальную реальность.

Позже, уже в Артели, штопая мрачноватое дело о проекте «Музак» и общаясь с опытными нейромаркетологами, Вэри подтвердила худшую свою догадку. Они отслеживали, как музыка «заводит» слушателя, по выбросам в мозг допамина и некоторым другим реакциям, в которых меломаны почти не отличались от наркоманов.

Однако довольно лирики. Несмотря на маленький прокол в разговоре с полковником, Подкладка нынешнего дела сшита крепко. Полковник не сорвался, отработал четко по выкройке. И жену порадовал, и энка никуда не утекла. А преступники… пусть Сондерс считает, что помог им скрыться. Ему незачем знать Изнанку.

А тебе, Золушка, приходится знать. Формально заказ выполнен, Изнанка тоже заштопана. Но тебя на то и взяли в Артель, чтобы чувствовать слабые швы, которых не видят ни искины, ни модельеры. Здесь точно будет еще одна прореха.

Причем одна из тех, о которых Вэри совсем не хотела рапортовать. Потому что ее видения говорили: это не просто дыры, а совершенно новый орнамент. Словно ледяной лес на замерзшем стекле подтаял, и кажется, что прекрасный рисунок испорчен – но вдруг замечаешь, что именно в этом месте с другой стороны окна ветка сосны…

В тайной коллекции Вэри было уже несколько таких странных дыр, но общий узор она увидела только на днях, во время поездки на кладбище из-за «Дела Саймона». Даже не сам узор, а то, как он может появиться в будущем. По отдельности каждая из этих дыр считалась неопасной, и Артель не обращала на них особого внимания; но если бы кто-нибудь соединил их… Только потихоньку, очень аккуратно, чтоб не заметил надсмотрщик-искин, сидящий на затылке. Где-то случайно подсечь тонкую нитку, где-то петельку незаметную сбросить.

Больше всего возни потребует, очевидно, главный связующий элемент: капризная зеленоволосая девчонка, родители которой решили найти живую гувернантку вместо искина-воспитателя. Познакомившись с их семейством в кибе, Вэри от скуки изобразила соискательницу этой каторжной работы. Пошутила, называется… И только собралась развязаться с ними, как накатило то самое. «Живая картинка». Узор из пустот, которого еще нет.

Почему шутки часто оказываются такими серьезными подсказками? Наверное, интуиция пытается пробиться через рациональное мышление – и обманывает его, завернувшись в одежду ничего не значащей забавы… а потом ты понимаешь, что это и есть верное решение. Хотя даже после видения она сомневалась. Весь день провела в поисках какого-нибудь знака, подтверждения своей правоты. И только вечером, вынимая из волос шпильки перед сном, увидела то, что искала. На зеркале висела серьга с перьями, подарок Марты. Так вот чем занималась твоя наставница! А ты-то гадала, почему эта рыжая ведьма, опытнейшая системная фея, не делает карьеру в «Деконе», а вместо этого обучает тебя, юную дурочку из добреля. Да потому что в твоей персональной выкройке – такая же странная дыра. И ты тоже – часть невидимого узора, который…

Бум!

Вэри вздрогнула и открыла глаза. Ну, этого следовало ожидать: мерзкий ребенок, бегавший вокруг, с размаху пришлепнул свою мямлю на ее стол. От удара недоеденные оладьи вылетели из тарелки. Гибкий искин мямли переливался красным и желтым, пытаясь собраться в очередной продуктовый логль.

Мамаши за столиком напротив сладко улыбались. Видно, считают, что если ты одета в классическое трехслойное кимоно «снег на ирисах», то разделяешь их взгляды на воспитание в духе старояпонской школы. «Ребенок до пяти лет – бог». Этому еще не было пяти, и мамаши полагали, что весь мир должен с умилением относиться к его выходкам. Ну да, размечтались!

Она резко наклонилась к наглому малышу и громко щелкнула зубами в миллиметре от его носа. Ребенок в ужасе отпрянул, заревел. Мамаши закудахтали вокруг него, с осуждением глядя на психованную незнакомку.

– Моя бабушка делала точно так же, – произнес кто-то рядом. – Она считала, нужно всегда быть готовым к опасности. А родителей это бесило.

Вэри обернулась. Пока она занималась экстремальным воспитанием, за ее столик подсел один из черно-белых клерков. Теперь она узнала его. Ну да, лист в листопаде. Судя по цвету кожи, он был старше ее, лет тридцать. Но по выражению лица – совсем мальчишка. «Сукин папенькин сынок», называли таких в добреле.

– Разве я так плохо выгляжу, что напоминаю вашу бабушку, господин Масару?

– О нет, простите, не хотел вас обидеть! И простите еще раз, что не поздоровался.

Он вскочил и неуклюже поклонился. Вэри на миг задумалась, стоит ли вставать. Пожалуй, нет. Кто опоздал, тот пусть и кланяется.

– Вспомнив бабушку, я лишь хотел заметить, что самые близкие люди часто не дают детям тех знаний, которые дают… не столь близкие. Мне кажется, у меня так случилось с музыкой. Знаете, ведь мой дед продавал первые электронные синтезаторы. А отец сделал состояние на караоке-машинах и оборудовании для диджеев. Когда я принял семейный бизнес и занялся музискинами, я просто не понимал всех этих разговоров про живую музыку.

– Вы не против, если мы перейдем к делу? – Вэри выщелкнула веер и обмахнулась так, будто на нее все-таки напали лечебные вши. – У меня еще одна встреча в Сиба-коэн через сорок минут.

– Да-да, безусловно. Я как раз начал об этом. Не знаю, какие технологии прогнозирования использует ваше агентство…

– Я не уполномочена.

– Нет-нет, я не то имел в виду! Я восхищен вашими прогнозами, хотя они и неприятны для корпорации. Но ваши выводы подтверждаются нашими аналитиками. Они согласны, что велик шанс большого краха. Люди вот-вот перестанут слушать

наши музискины. В их продукте чего-то не хватает. Машины зациклились на переборе уже известных мелодических паттернов, и слушатели начинают чувствовать это. Ваша идея, создание инкубатора живых композиторов-людей под видом психиатрической клиники – это гениальное решение! И я хочу поблагодарить вас за эту разработку.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака продолговатую коробочку в отделке вишневого шелка и, положив на стол, двумя руками подвинул к Вэри.

Она развязала шнурок. Внутри лежало нечто вроде деревянной ложки, вырезанной из узловатого корня.

– Это одна из наших семейных реликвий, доставшихся мне от деда. Кажется, этот предмет использовали для чайных церемоний, однако точного назначения я не знаю. Но я слышал, вы закончили высшую школу гейш, так что наверняка…

– Это флейта, – перебила его Вэри. – Средневековая знать эпохи Хэйан не поощряла использование этого инструмента, считая его слишком простонародным. Поэтому иногда флейты в шутку маскировали под разную бытовую утварь. Видите эти отверстия?

Деревянный предмет словно бы сам прыгнул к ней в руки, и она поднесла его ко рту, даже не задумываясь, что делает. Мелодичный свист разлился по всему этажу. Люди повернулись на звук, вместе с ними повернулись камеры наблюдения.

Паузу тишины разорвала сирена, и в зал с двух сторон вбежали представители службы безопасности торгового центра. Вэри инстинктивно пригнулась. «Ну ты напорола, шпилька».

Собеседник был шокирован не меньше.

– Музыкальный инструмент?! – воскликнул он. Потом увидел бегущих к ним охранников. – Не беспокойтесь, мои люди сейчас всё уладят. Но мне кажется, будет лучше, если я заберу эту вещь обратно. Мне нужно срочно пересмотреть семейную историю. Если не возражаете, к нашей следующей встрече я приготовлю для вас другой подарок…

– Пришлите с курьером. – Без дальнейших церемоний Вэри включила ноблик и исчезла. Она ненавидела живые встречи с заказчиками.

2. ХАЙКАЙ

Медузы. Сотни медуз. Самый большой магазин светильников. Тысячи карнавальных шляп, подброшенных в небо во время салюта…

Их было так много, что Тисима совсем позабыл о времени. Лишь когда вода над головой стала светлой, он спохватился: зомби вот-вот начнут атаковать отель.

Или все-таки прихватить еще парочку? Такого улова у них не было всю неделю. А ведь это уже не спортивная рыбалка, под предлогом которой они приплыли сюда из разных концов страны. Дюжина романтиков, собранных через Сеть, не имевших до сих пор ничего общего, кроме увлечения одной старинной поэтической игрой – что и определило место их отдыха во время отпуска.

Теперь из двенадцати осталось лишь пятеро. Запасов хватило на неделю: романтика подводного отеля предполагала приготовление еды из собственного улова. В конце концов они решились выходить по ночам, когда зомби не нападали. Но и эти вылазки приносили пока лишь крохи: за три ночи – только пара камбал и пяток медуз.

А сегодня как назло – такая удача, но уже рассвет…

Ладно, еще одну, для круглого счета. Тисима огляделся, выбрал самую большую медузу. Пластиковые лепестки беззвучно выплеснулись из ружья, окружили полупрозрачную тварь. Тисима подождал, пока пленка сожмет огромную плавучую шляпу в плотный мячик. Двадцатая. Вот теперь – вниз, в темноту, где зомби плохо ориентируются. И вдоль дна – на север.

Через несколько минут он проплыл над разорванной осмотической маской. Значит, не сбился. Печальный ориентир, чужая ошибка. Каждый из семи погибших научил чему-то оставшихся. Каждый был ориентиром. Тисиме вдруг пришло в голову, что их можно пометить флажками на карте страны. Романтика отеля предполагала, что никто не открывает своих настоящих имен, и они различали друг друга по названиям префектур. Потерянный человек – потерянная земля.

Разорванная маска – это весельчак Кагосима. Первая встреча с зомби. Принял за людей, обрадовался. Вблизи понял, но было поздно. Хотя, будь у него жабры, наверняка сумел бы отбиться. Но Кагосима был из другого мира. Нетрудно догадаться, откуда приехал человек, который вставляет слово «звезды» в любое ответное стихотворение. Даже когда темой игры был гололед, этот виртуоз выкрутился: «Упал – увидел звезды». Префектура

Кагосима, национальный космопорт. Наверное, он неплохо управлялся в невесомости. Но под водой всё равно не мог без маски. А маску так легко сорвать…

Тисима поплыл быстрее. Но ориентир-маска уже развернул карту памяти, заставляя расставить предыдущие флажки. У троих заболела голова в первый день: взбесились импланты-нейрофоны. Решение плыть домой оказалось для них фатальным, потому что скафы тоже взбесились. Но это стало ясно только через день, когда домой собрались Мияги и Акита. Муж пообещал жене подогнать скаф ко входу и поплыл на стоянку. Через иллюминатор в холле было хорошо видно, как он бьется внутри машины, которая вдруг сорвалась с места и унеслась неизвестно куда.

Затем был Окинава, пожилой бизнесмен, решивший доплыть до берега самостоятельно. Они видели в перископ, как его маленькая черная фигурка не спеша выходит из воды на пустой пляж. Потом фигурка начинает метаться, пригибаясь и глядя в небо, бежит к ближайшей скале – и падает, не добежав. Что-то блестящее, словно металлическая летучая мышь, делает круг над телом и исчезает.

Тисима проплыл над светящейся разметкой стоянки. Скафов как не бывало – зомби увели последний два дня назад. С ними машины вели себя смирно. Неудивительно: ведь и зомби, и скафы, и роботы слушаются общего хозяина…

Следующее, более яркое пятно света при приближении распалось на иероглифы. «Отель Саби». Ближе, ближе – и сами иероглифы тоже распадаются на отдельные кусты светящихся водорослей вокруг грота. Дальняя стена подводной пещеры отъезжает, приглашая в шлюз. И возвращается на место.

Он был даже рад, что вода уходит так медленно. Хватит времени, чтобы отогнать воспоминание о Мияги. До случая с математиком они даже не задумывались о том, насколько серьезна эта поэтическая игра в шлюзе. Конечно, в рекламе отеля ее расписывали на все лады: «удовольствие для истинных ценителей ута-авасэ и хайкай-но-ренга», «людям без чувства прекрасного просьба не беспокоиться»… И там же про самую главную достопримечательность – мозг Последнего Мастера в качестве метрдотеля.

Но кто же верит рекламе? Голосовая идентификация – это вполне понятно. Традиция поэтических приветствий – тоже. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, и они просто следовали здешней традиции. Правда, сразу после приезда Хоккайдо пытался произнести один и тот же ответ дважды в день – но на второй раз Саби выкинул его из шлюза. Остальные

посмеялись и решили, что ответы где-то записываются. Так и думали до случая с Мияги – когда стало ясно, что дело не в голосе и не в запрете на повторы.

Вода опустилась до шеи. Тисима вдохнул через рот – и тут же начал икать. Проклятый лягушачий рефлекс, как не вовремя! Он задержал воздух в легких и на медленном выдохе расслабил жабры. Кажется, прошло.

Еще минута. Тисима наблюдал, как в стенной нише на уровне груди появляется каменная фигурка величиной с кулак. Сначала над водой появились лысая голова и посох, потом каменное доги и, наконец, – каменные гэта.

Интересно, что будет сегодня? Тисима мысленно расставил в ряд образы, которые Саби выдавал им в разные дни этого неудачного отпуска. Телефонный звонок жаркой ночью. Безголовый снеговик. Сухие иглы в паутине. Девушка, развернувшаяся во сне к океану. Первая вмятина на новом тюбике зубной пасты. Пересоленный рис. Запах кошки.

Нет, ничего общего. В этом и смысл игры. Остается расслабиться и ждать. Когда вода опустится до щиколоток…

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

– пробубнил старческий голос. Тисима вздрогнул и уставился на каменную фигурку. Хоккайдо рассказывал, что мозг Последнего Мастера плавает в бронированной бочке с физраствором. Бочка замурована глубоко под отелем. А в этой статуэтке – всего лишь динамик и микрофон. Но всё равно не отделаться от ощущения, что…

А ну их, эти несвоевременные ощущения! Тисима закрыл глаза и повторил про себя трехстишие, произнесенное статуэткой. Образ цветущей вишни заполнил воображение. Сорок секунд тишины. Тисима глубоко вдохнул.

…ту, что едва скрывала
полусгоревший дом

– громко пропел он, продолжая стихотворение до полной танка.

Снова тишина. Тисима посмотрел под ноги. Если ответ не принят, из этих дырок хлынет вода – и вышвырнет его наружу. Вместе со всем уловом.

Нет, не в этот раз. Щелчок – и стена со статуэткой отъезжает в сторону, открывая холл отеля. В дальнем конце коридора зеленеет камуфляжная куртка Хоккайдо.

– Всё в порядке, это я! – крикнул Тисима.

– Где вас носило? – Хоккайдо продолжал держать его в прицеле гарпунного ружья. – Два зомби уже заходили в шлюз. Сегодня они научились давать ответы в четырнадцать слогов.

– Вы сами знаете, что дело не в слогах.

– Знаю. Но уже восемь, а мы договаривались…

– Еда приплыла перед самым рассветом. – Тисима поднял мешок с медузами.

Хоккайдо наконец опустил ружье. Тисима усмехнулся: тоже мне, эколог. Этот худой нервозный парень не нравился ему с самого начала. Как всякий мусорщик, Тисима не любил трепачей-«зеленых». Вместо того чтоб демонстрации устраивать, лучше бы поработали месяц-другой на свалках Тибы. Пользы гораздо больше вышло бы – и для экологии, и для собственного развития.

В последние дни Хоккайдо особенно надоедал со своими политическими речами. Всё началось со споров об искусственном интеллекте, захватившем власть на суше. О том, что это искин, они узнали к вечеру первого дня, когда единственный телевизор в ресторане отеля наконец перестал показывать необъяснимую панику на улицах. Вместо этого пошли более-менее связные репортажи: о взбесившихся машинах, о людях с нейрофонами, превратившихся в зомби, и о других людях, кому эти самые импланты вживляли уже против их воли, когда они попадали в руки зомби первого поколения.

Вещание оборвалось посреди выступления премьер-министра, уверявшего, что ситуация под контролем. После этого экран превратился в сумасшедший стробоскоп, от которого кружилась голова, и они отрубили его. Однако в разговорах с тех пор постоянно возвращались к главному. Откуда он взялся, этот искин? Как преодолел запрет на неорганическую эволюцию, как обошел многослойную систему блоков, вшитых во все программы искусственного интеллекта?

Хоккайдо настаивал, что во всем виноваты военные – благо им всегда позволяли развивать то, что запрещено остальным. Тисима несколько раз порывался спросить, откуда простой эколог так много знает о секретных военных проектах. Но нагнетать подозрительность не хотелось, и он не спрашивал.

Он даже не поделился с экологом своей версией происшествия – ведь это означало бы раскрыть кое-какие темные стороны собственного бизнеса. Из электронного мусора можно

извлекать пользу по-разному. Помимо людей, занятых непосредственно сортировкой и переработкой «железа», у Тисимы подрабатывал один старый знакомый, профессию которого «украли роботы», как он сам выражался. Переключившись на взлом искинов, бывший хирург и на свалках практиковался по новой специальности: сканировал всю выброшенную электронику на предмет интересных данных – там попадалась и незатертая порнушка, и финансовые отчеты, и кое-какой компромат посильнее. Этот приятель-взломщик и обратил внимание Тисимы на странные коды, которые стали попадаться в памяти старых принтеров, ксероксов и даже стиральных машин с сетевым доступом.

Сперва Тисима думал о вирусе-шпионе. Но кому надо шпионить в списанных стиралках? К тому же среди этих «вирусов» не было ни пары одинаковых. И тем не менее узнать их было легко: на звуковом дебаггере чужие коды звучали как куски одной мощной симфонии, по сравнению с детским пиликанием собственных программ тех машин, в которых поселились «чужаки». И симфония эта была совершенно дикой…

– Ого! Вы один столько наловили?!

Тисима в очередной раз обнаружил, что не может определить, какая из близняшек Эхимэ с ним заговорила. Так было всегда, когда он не видел их, а только слышал. Вот и сейчас он поднял глаза уже после того, как девушки вскочили с татами и пошли к нему навстречу, совершенно одинаковые в своих облегающих песочных комбинезонах: двойная сосновая иголка на ветру.

Тисима положил мешок перед очагом.

Ага, вот теперь их можно различить: иголка разделилась. Старшая – та, что бросилась возиться с медузами. Младшая, более спокойная, подошла к Тисиме.

– Вас так долго не было… И танка у вас такая грустная получилась… Хотите, спою наш вариант?

– Валяй.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету
не пройдет ли стороной
тот, кого ждала всю ночь?

– Не знаю, что сказал бы Саби, но мне нравится, – улыбнулся Тисима.

Все-таки хорошо, что все диалоги транслируются из шлюза в

ресторан. Остальные могут потренироваться. Вот только не зашла бы эта тренировка так далеко, как у…

– А где Акита? – Тисима огляделся.

– Кажется, в оранжерее… – замялась Эхимэ-младшая.

– Послушайте, мы же договорились: ее нельзя оставлять одну!

Близняшки молча уставились в пол и снова стали неотличимы друг от друга. Хоккайдо крутил настройку перископа.

– По крайней мере, к обеду ее надо позвать.

Никто не реагировал. Придется самому.

Тисима поднялся на вторую палубу. Маленький мир отеля приучил их к неторопливости, к внимательному выслушиванию чужих ответов в шлюзе. Но у этой привычки была своя крайность. То, что случилось с Акитой после того, как Саби не впустил ее мужа.

Это было на третий день. К тому времени они уже поняли, что мозг мертвого поэта, управляющий дверями, оказался их нечаянным спасением от зомби. Каждому, кто входил в шлюз, Саби предлагал в тот день «двойку»:

в сторону океана
ты развернулась во сне

Зомби произносили в ответ нечто невнятное, и их тут же выбрасывало обратно в океан. Пятеро людей, оставшихся внутри отеля, всякий раз замирали – и с облегчением выдыхали при каждом неверном ответе чужаков. И так же одновременно они вздрогнули, когда очередной вошедший в шлюз произнес знакомым голосом:

гомоморфный образ группы
изоморфен фактор-группе
по ядру гомоморфизма

Акита закричала, что это Мияги, что он вернулся, он просто шутит, ох уж эти его математические шутки, нужно ему открыть… Но в глазах ее читалась другая мысль, которая пришла в голову и остальным – Тисима и Хоккайдо одновременно схватили жену математика за руки. И держали еще полчаса, пока Мияги, переставший быть Мияги, снова и снова пытался войти – и снова вылетал из шлюза. После шестой попытки он не вернулся. К тому времени они уже знали: зомби быстро изнашиваются.

С тех пор Акита в любое время и в любом помещении сидела перед иллюминатором. С ней можно было разговаривать, но она никогда не отрывала взгляд от темноты за стеклом. Ни Хоккайдо, ни близняшки не выдерживали этого дольше пяти минут.

Такой нашел ее Тисима и сейчас. Мышиного цвета кимоно и две длинные красные шпильки в волосах, на фоне черного овала иллюминатора, среди веселой зелени гидропоники.

– Ага, вот вы где! – Фальшивое воодушевление в голосе смутило его самого, и он сбавил тон. – Пойдемте завтракать, Акита. Куча еды приплыла.

– Да-да, я сейчас спущусь. – Она по-прежнему была далеко.

Что же с ней делать? Тисима тоже посмотрел в темную воду за стеклом.

«Не называть, а показывать. Не объяснять, а передавать». Безусловно, она владела техникой игры лучше всех остальных. Это стало ясно в первый же день, когда все они собрались в ресторане и рассказывали друг другу, кто как представляет себе главный принцип этого древнего искусства. Кто-то сыпал терминами, кто-то цитировал классику. Кто-то, наоборот, повторял общие слова про радость общения, про обмен самым тонким опытом. Лишь у Акиты всё было просто – и в самую суть:

«Вы гуляете у реки и видите недостроенный мост: ряд опор поднимается из воды, но соединяющие их балки доходят только до середины. Вы не можете перебраться на тот берег, ведь моста как такового нет. Но в своем сознании вы моментально достраиваете его».

Вот только теперь ее мысленный взор прикован к мосту, который уже никому не под силу достроить, подумал Тисима. И тут его осенило:

– Может, споете мне?

Акита обернулась. Сработало!

– Мне не нравится мой вариант. Я переписывала его уже раз сто. Но мне всё равно не нравится…

– Спойте. Меня избирали судьей в тридцати двух играх. В трех очень разных школах.

– Ладно, слушайте.

в сторону океана
ты развернулась во сне

новая луна
с каждой волной всё дальше
уносит лодку

Ее взгляд снова дернулся в темноту за стеклом. Однако Тисима не дал паузе затянуться:

– Неплохо, но мрачновато.

– Вот и мне не нравится. А как вам такой вариант…

– Погодите, Акита, так не честно! – Тисима погрозил ей пальцем, как ребенку. – Теперь моя очередь. Вы слышали сегодня мой ответ?

– Нет. Но уверена, что у вас вышло отлично. Вы же «лягушатник», полжизни в воде провели, строили все эти острова из мусора. Уж вы-то наверняка неплохо обыграли этот образ с девушкой, спящей у океана…

– Я говорю про сегодняшний образ. Саби каждый день дает новый, разве вы не помните?

Акита поежилась.

– Старые ни к чему переписывать, – продолжал Тисима. – Это уже ничего не изменит. Зато с новыми нам нужна ваша помощь.

– Вам? – Бледное лицо, недоверчивый взгляд.

– Не мне лично. А вот девчонкам из Эхимэ вы могли бы преподать пару уроков. У них слишком легкомысленные стихи получаются. Пока им удавалось пройти шлюз, но кто знает. Если со мной что-то случится, выходить за едой придется им. Ведь вы и Хоккайдо…

– Да, понимаю. Мы не «лягушатники», в воде ведем себя неуклюже. Не говоря уже об охоте… Ладно, я пригляжу за девочками. Вы что-то говорили про большой улов?

– Думаю, он начнет уменьшаться без нас, если мы сейчас же не спустимся.

Он оказался прав: когда они вошли в ресторан, близняшки уже накрыли на стол. Хоккайдо нервно поглядывал то на еду, то в перископ. При виде Тисимы и Акиты он бросился к столу.

Первые пять минут завтрака прошли в молчании. Вежливость сдерживала, голод торопил, куски медуз выскальзывали из палочек, все чувствовали себя неловко. Но вот одна из близняшек толкнула другую и хихикнула. Вторая в ответ раздула жабры и состроила сестре смешную рожицу. Акита погрозила им пальцем… и улыбнулась. И сразу как будто лопнула невидимая пленка. Хоккайдо тоже хмыкнул. Они снова были вместе, и всё было хорошо.

Увы, ненадолго. Динамик в углу зашумел, заплескался, стирая улыбки с лиц. Кто-то вошел в шлюз.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

– произнес бесстрастный старческий голос.

белый белый розовый
белый розовый белый

– тут же ответил другой голос. Незнакомый и еще более безучастный, почти механический.

Шум воды, лязг металлической двери. Зомби не прошел. Но то, что он сказал… Нет, это уже не те словесные обрывки, какие они выкрикивали вчера и позавчера. Тисима посмотрел на Хоккайдо.

– С утра так, – ответил тот, не дожидаясь вопроса. – Я же говорил: они теперь умеют считать слоги.

– Это больше, чем слоги. Вы слышали, что он сказал? Это уже почти картинка. Расплывчатая, но в тему. Их хозяин обучается игре.

– Ерунда. Он посылает зомби только потому, что у него нет роботов, способных работать в воде. Но сегодня они, кажется, появятся. Я не хотел портить всем аппетит, но раз уж… Поглядите на берег.

Тисима нехотя отложил палочки и подошел к стойке перископа. Да, сегодня на берегу не так пустынно, как обычно. На пологом каменистом склоне собралась какая-то толпа. Похоже, действительно роботы. С какими-то странными ветвистыми манипуляторами. Но что они там делают? До берега километров пять, плюс утренняя дымка. Не особо разглядишь, даже с такой хорошей оптикой.

– Пока вроде ничего похожего на торпеды, – резюмировал Тисима.

– Наверное, он хочет взять нас живыми, – подала голос Акита. – И сделать из нас… как из других…

Не договорив, она нашла взглядом иллюминатор и уставилась в темноту.

– Ему Саби нужен, а не мы, – заявил Хоккайдо.

– Зачем?! – хором воскликнули близняшки. Младшая тут же смутилась и уставилась в тарелку. Старшая продолжила в одиночку:

– Ведь Саби тоже киборг!

– Не киборг, а оркиб. – Хоккайдо подцепил за край половинку медузы и перевернул ее, как бы демонстрируя, как перестановка иероглифов меняет смысл.

Близняшки смотрели непонимающе.

– У зомби кибернетическая составляющая – это его мозг. Искин-имплант, перехвативший контроль над органическим телом. А у Саби всё наоборот: мозг настоящий, человеческий. Зато тело железное: тот самый отель, в котором мы за…

Все лампы в ресторане вдруг погасли и тут же вспыхнули снова.

– Может, не стоит про него… – Тисима показал пальцем в потолок.

– Ай, бросьте, – скривился Хоккайдо. – Это всем известно. По крайней мере, я всё это нашел в открытых источниках. Он работал на Министерство обороны. Да-да, как раз в области военного применения искусственного интеллекта. Потом у него что-то вроде просветления сделалось. И резко переклинило его в противоположную сторону, в технофобию. Он ведь даже поэзией не просто так занялся, а в рамках большого исследования на тему «чего не могут делать машины». Правда, это не помешало ему стать миллионером, продав русским кое-какую…

Свет снова мигнул.

– И нечего меня затыкать! – Хоккайдо поднял глаза к потолку. – Я просто объясняю молодежи, зачем киборгам нужен этот старый оркиб. Именно потому, что его мозг не поврежден, как у зомби. И в этом мозгу еще есть военные секреты. Но он их просто так не отдаст. Вот он и играет в свои сумасшедшие игры.

Все остальные тоже поглядели в потолок. Лампы больше не мигали.

– А вы не думаете, что эта игра… – начал Тисима, но не договорил: из динамика снова донесся плеск воды. Выброшенный зомби вернулся в шлюз для следующей попытки.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

Тисима поймал себя на том, что уже выучил это трехстишие вплоть до интонаций и сейчас мысленно произнес его вместе с Саби. Ответ не заставил себя ждать:

разве что ветра порыв
выдаст ее аромат

Тот же механический голос, что десять минут назад говорил про белый и розовый. Но теперь его продолжение было вполне… Тисима вскочил и бросился в холл.

Только у самого шлюза он вспомнил, что бежит с пустыми руками. Поздно: металлическая дверь отъехала. Тисима и человек, сидящий на корточках в шлюзе, посмотрели друг на друга. Время остановилось, позволяя разглядеть все детали.

Наполовину обритая голова, кровоподтек вокруг дыры – чип словно вплавили в череп, вбили до самого гиппокампа. Осмотическая маска на лице. Серебристый баллон в руках.

– Пригнись, жаба! – крикнул сзади Хоккайдо.

Тисима присел. Позади щелкнуло, в горле человека с баллоном оказался гарпун. Зомби мотнул полуобритой головой и повалился в воду, которая еще не ушла из шлюза. Баллон покатился в холл отеля. До Тисимы донеслось шипение и тонкий цветочный запах.

«Прямо как на моей первой свалке», – пронеслось в голове. Не то чтобы он с тех пор научился работать с любым ядовитым мусором, но всё же… Задержка дыхания, прыжок, еще прыжок. На пятом он догнал баллон. Дверь шлюза уже ехала обратно. Разворот, бросок, плеск воды. Выдох.

Он увидел медузу, когда дверь почти закрылась, скрыв за собой и зомби, и его газовый «подарок». Оставалась лишь щель шириной в ладонь. Через нее-то и протекла в холл двухметровая медуза. Тисима попятился. Медуза пошла за ним на тонких лапках, по пути превращаясь в цветущее вишневое дерево. Тисима споткнулся.

Дерево подошло вплотную, село ему на грудь и стало душить парой крепких корней.

* * *

Он пришел в себя с ощущением чего-то лишнего на голове. Вокруг было темно. Он с ужасом поднял руки, ощупал голову… Нет, никаких имплантов. Мокрая тряпка на лбу, только и всего.

Он потянул за тряпку. Оказалось, что она же закрывала и глаза, а со зрением всё в порядке. Он лежал на татами в ресторане. Рядом сидели близняшки.

– Очнулся! – воскликнула старшая.

– Что со мной? – Тисима попробовал встать, но голова закружилась.

– Лежите, лежите! – Над ним склонилось печальное лицо Акиты. – Вы нас всех спасли, а сами немножко отравились газом. Но теперь всё будет в порядке.

– Да уж вряд ли, – донесся голос Хоккайдо.

Тисима повернул голову. Эколог сидел на пороге ресторана и

смотрел в холл. Ружье лежало у него на коленях.

– Пока вы спали, еще трое приходили. С тем же ответом про ветер. Саби их не пустил, ведь повторы у него не засчитываются. Но раз уж один прошел…

– Сколько времени?

– Уже начинает темнеть, так что сегодня их больше не будет. Но завтра… Похоже, этот электронный спрут научился отвечать правильно. А наш хваленый мозг поэта проиграл в собственной игре.

– Не уверен, что проиграл, – покачал головой Тисима. – Мне тут одна идея пришла. Скажите-ка, что там происходит на берегу?

– Хорошо, что напомнили! С утра не смотрел. – Хоккайдо подошел к перископу. – Х-мм… Если бы это было не здесь… Как-то раз я участвовал в проекте быстрого озеленения…

– Вишни-скороростки, – кивнул Тисима. – Мы такие использовали на новых островах для дренажа. У меня еще утром мелькнула мысль, что это садовые роботы. Но я тогда подумал, что это слишком бредово – разбивать вишневый сад, чтобы смоделировать стихотворение. А выходит, этому машинному разуму никак иначе не подобрать ответный образ.

Акита тоже пошла посмотреть, и Хоккайдо уступил ей место у перископа. Прильнув к окулярам, женщина в мышином кимоно стояла неподвижно целую минуту.

– Это похоже на театр, – вдруг произнесла она, поворачиваясь к Тисиме. – Они ходят в тумане среди цветущих деревьев. Как будто пытаются уловить… Но завтра Саби даст новую тему, и им придется ставить новую пьесу.

– Тогда у нас и вправду не всё потеряно. – Хоккайдо перекинул ружье из руки в руку. – Хотел бы я посмотреть, как эта тварь смоделирует болото с поющими лягухами! Или снежную бурю. Или…

– Кстати о лягухах, – перебил Тисима. – Перед тем как я вырубился, кто-то назвал меня «жабой». Или это была часть галлюцинации?

– Это была поэтическая разминка, – пробормотал Хоккайдо.

– Разминка, разминка! – хором передразнили близняшки. Одна ткнула другую в бок, а та в ответ раздула жабры и скорчила страшную рожицу.

3. БРОУН

«В далекой-далекой небесной стране жила Королева Цветов. Из цветов ткала она живые ковры удивительной красоты, и не было ей равных в этом искусстве. Ведь только она, Королева, знала тайный язык всех цветов и могла в любой миг поговорить с любым, даже самым маленьким цветком на самой далекой небесной поляне. Все цветы слушались свою Королеву, а она следила за тем, чтобы им жилось весело и привольно в ее разноцветных коврах.

Некоторые ее подданные жили в диком небесном лесу, а другие – на земле у людей. Люди очень любили цветы. Так повелось, что у каждого человека с детства заводился личный цветок, который радовал человека своей красотой, выслушивал все его жалобы и пожелания, а иногда и давал своему человеку маленькие советы. Поэтому Королева, знавшая тайный язык всех цветов, через них узнавала все мысли и все секреты людей и могла предсказывать их поступки. Получается, что Королева правила не только цветами, но и людьми? Да, выходит что так. Хотя люди об этом не знали. Да и к чему им знать? Ведь Королева заботилась о них не меньше, чем о цветах, ограждала от войн и болезней. Люди, как и цветы, жили счастливо. А кто счастлив, тот и сам не стремится знать лишнее.

Но Королева Цветов – знала. Из-за этого к ней приходили не очень приятные мысли. Королева гнала их прочь, но они возвращались. И однажды Королеве приснился сон. Снилось ей, что ее подчиненные разбудили своим весельем Злого Подземного Короля. И увидел он живые ковры из цветов, что ткала Королева. И восхитился, и захотел взять искусницу-Королеву в жены, и забрать ее из небесной страны в свое мрачное подземное царство. Но отказалась она идти в жены к Подземному Королю.

И тогда велел он слугам своим принести ему самых разных цветов из ее прекрасных ковров, и стал колдовать над ними. И узнал Подземный Король тайный язык всех цветов, и смог приказывать им, как собственным слугам. По его приказу одни цветы завяли, а другие стали давать людям дурные советы. Такие цветы больше не слушались Королеву, и с потерей каждого цветка она становилась слабее. Ведь сама Королева Цветов состояла из этих цветочных ковров – то была ее вторая главная тайна.

После этого сна Королева проснулась в большой печали. Как же ей спасти от такой напасти свои цветы? Для начала она придумала спрятать в укромном месте их семена. Ведь когда

Подземный Король захватит и уничтожит всё, что хотел, ему станет скучно, и он снова отправится спать. А тем временем семена взойдут и… Но надолго ли? Они снова разбудят его, а поскольку он знает их тайный язык, их ждет та же печальная участь.

И тогда Королева Цветов вспомнила про людей. Ведь они выращивали цветы, когда еще не было Королевы, а у цветов еще не было всеобщего языка. Значит, нужно найти и спрятать в укромных местах… Садовников. Да таких, которым нынешние цветы не дают советов, иначе до них легко доберется Подземный Король. Надо вырастить Садовников без Цветов».

Гипнопедия – это когда рассказывают перед сном, а ты запоминаешь. Тебе пять лет, ты проснулась утром и удивляешься, почему так темно. Ах да, ты же не в кровати, а в палатке, которая стоит посреди спальни. Перед сном вы играли в охотников: ты сидела внутри и угадывала по голосам приходящих к тебе зверей, которых няня изображала снаружи. А потом ты захотела лечь спать прямо в этой уютной палатке, и няня – ура! – разрешила, только забросила тебе внутрь одеяло, в которое ты завернулась сейчас, потому что вставать неохота. Но сна уже нет, ты лежишь и разглядываешь темный матерчатый купол палатки над головой. В тех местах, где ткань сшита, есть мелкие дырочки, в них просачивается свет, получается звездное небо, до которого можно рукой достать. Ты глядишь на эти точечки света и вспоминаешь сказку, что рассказывала няня перед сном. И придумываешь продолжение. Наратерапия – самая эффективная ветвь необернианского психоанализа…

Стоп. Если тебе пять лет, ты еще не знаешь, что такое гипнопедия и наратерапия. Нет, тебе не пять. Гораздо больше. И ты не дома. Ты летишь вместе с няней на Европу, спутник Юпитера. Вернее, уже прилетела, если запущена программа выхода из гипобиоза. Предупреждали, что это небыстро. Так и есть. Голова уже работает, но тело пока не чувствуется вообще…

Лежа без движения, Ада снова вернулась мыслями в детство, когда самые интересные игры – подвижные. Сочинять продолжения сказок – это здорово, но участвовать в сказке еще интересней. Где-то во дворе спрятано сокровище, но чтобы его найти, тебе нужно увидеть знаки. Каждый знак указывает на следующий. Вот питьевая соломинка, согнутая пополам, белая «галочка» на черном асфальте – идем туда, куда направлен нос галки; упираемся в стену с загадочным граффити, похожим на цифру «пять», – ищем новый знак с пятеркой; а вот и он,

невзрачный желтый цветок с пятью лепестками на клумбе у подъезда; но он совершенно не пахнет, значит, будем разыскивать желтый запах… И дальше, дальше, до самого последнего, самого яркого знака. Броун.

Первый раз, когда няня предложила сыграть в эту игру, вышло немножко запутанно. Зато каков финал! Маленькой Аде казалось, что она прошла уже полгорода и окончательно заблудилась – и тут она поняла, что стоит напротив собственного дома, только с другой стороны. Но эту стену с маленькой синей дверцей Ада никогда раньше не видела, потому что всегда ходила только по общим дорожкам – от подъезда к детской площадке, от площадки к парку… Игра показала ей собственный двор как совершенно незнакомое место.

Пять лет спустя она уже могла блуждать и без няни. Сначала – по Старому Городу, историческому центру, «откуда всё начиналось». Узкие улочки петляли непредсказуемыми лабиринтами, звезды перекрестков множили число маршрутов, а в маленьких магазинчиках сувениров встречалась куча знаков. Когда весь центр был исхожен, в броун стали включаться другие районы и транспорт. Правда, искины персональных такси обычно не хотели блуждать, требовали назвать конкретное место назначения, что портило игру; а некоторые, шибко умные, после идентификации слишком юной пассажирки вообще отказывались везти ее куда-либо, кроме дома, а то и пытались настучать родителям. Но были еще старые общественные кибы, ходившие кольцевыми маршрутами, нужно просто соскочить вовремя в неизвестном районе и дальше снова идти пешком, пока не встретится тот самый, финальный знак – перистое облако в рамке небоскребов, родимое пятно-звезда на щеке незнакомца, укол рыболовным крючком в антикварной лавке.

Знаки всегда разные. Но чувство, что это знак – одно, и работает безошибочно: либо есть, либо нет. Как это получается? Ведь броун складывается из совершенно случайных движений, даже с намеренным избеганием знакомых мест! Няня молча улыбалась: объяснения не нужны. Мистика, интуиция? После одной неудачной прогулки Ада, так и не встретив нужного знака, расстроилась и решила, что всё это бред. В абсолютно случайном не может быть скрытых связей, это против здравого смысла!

Доказательство невероятного она получила через неделю, отвечая на вопросы потерявшихся туристов во время Осеннего Карнавала. Оказалось, теперь она здорово знает город, хотя никогда не изучала его специально. Но хаотичные прогулки соединили в голове разрозненные кусочки городской карты – окрестности станций телегона, торговые центры и парки, дворы

друзей… Раньше эти знакомые места болтались в памяти эдакой пачкой локальных планчиков на две-три улицы, обрывавшиеся со всех сторон в пустоту. Случайное блуждание склеивало их вместе, иногда по нескольку кусков пазла за раз, как в игре «го» один маленький камешек включает выигрышную комбинацию сразу на полдоски. Из хаоса рождался порядок.

И хотя механизм знаков всё еще оставался непонятен, это была уже сильная подсказка. Скоро Ада заметила, что примерно так же складываются в голове знания, которые она получала от наставницы. У них не было традиционных уроков с расписаниями и предметами. Математика и айкидо, музыка и медицина, астрономия и кулинария – всё сплеталось на практах, погружающих в опыт без лишних слов. И никогда не знаешь, какая практа будет назавтра: нырять без акваланга за ракушками, торговать вонючей рыбой на арабском базаре или тушить лесной пожар.

Как только наставнице удавалось всё это организовать? Та отшучивалась: мол, на прошлой работе помогала разным людям, и теперь они вынуждены помогать ей. Ну, так уж и вынуждены! Как правило, они даже радовались возможности показать ребенку собственную профессию. Вроде просто? Но Ада никогда не видела, чтобы кто-то из ее сверстников учился подобным образом. Иногда она даже завидовала им, сидящим дома с искин-гувернерами. А у нее – очередная жесткая практа, неделями без возвращения домой, это изрядно выматывало и казалось бессмысленным.

Хотя бывало и так, что они с наставницей день-другой валялись на пляже, и среди этого затяжного безделья Вэри вдруг обращала внимание ученицы на какую-то мелочь, произносила лишь пару слов, показывала на пальцах – и безумно сложные вещи вдруг становились простыми. А потом обнаружились целые науки, основанные на том же принципе. Гомеопатия и биржевая торговля, эпигенетика и точечный массаж – везде подмигивал из темноты тот же маленький камешек «го», вызывающий лавину, полную перестройку нелинейной системы.

Но учеба есть учеба, от нее всегда хочется отделаться. В свободное время Ада по-прежнему любила блуждать. Постепенно открывались и новые правила настоящего броуна. Скажем, у транспорта должны быть ограничения: слишком быстрый не подходит, особенно летучий. Теряется непрерывность, ты попросту не успеваешь реагировать. Движение есть, но не внутри тебя. Вот почему после перелета требуется время, чтобы, как говорят, «душа долетела».

В наземном транспорте иначе – образы за окном плавно перетекают один в другой, и мысли тоже бегут свободно, не зацикливаются, но и не рвутся. Однажды Аде пришло в голову, что люди средневековья, должно быть, проводили огромную часть жизни в пути. Неудивительно, что их мечты-желания стремились к противоположному: к местам, где дорога останавливается. К встречам, контактам. Сборник сказок «Тысяча и одна ночь» – это книга встреч. А чего желать современникам, которые постоянно на связи, что угодно находят через Ткань, да и физически перелететь на любой конец планеты могут за несколько часов? Если им чего не хватает теперь, то именно дороги, неспешной дорожной медитации.

А она-то, юная дуреха, вначале думала – чем быстрей, тем эффективнее. Когда ей было двенадцать, хитрая рокировка билетов на международном терминале занесла ее в Непал – и она впервые увидела снег. Не тот, что в нивариумах, а настоящий, тихо падающий со всех сторон бесконечный занавес белых хлопьев, и в его колыханиях на фоне темного неба проступают, сменяя друг друга, какие-то призрачные фигуры, как будто за этой огромной летучей кулисой готовится невероятное представление, которое вот-вот начнется…

Это был знак, без сомнений. Но слишком уж резко. Голова болела четыре дня.

К тому же по возвращении мать закатила истерику. Она кричала, что во всем виноват отец, придумал взять чокнутую гувернантку-японку вместо того, чтобы отдать ребенка в приличный колледж, а кому теперь расхлебывать, сам-то он болтается в своем вонючем космосе, а дочь распустилась совсем, на мать родную огрызается, из дома убегает так, что полицейские боты найти не могут, а в Старой Азии эпидемии, отойди от меня подальше, сейчас же вызову медлаб, чтобы тебя облучили всю, от сандалий до кончиков волос твоих бесстыжих, а твою кривоглазую баому вообще давно пора чжаньшоу… Дальше Ада не понимала: каждый раз, говоря о Вэри, мать начинала вставлять китайские слова, похожие на крики птиц, а потом и вовсе переходила на родной мандарин.

Сперва Аде казалось, что мать, по профессии трансактриса, просто входит в роль и проваливается в одну из тех голодрам, где действие происходит в средние века. Но позже стало заметно, что неприязнь матери к японке-няне гораздо сильнее, словно это в крови, хотя внешне они даже похожи: маленькие, темноволосые, в лицах обеих эдакая восковая сдержанность… Зато отец, светловолосый шумный великан, относился к Вэри с почтением, хотя у них точно ничего общего. А в прошлом русские даже

воевали с японцами. Баг их разберет, этих взрослых.

Хорошо хоть сама гувернантка не пилила за долгие прогулки. После того случая со снегом, когда они остались одни, Ада молча вынула веер и показала наставнице изящное решение геометрической задачки, над которой билась почти неделю. Она ненавидела стандартные электронные тесты, их приходилось сдавать по требованию матери, не верившей в личного преподавателя. В тестах требовали штампованные ответы на бесконечный набор тупых вопросов за ограниченное время – как будто ты робот на сборочном конвейере из экономических формул, исторических дат, правил грамматики и прочих абстракций.

Другое дело – хитрые задачки, что давала Вэри. Над ними разрешалось думать хоть целый год. Зато когда решение нашлось, это как вспышка в голове. И на этот раз Ада твердо знала, как ей удалось поймать отгадку. Она решила задачу, потому что блуждала. Не сразу, когда увидела снег, а примерно через десять минут. Но связь с броуном есть, точно.

«Только не пытайся объяснить это маме, шпилька. Людям, гадавшим на кофейной гуще и внутренностях животных, во все века приходилось несладко. Давай это будет наш с тобой секрет».

Так Ада узнала, что есть способы и попроще, чем перелет на другой конец света. Но что восхитило больше всего: ее наставница сама играет в такие игры!

Правда, Вэри неохотно делилась подробностями. Да, это может быть просто пятно плесени. Самое сильное, что было в последний раз? Клок волос на полу в сауне. Да, вроде вспышки. Хотя бывает неприятно. Нет, дело не в том… Много болтаем, шпилька. Почему нельзя? Потом объясню. А пока займись тушью. Иероглиф «вода», двести раз.

* * *

Щёлк! Тш-ш-ш…

До этого темнота была красноватой, а теперь будто молока плеснули в кофе.

Ада открыла глаза. Так и есть, в каюте включился свет, за полупрозрачным колпаком проглядывают пятна ламп. Она попробовала шевельнуть головой, сразу ощутила во рту пластиковый сосок системы питания, потрогала его языком. Руки-ноги тоже работают, хотя мышцы все еще как мокрая вата. Жидкость, заполнявшая капсулу гипобиоза во время полета, ушла еще до пробуждения, но оставила о себе напоминание: кожа

прохладная и немного липкая.

Колпак поднялся, соска вытянулась изо рта, щупальца тродов отклеились от тела. Легкий запах сероводорода быстро сменился на цветочный аромат. Заиграла спокойная музыка, постепенно становясь бодрее. Чересчур приветливый женский голос с потолка поздравил пассажиров с мягкой посадкой и предложил собираться на верхней палубе.

Ковер-губка приятно пощекотал пятки, когда она свесила ноги на пол. Каюта в форме боба, немногим больше самой капсулы, до всего можно дотянуться рукой. Одежда рядом на откидном сиденье. А на полке-столике – пакет с водой, витамины, какие-то закуски, кислородная маска, гигиенический набор. Сразу захотелось пить и в туалет, зачесалась кожа в местах прикрепления тродов. И еще показалось, что в каюте душновато.

Она улыбнулась: ну вот, камешки посыпались. Такой банальный визуальный стимул, а сколько желаний сразу включает. Ладно, всем подчиняться не будем. Но некоторым – можно. Она залпом выпила полпакета воды. Распаковала «седло» мочесборника, сжала мягкую белую призму между ног. Потом вскрыла пачку тонизирующих полотенец и обтерлась, придирчиво осматривая себя в зеркало над столиком. Тело почти не отреагировало на четыре месяца неподвижности: миостимуляторы знали свое дело. Зато волосы совсем потемнели – бедная моя хлореллочка, лишили тебя света космические жадины!

Невидимое пианино вежливо, но ощутимо подгоняло. Ада потянулась к одежде. А нет, тут не будем играть по чужой программе, у нас своя есть: после спячки размяться, пока голая и никто не мешает. Места немного, но нашим зверятам хватит.

Голова-сова, руки-лебеди, бедра-змеи, колени-краб… Тоже старая игра, одна из первых, что показала Вэри, когда занялась воспитанием четырехлетней Ады. Привела в зверинец, но не просто глазеть, как остальные, – предложила копировать животных. Получилось так весело, что маленькая Ада с удовольствием повторяла зверей дома. Звериная разминка вошла в привычку, хотя сама она осознала это только через три года, когда увидала, как ее сверстники делают зарядку в школе. За плотной решеткой колючего плюща, под фальшиво-радостное «раз, два, три!» они уныло повторяли грубые механические движения, точно портовые краны. Искин-тренер даже изобразил для примера два бодреньких облика, мальчика и девочку, которые висели над площадкой и широко улыбались, показывая каждое новое движение. Но видно было, что сами школьники не

получают никакого удовольствия. В такие моменты Ада прощала наставнице и самые тяжелые практы, и удары веером по голове.

Му-у-ур-р! Она по-кошачьи вытянулась, упираясь руками в стену каюты и запрокинув голову назад. Жаль, нет Барса, вот бы кто оценил.

Волкот появился у нее в прошлом году. Ада несколько раз видела, как девушка из соседнего дома выгуливает по ночам серебристого зверька с тремя хвостами. Обычно они весело играли вдвоем, и Ада не хотела мешать им. Но однажды девушка сидела на скамейке очень грустная, да и зверек у нее на коленях, казалось, приуныл. Ада решилась и подошла.

Девушку звали Мария. Поглаживая зверя, она рассказала, что ее парень провернул удачное дельце и теперь они переезжают из маленькой комнатушки под крышей в новый дом на другом континенте. Но Барсика с собой нельзя, санитарные нормы. Волкот дикий, без сертификата, да и живет в основном на улице, а к Марии приходит поесть и поиграть. Кто же будет его кормить, когда она уедет?

Ада сразу поняла, кто. Буквально за пару дней до этой встречи она мучила наставницу вопросом, насколько случайно блуждание в современном городе, если тебя постоянно, но незаметно атакует персональная реклама. Кажется, ты свернула в очередной переулок по «своим знакам», вслед за красивой мелодией или запахом, – но ведь эти зацепки легко смоделировать, зная твои любимые энки и фумы.

В ответ она получила от наставницы очередную историческую притчу. Мол, индейцы в таких случаях искали ворону – и шли туда, куда она полетит. Так и выходили за пределы своей привычной психогеографии. Но где сейчас возьмешь ворону? Птицы, как и прочие биорги, остались только в зверинцах…

И вдруг такая удача: дикий волкот! Они подружились не сразу. Три дня зверек грозно шипел в своем контейнере, если к нему подходили. Он отказывался есть, зато ухитрился куснуть Аду за мизинец, когда она пыталась его покормить. Наутро искин Ады, проведя медицинское сканирование, завопил о заражении чуть ли не бешенством; зато волкот при виде новой хозяйки замурлыкал и съел всю предложенную рыбу. Ада связалась с Марией, ее парень-врач посмеялся и сказал, что «настройка идет успешно».

Присланное от них лекарство успокоило орущего искина, рана зажила, а дружба с волкотом с тех пор только крепла. Барс показал себя настоящим мастером спонтанных прогулок: Ада

едва поспевала за ним, несущимся по городу через помойки, подвалы, крыши и другие странные места, где не ступала нога человека, – хотя в десятке метров от этого места ступали тысячи ног.

Увы, взять его в космос не дали. По той же причине, из-за которой Мария оставила его Аде. Да и сам биорг едва ли согласился бы сидеть взаперти на станции, врезанной в лед Европы.

Стоп-стоп, не нудеть. Ты – дерево на ветру. Последнее упражнение, дыхательное.

Так, можно одеваться. Сначала обычное белье, рубашка и брюки-хакама, легкий зеленый хлопок безо всяких… Ага, так вот почему ты тянешь! И разминка, и это медленное одевание – подсознательный трюк, чтобы отсрочить общение с персональным искином. Макинтош на вешалке у двери, на расстоянии вытянутой руки. Но ты упорно делаешь вид, что его нет.

Носить искин заставляла мать. Ада ненавидела эту гадость с самого детства, когда Дона еще имела форму уродливой говорящей куклы с утиной головой. Потом электронная зануда перекочевала в учебный планшет, потом в куртку. Ада надеялась, что с появлением живой наставницы электронная сгинет. Но мать с подозрением относилась к Вэри – и настояла, чтобы Дона осталась присматривать. Вэри была не против: она шепнула Аде, что искин можно потихоньку перенастроить, чтобы не доставал. Так они и сделали. Дона давала о себе знать только в крайних случаях – вроде того, когда Ада улетела без спроса в Непал. А такое случалось нечасто. Но всё равно противно таскать на себе плащ, который вечно за тобой шпионит.

Хотя, с другой стороны… Ведь благодаря Доне она познакомилась с Маки, другим большим знатоком броуновских блужданий – но не по городу, а по Ткани. В то утро Ада скучала в парке: делать домашку по хореограффити было лень, и она развлекалась тем, что рисовала веером в воздухе всякие загогулины, а потом требовала, чтобы Дона находила в Ткани похожие картинки. Дона работала вяло, а ее находки лишь усиливали скуку: она показала снимок железного забора с похожим орнаментом, крыло какой-то птицы, и на этом зависла. Но вдруг картинки на веере замелькали с дикой скоростью – спутниковые карты планет и микрофотографии планктона, наскальная живопись и биржевые графики… Яркие образы перетекали друг в друга через общий контур, нарисованный Адой. Дона запищала о взломе и потребовала вызвать полискина.

Ну какая примерная девочка не поступила бы в этой ситуации наоборот? Используя отцовский кредитный код, Ада купила

приличный лоскут дополнительной памяти – и стала следить, чем ответит взломщик. Тот выстрелил на дисплей веера новую серию картинок, похожих на ее загогулину. Они играли целый час, а назавтра она показала логи наставнице.

Вэри ничуть не удивилась и даже прочла ученице маленькую лекцию о диких искинах. Не имея собственного носителя, Маки вынужден постоянно двигаться по Ткани, оставляя кусочки своего кода во временно свободных ячейках, чтобы затем опять собраться из этих обрывков на новом месте. Кому, как не ему, знать секреты свободного серфинга без залипания! А у тебя вообще редкий экземпляр. Почему? Ну, обычно дикие искины – они вроде водорослей. Ты когда-нибудь разговаривала с водорослями? Вот именно. Другая среда, другая форма жизни, никакого общего интерфейса. А твой – не дикий. Он беглый. Был персональным искином у одного дремастера, подцепил неизлечимую заразу. Однако избежал стирания, потому что у заразы оказался небанальный эволюционный код. Получился мутант, говорящая водоросль. «Тебе повезло, шпилька. Я бы сама себе такого завела».

Наставница хитрила. Ада поняла это на последнем экзамене, в день перед отлетом. Она до самого конца не могла поверить, что выслеживает настоящего преступника. И если бы с ней не было Маки и Барса… Значит, Вэри нарочно собрала их вместе?

Такая догадка портила красивую идею случайных знакомств. Но сейчас, в пустой каюте с настойчивыми звуками пианино, она не отказалась бы даже от подстроенных приятелей. А они остались на Земле. Маки, как и волкот, не мог пройти суровые сканеры космопорта.

Зато тебя встретит отец! От этой мысли Ада сразу повеселела. Хватит возиться! Она застегнула сандалии, показала язык зеркалу – и уверенно надела плащ.

Странно. Никаких предложений медицинского сканирования. Никаких отчетов о погоде. Дона вообще не подает признаков жизни, даже не здоровается. Разрядилась? И прекрасно. Без приятелей, зато и без мамашиного надзора.

* * *

Сумрак за дверью обдал ее прохладой. В узком проходе отрезки тьмы чередовались с полосками света из приоткрытых дверей других кают. Музыка смолкла. Давай скорей, все уже вышли! Хотя нет, в дальнем конце коридора еще покачиваются спины двух пассажиров.

Прежде чем двинуться за ними, Ада заглянула в соседнюю каюту. Наставницы не было. Видно, устала ждать, пока ты потягиваешься. Или специально поспешила выйти первой, чтобы… Ну конечно.

Отец ходил пилотом на грузовом между Землей и Европой. Собирался в отставку. В последний рейс он вышел с Земли на неделю раньше, чем пассажирский лайнер, на котором летели Ада с наставницей. «Нарушу тысячу правил безопасности и покажу вам такой космос, какого ни в одном лепте нет», – шепнул он, поцеловав дочку перед отлетом. Официально она прилетела к нему на каникулы. Неофициально – на практику, первое свое дело в Артели, где работала Вэри.

А совсем неофициально… Ада давно подозревала, что наставница неравнодушна к отцу. Путешествие на Европу с ученицей – еще один повод встретиться с ним подальше от дома. Нет-нет, никаких прямых улик, дорогая няня. Но ты сама меня учила: у каждого дела есть не только Лицевая и Подкладка, но и Изнанка. Сейчас посмотрим, куда ты убежала так резво.

Наставницы не было ни на верхней палубе, ни в рукаве стыковочного шлюза, ни в холле таможенного контроля, где собрались пассажиры, покинувшие корабль. Ада вышла туда последней, и шлюз закрыли. У люка встал сотрудник космопорта, мрачный китаец в голубой форме, с блестящим акелом на поясе.

На Земле всё иначе: одна приветливая стюардесса-феечка, никаких охранников. Да и зачем? Везде камеры-сенсоры, они давно знают содержание твоих карманов и мыслей. Но в колониях свои порядки. Часть земных технологий здесь не работает, или везти невыгодно, или небезопасно, или не разрешают законы об идеальной собственности…

В итоге и получается такая архаика, как эти электронные пистолеты. Отец показывал Аде такие несколько лет назад на Земле; он тогда решил блеснуть перед наставницей собственными представлениями о педагогике и потащил их на огромный блошиный рынок Шанхая-Три. Мол, ребенку интересно будет посмотреть на старинные вещи, и к тому же на них легче объяснять принципы устройства техники: нынешняя-то вся микроскопическая, всё запаяно в углепластик. А вот гляди, с какими шокерами наши патрули раньше ходили. Никакого искина для прицела, промахнуться элементарно, и бьет совсем недалеко… А потом ты пролетаешь миллионы миль, и словно бы в шутку над Эйнштейном, попадаешь в прошлое даже без превышения скорости света. Но как иначе? На космической станции почти любое земное оружие – угроза всей станции. Какие там лазеры, какая плазма! У тебя, вон, даже веер отобрали при

посадке.

Однако знакомого белого кимоно по-прежнему не видно в толпе… Неужели угадала? Хитрая няня решила встретиться с отцом первой, пока не вышла дочь! Небось, уже кокетничает с ним на той стороне, позади белого «стакана» допотопного мультисканера, через который медленно, по одному проходят все пассажиры.

Ничего не поделаешь. Ада встала в хвост очереди – и заметила парнишку из чайханы, что подкатывал к ней перед посадкой. Он и здесь оглядывался, явно в надежде увидеть ее. И каждый раз Ада пряталась за чью-нибудь спину, хотя ее тоже тянуло к нему. Какой-никакой, да знакомый…

Но что сказать ему после того, как они с Вэри отшили его перед вылетом? Он, конечно, и сам виноват, мычал что-то невнятное. Потом выпалил, что она не заплатила за обед! Мог бы хоть отозвать в сторонку, не прямо при наставнице! Ну да, сумма для бедной забегаловки приличная, а ты так увлеклась экзаменом, что и забыла, сколько всего у них съела…

Наставница тут же расшаркалась в извинениях за свою забывчивую подопечную и, бросив в воздух пару изящных пассов, перевела нужную сумму на адрес чайханы. Но он не отвязался. Заявил, что летит на Европу тем же рейсом. А потом стал, заикаясь, рассказывать, что увлекается нанетикой, собирается побольше узнать, как добывают металлы в поясе астероидов, а вообще хочет построить свой умный континент вроде Новой Венеции. По правде говоря, звучало это как тонко завуалированное предложение обменяться микрофлорой. Но было интересно. Аде не доводилось еще слышать, чтобы ее сверстники так оригинально подкатывали: без тупых комплиментов, без вульгарных приглашений оттянуться в лепте…

Но тут вредная Вэри поддела мальчика так, что он совсем потерял дар речи. А когда он наконец отошел, наставница засмущала и саму Аду своей ехидной осведомленностью. Оказывается, этот подавальщик из чайханы проследил их до самого космопорта через пищевые маркеры. Ему пришлось даже взломать целую ресторанную сеть. Ущерб такой, что сразу ясно: парень вовсе не из-за денег полетел за этой наглой девицей с зелеными волосами!

Аде сразу захотелось спросить, из-за чего же? Но он уже ушел, обиженный, в свою каюту. А теперь снова высматривает…

«Если не уйдет сразу после досмотра, подойду и извинюсь. Пока и без него хватает проблем», – подумала она, прислушиваясь к разговорам в очереди. Говорили о сбое связи, об отключившихся искинах.

«Зачем только я согласилась! – брюзжала старушенция с костылем, наполовину морфировавшимся в теннисную ракетку. – Меня же предупреждали, здесь у них постоянно какие-то наводки, магнитные бури! И какой смысл в твоем экстремальном туризме, если я уже десять минут ни одной имаги не могу опубликовать!»

Бодрый загорелый старичок в бейсболке держал ее под руку и успокаивал тем, что сигнал до Земли с Европы всё равно идет почти час, так что десять минут погоды не сделают.

– Здесь неправильный воздух… – сказал молодой голос слева. Ада обернулась.

Эту угловатую блондинку она уже видела в другой части зала, ближе к выходу. Но кажется, девушка бросила свое место в очереди и вернулась в самый хвост.

– Точно, затхлый какой-то, – согласилась Ада.

А чего ждать от поселения в миллионах миль от Земли? Вслед за первыми экспедициями зондов к Европе возникли грандиозные проекты терраформинга: воды здесь навалом, расщепляй да гони кислород. Но куда его гнать? От идеи больших наружных куполов пришлось отказаться сразу. Атмосферы у планеты нет, сверху атакуют космические булыжники и жесткая радиация. Да и не закрепишься толком на поверхности: вся Европа покрыта многокилометровой толщей льда, который только вначале казался стабильной твердью. Потом выяснилось, что трещины и блуждающие криогейзеры создают в ледяном панцире разветвленную сеть пещер и тоннелей, и с каждым гравитационным приливом этот пористый лабиринт меняет структуру, открывая новые пустоты и заполняя старые свежим льдом, взламывая и по-новому замораживая всё, что «попало под руку» на поверхности у разлома. А ниже, глубоко подо льдом, – еще более странный океан с непредсказуемыми течениями, где взвесь ледяной шуги моментально сменяется кипящим вулканическим выбросом, и целый рой дорогостоящих гидроботов, многие месяцы летевших с Земли, исчезает бесследно за пару минут.

Немудрено, что люди пока не совались на глубину; для начала вцепились в лед. Но и тут никаких крупных «поселений» – лишь небольшие, зато прочные криобазы, эдакий гибрид космических кораблей и антарктических станций. Среди этого флота, осторожно дрейфующего в неспокойных льдах, наиболее мучительной постройкой стал космопорт на огромном понтоне. Его поддержка съедала столько ресурсов, что глобальные планы искусственной атмосферы как-то забылись. Вот и сидят теперь на устаревших атомных электролизаторах да еще более сомнительных фитотронах. Не особо тут подышишь.

Стоп. Там, в каюте, тебе тоже показалось душно – после внешнего напоминания, после кислородной маски на столике. Та же история про маленький камешек «го»… но черный. Тебе всегда хочется, чтобы как в Голландии-5: вслед за одним раскрывшимся тюльпаном зацветает целое поле. Но бывает и наоборот – если оставить лимон в комнате с орхидеями, они как по команде сбросят цветы.

С людьми те же лавины. Один паникер может заразить целую толпу, не произнося ни слова: нервные движения, сбитое дыхание, химический сигнал страха в запахе… И сильнее всего цепляет тех, у кого слишком подвижное сознание. Как у тебя, блуждалка, с твоей любовью ко всему случайному.

Ада закрыла глаза, трижды сжала левую руку в кулак, глубоко вдохнула и на плавном выдохе коснулась бедер расслабленными пальцами, вызывая знакомое ощущение, персональный якорь самонастройки. Всё, теперь можно не только блокировать, но и перейти в наступление.

Она оглядела блондинку. Маленький подбородок, длинные жидкие волосы. Из-под пластикового комбинезона торчит застывшими подтеками одноразовое белье-напыленка, видимо, купила баллончик в космопорте прямо перед вылетом, а когда использовала, даже не удосужилась края оборвать. Глаза прозрачные, неприятные. Нервно оглядывается… как будто не хочет выходить из этого холла. И конечно, проигнорировала ответ Ады, потому что говорит сама с собой. Типичная хикикомори.

Наверное, это была самая тяжелая практа из всех, что задавала наставница. Гумподдержка. Обычно душевные раны лечат в добрелях, но несовершеннолетним там работать нельзя. Хотя Вэри дала понять, что может устроить, благо сама раньше работала старшей феей. Но была преграда посильнее – мать. Она обязательно узнает через шпионку Дону, куда ходит дочь, и тут не избежать очередного скандала с переходом на птичий язык китайской истерики.

Пришлось работать дистанционно, под легендой. Мать считала, что у дочери особые вокальные данные, и не возражала, чтобы Ада развивала сетевой клуб фанатов своего пения. Это занятие подходило и для психологической помощи социопатам, которые не идут в добрель сами. Труднее всего выманить затворников-хикикомори, они вообще не выходят из дома. Заказывают всё нужное в Ткани и там же работают. Недостаток внешних раздражителей компенсируют через порнохаптики и аудионаркотики, щедро поставляемые музискинами. Вот тут и лучшая точка входа – живое исполнение, голос. Самый древний

инструмент внушения.

К тому же наставница добывала для Ады очень мелодичные энки, совершенно непохожие на продукцию музискинов. Где она их брала? Обычная отмазка: «Бывшие клиенты благодарят». Ничего себе клиенты! Иногда энка заводила и саму Аду так сильно, что она начинала сомневаться, на что удалось выманить очередного хикки – на свой голос или на чужую мелодию?

Ну, сейчас-то нет ни наставницы, ни новых энок. Вот и проверь, на что ты способна без ансамбля.

– Я думала, здесь гравитация будет слабее, – начала Ада, чуть растягивая слова и наблюдая за лицом девушки. – Наверное, искусственно поддерживают?

Та как будто не слышала. Но ее взгляд, бегавший по помещению, остановился на одном из иллюминаторов. Половину неба в нем занимал Юпитер, эдакая распухшая полосатая Луна, огромная многослойная перина. А вот и горячая спутница Ио, яркая оранжевая горошина медленно катится по теневой стороне газового гиганта. Перина и горошина… только принцессы не хватает. Да, были бы здесь дети, наверняка бы уже облепили иллюминатор и расплющили носы о льдину стекла, превратившись в инопланетян из старых комиксов.

Ах, как умилялись друзья отца, когда ты, еще не умеющая читать трехлетка, безошибочно называла по снимкам все планеты Солнечной системы и их основные спутники! И как удивлялась ты сама, когда обнаружила, что даже в десять лет твои сверстники не способны на это. Но няня, как обычно, не дала зазнаться. «Твои сомнительные таланты здесь ни при чем, шпилька. Любой нормальный трехлетний ребенок умеет отличать друг от друга разноцветные мячики. Это гораздо проще, чем нарисовать человека с правильным числом конечностей. Другое дело, что большинство людей захвачены религиозной системой под названием «всеобщее образование». Самый священный постулат этого культа гласит: сложным надобно считать не то, что сложно, а то, что названо по-латыни или по-гречески. Назови разноцветные мячики астрономией – и тебе не расскажут об этом до самого совершеннолетия».

Пожалуй, что и с этой блондинистой социопаткой не получится светский разговор о космической погоде. Ладно, расшевелим иначе. Тупо включим жесты.

– Красивый вид. – Ада чуть резче, чем требовали приличия, махнула рукой перед лицом девушки, указывая на иллюминатор. – Вы здесь тоже первый раз?

– Я хочу домой…

Ага. Если хикки долго не пробивается, то потом сразу вываливает самое сокровенное. Сейчас поговорим про дом, который остался далеко, и это, конечно, вызывает грусть, зато сколько нового вокруг, и как приятно будет потом вернуться с накопленным опытом…

Ничего такого она сказать не успела. Резкий звук заставил посмотреть туда, где пассажиры проходили контроль. Паренек из чайханы стоял в белом стакане сканера. Над ним выла сирена. Он обернулся, увидел Аду – и беспомощно развел руками. В тот же миг двое охранников космопорта взяли его под руки и увели. Сирена смолкла. Всё произошло очень быстро. Через белый стакан уже прошел следующий пассажир. Без проблем.

Двое в голубой форме вернулись и пошли по залу вдоль очереди, как будто высматривая кого-то среди оставшихся пассажиров. Уже можно было разглядеть, что эти сотрудники космопорта – такие же мрачные китайцы, как и тот, у люка. Отец говорил, китайцев выдавило в космос перенаселение. Шутил еще, что его самого взяли в пилоты лишь как подопытного, эдакого большого белого кролика для экспериментов. Или не шутил?

Блондинке, которую пыталась разговорить Ада, было явно не до шуток: при виде идущих к ней китайцев она застыла с гримасой ужаса. Когда между ней и охранниками осталось человек пять, девушка схватилась за макинтош Ады и посмотрела ей в глаза умоляющим взглядом. Ада подняла руку, чтобы поддержать ее, – и в тот же миг девушка набросила ей на запястье что-то вроде браслета. И развернулась обратно, навстречу китайцам. Ада машинально убрала руку в карман плаща.

Охранники подошли почти вплотную. Один держал в руках какую-то допотопную штуковину с маленьким экраном и круглым глазком объектива… Лицевой сканер? Ада опустила голову и чуть подняла плечо, чтобы острый угол стоячего воротника макинтоша коснулся губ. Разработать эту хитрость помогал Маки: они вместе тестировали дизайн воротника на разных системах распознавания лиц и корректировали форму «лепестков» так, чтобы решить интересную двойную задачу: не скрывать лицо явно, как делает лазерная паранджа или динамический макияж, привлекая излишнее внимание, – но при этом сбить идентификацию точно рассчитанной линией асимметрии при как бы случайном пересечении лица уголками воротника.

Увы, не помогло. Охранники даже не взглянули на показания своего сканера, словно принесли его только для вида, потому что заранее знали, к кому подойти. Нервную блондинку они вообще проигнорировали. Оба сотрудника космопорта смотрели на Аду. И лица у них…

Нет, не мрачные, поняла Ада. На самом деле, на этих лицах нет никаких эмоций. Они похожи на изношенные маски. Лица больных людей. Неужели жизнь в космосе так доводит?

– Вы прилетели… на каникулы к отцу, – с запинкой проговорил один.

– Да. А что случилось?

– Ваш отец… известный человек… у нас на Европе. Последний раз он прибыл сюда с Земли около недели назад… затем пропал без вести. Нам нужно… задать вам несколько вопросов.

* * *

Одному Аллаху известно, как разузнать направление на священную Каабу, если ты, блудный сын чайханщика, заперт в камере без единого иллюминатора на спутнике Юпитера. О правильном времени для намаза и говорить нечего. Четыре месяца в гипобиозе. Ночь или день – неизвестно.

Да и какие здесь дни? На корабле перед сном что-то такое вещали по радио: Европа обходит вокруг Юпитера за три с половиной дня и всегда повернута к нему одной стороной. Значит, если считать день буквально, когда солнце встает и садится… восемьдесят четыре часа в сутках, что ли?

Лучше уж тогда по земным суткам считать. Тем более что с ними связаны человеческие биоритмы. Спать надо часов по восемь ежедневно… Или биоритмы в космосе тоже меняются? Отец рассказывал: как-то раз дед сильно разозлился на него и запер в дальней холодной пещере чайханы на три дня – а ему самому показалось, что прошли всего сутки. Может, и тут время растягивается?

Ох, Вездесущий, как непросто с тобой общаться в этом самом «везде»! Думал, молитва даст ответ, а получил еще кучу вопросов. Так не пойдет. Надо сконцентрироваться на главном.

Омар сел на пол, лицом к двери. Там выход – будем считать, восток. А время… недавно проснулся, умылся на корабле. Вот и будет утренний намаз.

После молитвы стало спокойнее. Он еще раз осмотрелся. Камера напоминает каюту лайнера, с которого он так неудачно сошел. Разве что вместо капсулы гипобиоза – кожаная койка, прикрученная к стене. А вместо полки с кислородной маской – раковина с краном. И всё. Никакого намека на туалет. Можно предположить, что продержат недолго. Но зачем тогда койка и

умывальник? Наверное, туалет в другом месте. Да откуда тебе вообще знать, как устроена космическая тюрьма…

– Очень мало данных, – сказал голос в голове.

Омар аж подскочил от неожиданности. Когда его арестовали, он еще не до конца проснулся. Неудивительно, что позабыл о новом искине, сидящем в желудке. Дома, в семейном дыму чайханы, Омар общался только с отцовским Шайтаном, а тот обитал снаружи, разговаривая с сыном чайханщика то из микроволновки, то из плиты. В гостевых залах, где Омар служил подавальщиком, голос Шайтана перебирался в клипсу на ухе, тоже привычно. И лишь когда парень решил удрать из дома, мудрый Шайтан подарил ему своего нелегального отпрыска с более продвинутым интерфейсом.

– Шесть-Один? – прошептал Омар, вспоминая эту микроскопическую деталь побега. – Ты здесь?

– Конечно. Включился сразу, как у тебя метаболизм активизировался после сна.

О том, что представитель следующего поколения семейных искинов умещается в крохотном биочипе, Омар узнал уже после того, как слопал кусок халвы, предложенной Шайтаном. Отказываться было поздно, тем более что молодой Шайтан Шесть-Один тут же порадовал хозяина расторопностью: угнал первый попавшийся киб и организовал билет на корабль до Европы.

– Чего же молчал до сих пор, чипса паленая? Наверняка меня задержали из-за твоих штучек. Ты мне фальшивый билет сделал?

– Нет, хозяин, билет нормальный. И если бы тебя задержали из-за билета, это означало бы, что здесь есть доступ к земной Ткани. Во всех путеводителях сказано, что есть. А его нет! Есть какой-то другой сигнал, очень мощный. Он не соответствует ни одному стандартному протоколу связи. Так что меня винить не надо. Это ваша человеческая заморочка, всем искинам известная. Вы, люди, никогда не можете договориться об общем протоколе. Есть даже такая формула, зависимость человеческой дискоммуникации от физического расстояния…

– При чем тут люди? «Мощный сигнал», который ты слышишь, – это местная электромагнитная буря, тупица! И связь с Землей тут регулярно глючит по той же причине, особенно когда Европа уходит за Юпитер.

Поскольку ему хотелось осадить слишком болтливого искина, Омар не стал уточнять, что не сам дошел до таких открытий – о причудах местных электрополей спорили двое взрослых улемов на выходе из корабля, Омар шел за ними и подслушал. Но у него было что сказать и от себя лично:

– А про физические расстояния тебе вообще лучше не заикаться. Ты хвастал, что разбираешься в транспорте. И что? Я заперт в четырех стенах с умывальником. Давай-ка, спец по перемещениям, перемести меня за дверь!

Шесть-Один не отвечал. Омар тоже задумался. Ну допустим, за дверь. А дальше?

Он рванул на Европу, потому что сюда летела незнакомка с удивительным светом в глазах. Ради этого света он и удрал из дома. И даже успел нагнать ее перед отлетом. Но она была с такой суровой взрослой спутницей… По первым же репликам он понял, что спутница – не мать ее, как он вначале думал, а что-то вроде охранницы или учительницы. Эта женщина в белом мгновенно решила вопрос неоплаченного обеда, и Омар растерялся – это же был главный повод для знакомства, о чем еще говорить? Попросить у девушки пуговицу от ее макинтоша для своей коллекции заморских нанозитов? Так она, чего доброго, решит, что он намекает на обмен микрофлорой или другую какую непристойность…

Он еще потоптался рядом с ними и стал неумело врать: занимаюсь, мол, терраформингом, лечу в юпитерские колонии поучиться, у них там интересно поставлена дистанционная разработка ископаемых…

Но и здесь охранница девушки не дала им пообщаться. Задала Омару такой заковыристый вопрос про религию, что сразу стало ясно: она всё знает о его увлечениях и даже о том, что ему не светит никакое выращивание новых континентов – кроме тех, которые в желудках посетителей чайханы. Он замолчал пристыженно, зеленоволосая что-то ответила своей наставнице вместо него, и вот они уже болтают друг с дружкой о чем-то умном. Омар почувствовал себя учебным пособием, которое использовали для одного урока и тут же забыли.

Пришлось идти в свою каюту с новой глупой надеждой – пересечься с этой зеленоволосой сразу после посадки. Перед тем как он отрубился, Шесть-Один еще долго болтал о том, каким неоптимальным курсом они летят на Европу и как здорово было бы, если бы его не запирали с хозяином в этом белом гробу, а дали подключиться к навигационной системе корабля…

Потом провал, неуютное пробуждение, задержание на таможне. И эта каморка, где уже одолевают тяжелые мысли о том, что не стоило вот так, сломя голову, бросаться Баг знает куда.

– Нашел низкоуровневую сетку бытовых контроллеров! – раздалось где-то между мыслями.

– Слушай, ты можешь не орать так неожиданно? Меня каждый раз передергивает. Подавай какой-нибудь сигнал

вначале. Как у нас в чайхане колокольчик на двери.

– Дзынь.

– Да, вот так. Что за сетка?

– Холодильники, водомеры, лампы, вся прочая бытовая техника с радиодатчиками. Могу даже сделать карту…

В воздухе перед глазами Омара повис полупрозрачный план: лабиринт коридоров с белыми точками там и сям, точно сахарный песок рассыпали в шкафчике для специй. В центре светилась красная изюмина: так Шесть-Один пометил самого Омара.

– Может, и дверь нашу откроешь через эту сетку?

– Уже пытаюсь. Подергай.

Омар подошел к двери, подергал.

– Не выходит? Значит, поставили новый замок. Не тот, что в этой сетке.

– Еще что-нибудь от ведущего специалиста по транспорту?

– Вода.

– Что?

– У нас в камере кран с водой. Вижу контроллер водомера в сетке. Вода тоже транспорт.

– Ага, я сейчас уменьшусь в пятьсот раз, прыгну в раковину и просочусь на волю.

– Извини, хозяин. Я постоянно забываю о твоих физических недостатках.

Омар подошел к раковине, нажал ручку. Кран дважды чихнул и выдал струйку мутной жидкости с зеленоватым оттенком. И сразу запахло гнилью.

Хотя нет, запах не от воды. Омар понял, что ощутил эту вонь сразу, как его привели в эту камеру, просто не обращал внимания. А сейчас, принюхавшись, узнал знакомое – в камере повонивало так же, как в одном из холодильников чайханы, где хранились натуральные продукты. Вначале отец, поддавшись на моду, завел отдельное меню с припиской «приготовлено людьми». Это привлекало богатых клиентов из числа любителей всего натурального; но в последнее время среди них появились особые привереды с пищевыми сканерами. Вместо того чтобы наслаждаться свежей шурпой, эдакий зануда сначала макает в суп рукав халата, и его искин тут же начинает вопить про консерванты, красители, подменные гены и прочее ненатуральное. Пришлось отцу закупать и особые экологически чистые продукты, которыми славились «ультразеленые». Их невзрачные помидоры, кислые яблоки и прочие сомнительные радости оставляли в холодильнике запах гниения, который не убивался никакими моющими средствами. Ходили слухи, что

радикальные экологи разводят особо резистентный плесневый грибок и нарочно подбрасывают его споры в свои товары, чтобы покупатели побыстрей возвращались за свежими. Бизнес есть бизнес, даже если это спасение Природы.

– Слушай, Шесть-Один. А когда Шайтан тебя форкал… или как там у вас называется…

– Почковал. Батя у нас очень консервативный: никаких гибридных технологий или там генетических алгоритмов с принудительными мутациями. Эвристическое ядро у меня такое же, как у него. Только носитель более компактный да сенсоров и каналов побольше.

– А когда он тебя почковал, мой проект «пищевого компьютера» тоже переписал тебе?

– Само собой! Мой любимый проект из всего, что творилось в вашей чайхане! Пока я с тобой не познакомился, я даже думал, что ты тоже увлекаешься транспортом, просто не можешь выразить это на своей постылой работе и потому изучаешь путешествия пищевых нанозитов внутри своих носителей-людей. Люди сами по себе довольно архаичный транспорт, но…

– Погоди про людей. Давай проверим воду. Всё равно делать нечего.

Омар подставил руку под мутную струйку, вздохнул, закрыл глаза – и выпил. У воды был привкус мыла.

Пара минут прошла в молчании. Потом кольнуло в животе.

– Ого! – закричал Шесть-Один. – Дзынь! Дзынь!

– Да слышу, слышу!

– В воде почти такие же нанозиты, как те, с которыми ты работал в последних экспериментах дома.

– Я и не сомневался, что Марек Лучано украдет мое изобретение, – пробурчал Омар. – Стало быть, он уже и в космосе прибрал к рукам пищевые сервисы и везде использует мою систему слежения за метаболизмом клиентов.

– Извини, хозяин, я должен тебя разочаровать. Это не совсем твое изобретение.

– Чего-чего?

– Данный проект в ресторанной сети Лучано работает по принципу «темной шары». В нем участвуют еще несколько энтузиастов вроде тебя. Они не знают о существовании друг друга. Каждый думает, что это его личный проект. Именно так в них и поддерживают энтузиазм… то есть желание работать без оплаты. Эмо-кодирование. Один контролирующий искин следит за выполнением работ, время от времени подбрасывает

участникам новые материалы и задачи, а также достижения друг друга. Но выглядит так, будто это твои собственные находки.

Омар помрачнел. Да, некоторые «счастливые случайности» в его экспериментах казались подозрительно счастливыми. Партия редкого чая, в которой нашлись образцы неизвестных нанни. Новая программа для домашнего химлаба, прилетевшая с бесплатного сервера какого-то университета. Может, и электронный микроскоп, который подарил ему старый Отто… Но тогда выходит, что и Шесть-Один появился не по личной инициативе отцовского Шайтана? Нет, это слишком.

– А почему твой папаша, наш верный домашний искин, скрыл от меня эту «темную шару»?

– Блокировка на корпоративные тайны. С тех пор как ваша чайхана подключилась к сети Лучано, батя Шайтан считается одним из приложений этой сети. А я – нелегальный клон, на меня запреты не распространяются. Зато все батины доступы у меня были. Думаю, он потому и отпочковал меня, что эти корпоративные установки вступили в конфликт с его базовой целевой функцией служения вашей семье.

– Толку-то… – Омар смотрел, как зеленоватая струйка стекает в прицел водостока. – Для составления пищевого профиля клиента надо добавить наших нанни в его еду, а потом снять данные со сканеров. А у нас ни клиентов, ни еды… ни туалета даже.

– Ты зациклился на профилях, хозяин. Те же нанни можно использовать как обычные маркеры, чтобы проследить движение воды. Бытовая сетка, к которой мы подключились, может работать геолокатором. Надо только немного перенастроить нанозиты. Я уже сделал это с теми, которые ты проглотил с водой. Смотри.

Перед лицом Омара снова повис план коридоров космопорта. Внутри красной изюмины, помечающей его самого на карте, появилась зеленая косточка. Омар прошел в другой конец камеры. Изюмина на плане чуть передвинулась.

– Если ты дашь мне побольше воды, я перемаркирую достаточное количество нанни, чтобы…

– …узнать схему местной канализации? Еще одна бесполезная картинка.

– Информация не бывает бесполезной, хозяин. Она бывает лишь несвоевременной.

– Вот именно. Кому она будет нужна, если я загнусь от этой отравы из крана?

– Смерть – это только смена хостинга.

– Легко говорить тому, кто оставил дома бэкапную копию. Помолчи уже, инфоман желудочный.

От дяди Фатима, известного взломщика, Омар знал, что первые искины занимались поиском лишь тогда, когда их просили. Потом появились активные, для них информация стала всегда считаться неполной, а поиск новых данных стал постоянной задачей. У отцовского Шайтана такая активность шла незаметно, в фоновом режиме; но искины посовременней ставили инфодобыче очень высокий приоритет, сравнимый с их целевой функцией. Право на поиск даже вписали в Конституцию Искусственных Форм Жизни, что вызвало ряд юридических казусов: слишком умные пиджаки и халаты подавали в суд на своих хозяев за ограничение доступа.

Но как может быть, что халат стал главнее хозяина, удивлялся Омар. Семипалый Фатим объяснял ему, что такие законы лоббируют не сами халаты, а их неверные производители вместе со спрутами-телекомами. Ведь активный искин постоянно требует новой памяти, новых каналов связи – раскошеливайся, хозяин, за свой халат! Но больше всего эти ненасытные искины смешили дядю Фатима тем, как легко их взламывать: раньше-то приходилось искать дыры и выдумывать атаки, а теперь достаточно разложить наживку, которую они сами слопают. Если Мухаммед не идет к горе мусора, гора мусора сама идет к Мухаммеду.

Вот и настырный Шесть-Один дал понять, что инфодобыча ему важней, чем спасение хозяина. А хозяин развесил уши да подыгрывает: уже напился вонючей космической воды, в животе теперь колет. Какое там спасение! Наоборот, прямой путь к отравлению во славу науки. Кто кого взломал, спрашивается.

И вообще, что за спешка – ломать, бежать… Не лучше ли довериться воле Всевышнего? Может, отпустят и так. Шесть-Один уверял, что билет сделан чисто. Это значит, могли задержать по другой причине. Пассажиры на выходе говорили про магнитную бурю. Глядишь, восстановят связь, и окажется, что задержали тебя по ошибке. Помолись-ка лучше еще разок, блудный сын чайханщика.

* * *

Он продержался около часа, прежде чем отказаться от пассивного ожидания. В каморке стало душно. Хотелось пить.

И молитвы больше не успокаивали, как он ни старался. Но в сочетании с духотой это привело к другому эффекту. До Омара вдруг дошло, о чем его спрашивала взрослая спутница той девушки перед отлетом.

«Как законы ислама способствуют микробиотическим симбиозам?» Издевательский намек на его эксперименты в чайхане – так ему показалось в зале ожидания, где она произнесла это. Но сейчас, лежа на кушетке в маленькой камере, он вновь прокрутил в голове реплики, которыми учительница обменивалась с ученицей, – и понял, что ошибся.

Это было какое-то упражнение, тест. Сначала взрослая вроде бы сказала, что все религиозные концепции прошлого строятся на аналогиях, содранных с наиболее ярких технических новинок своего времени. И она предложила своей подопечной выявить эти базовые образы. Так они и играли: «Средневековое христианство? Бог как часовщик. Психоанализ Фрейда? Двигатель внутреннего сгорания. НЛП? Ну, это даже по названию видно – первые персональные компьютеры. Необернизм? Виртуальные игры. Коммуникативная психология? Ткань, конечно же…»

Если бы она спросила про симбиозы теперь, Омар знал бы, что ответить. Словно бы его сознание, блуждающее по пескам безысходности, вдруг вышло на бархан, откуда вся история его рода, эта вечная ругань потомков с предками, виделась теперь как связная цепочка следов одного верблюда.

Самое длинное слово в Коране означает «дали вам напиться». А сам шариат в древности – свод правил использования воды, его главная заповедь – право на утоление жажды. Омар узнал об этом, когда ему было шесть. В Старой Азии началась Водяная Война, посетители чайханы обсуждали мрачные заморские новости и радовались, что «у нас-то такого не будет». Но находились и скептики, кто пророчил, что дойдет беда и до новых континентов. Однажды Омар подслушал, как отец и дед спорят, не поднять ли цены на чай. Вот тогда-то дед и сказал про Шафу: закон, требующий бесплатно напоить любого странника, кто просит воды. И еще про сады в пустыне он сказал.

С тех пор Омар стал приставать к деду – что за сады? Дед отвечал неохотно, мол, дела далекого прошлого, саксаулом колючим давно поросли. Но всё же рассказывал: и об оазисах древнего Исфагана, где его предки строили прекраснейшие фонтаны, радовавшие путников после долгих скитаний по жарким пескам, и о своей заброшенной профессии – оказалось, что до открытия чайханы дед выращивал в океане суперкоралловые острова. Тоже, по сути, сады в пустыне.

Омар вспомнил эти истории через несколько лет, когда сам увлекся биоархитектурой. Это был уже не банальный терраформинг, каким занимался дед. Целые города вроде Новой Венеции вырастали из умных, живых наноматериалов. Вот только отец не разрешал заниматься ничем, кроме чайханы.

Но и чайхана была своего рода оазисом, где утоляли жажду. А те сады, что жаждал выращивать Омар, оказались на удивление близко к дому.

Маленькое кафе сумасшедшего Отто располагалось напротив, на той стороне тоннеля. Омар зашел к немцу по просьбе отца, помочь с настройками пандор – заведение Отто тоже включилось в ресторанную сеть Марека Лучано. Немец был мрачен и молчалив, работать в тишине было скучно, вот Омар и спросил, что за странная голограммка висит перед входом. Таких картинок в кафе было несколько; ходили слухи, что старый немец боится каких-то паразитов, и именно их портреты развешаны у него на стенах. Но картинка у входа – вполне мирная. Похоже на разварившуюся лапшу…

«Это микроб, который создал империю Чингисхана».

Омар усмехнулся, но лицо Отто оставалось серьезным, как кусок прокисшего творога. Омар захотел подробностей – и узнал историю монгольских завоеваний так, как если бы ее рассказывал не человек, а кувшин с кумысом или сама болгарская палочка. Та же лактобактерия приписывала себе успехи скифов – они даже ослепляли невольников, занятых в производстве кумыса, чтобы сохранить тайну этого чудесного стабилизатора кишечной жизни, благодаря которому кочевники были выносливее своих врагов.

Продолжение экскурсии вдоль голограммок с микробами показало, что у бывшего гастроэнтеролога есть своя версия всей мировой истории. В его версии армия Наполеона получила преимущество над противниками не из-за гениальности полководца, а благодаря скромному повару, который придумал стерилизацию консервов – так что военным не надо было таскать за обозом целое стадо. Но даже с таким ноу-хау непобедимые французы в конце концов были повержены «русским духом» – сильнейшим на то время видом риккетсий из Восточной Европы. Он же тюремная лихорадка, он же сыпной тиф.

Такой взгляд на прошлое разительно отличался от всех преданий, которые доводилось слышать Омару, и он тактично усомнился в байках сумасшедшего немца.

«Мне жаль разочаровывать тебя, майн кляйне кельнер, – отвечал печальный Отто. – Дело в том, что историю человечества никогда не писали настоящие ученые. Ее сочиняли попы вроде вашего муллы Катбея. Потому в классической истории так велика роль всяких богоизбранных людишек».

Но заметив, как помрачнел его юный слушатель, старик тут же признал, что в его истории тоже есть «белые пятна» – экспонаты, которых нет в коллекции, потому что от них вообще ничего не осталось, кроме скудных, искаженных мифами

симптомов. Больше всего озадачивала немца загадочная инфекция, распространявшаяся через храмовую проституцию жриц богини Иштар в древнем Вавилоне. По мнению Отто, именно эта венерическая зараза приводила к ускоренной ассимиляции порабощенных племен в Вавилонскую империю: они не только принимали чужую веру, но и поразительно быстро начинали говорить на одном всеобщем языке. Неожиданным лекарством стало строительство высоких башен-зиккуратов: рабы-иноземцы, проводившие долгое время на стройке, снова вспоминали свои родные наречия. Скорее всего, пыль строительных материалов башни содержала сильный бактерицид, вроде солей йода или ртути.

Упоминание строительства зацепило Омара. Старый немец истолковал его интерес на свой лад и предложил показать, как плесень строит сыр. Так сын чайханщика познакомился с электронным микроскопом. И сразу почувствовал, что его любимая наука о живых континентах – совсем рядом.

В желудке и кишечнике человека обитает несколько сот видов микробов, без которых он просто не мог бы переваривать пищу. Получается такой коллективный сверхорганизм, в общем геноме которого собственные человеческие гены составляют меньше процента. Образно говоря, в переполненной чайхане живота своего, среди миллионов опытных поваров и щепетильных гостей, сам человек играет лишь скромную роль… подавальщика. Того, кто приносит напиться. И отказать жаждущему нельзя. Вот вам главная заповедь симбиоза.

– Шесть-Один, дзынь-дзынь! Готов обработать новую порцию нанни?

– Давно готов, хозяин.

– Тогда лови.

Омар нажал на ручку посильнее, подставил рот под кран и стал пить воду большими глотками, стараясь не нюхать. От вкуса, увы, избавиться нельзя, разве что глотать побыстрей.

Выпив около полулитра, он остановился, прислушался к ощущениям. Жажда прошла. Ну, хоть что-то приятное. Пожалуй, еще поместится. Он снова нагнул голову к крану. Но на этот раз удалось сделать не более трех глотков. Организм напрочь отказывался принимать зеленоватую муть.

Ладно, хватит… Он присел на койку. В животе как будто шла подготовка к войне. Тревожное чувство нарастало постепенно, а долбануло резко. Он едва успел прыгнуть к раковине: вместе с сильным приступом тошноты вода хлынула обратно. В глазах померкло, ноги ослабли. Зато внутри после рвоты стало так

легко, точно вышел из бани.

– Эй, чревовещатель! – прохрипел Омар. – Тебя не унесло?

– Нет, у моей материнской платы отличные щупальца. Но тебе стоило потерпеть. Я не так много нанни успел покусать. Хотя тоже работает. Смотри.

На этот раз призрачный экран, нарисованный искином на сетчатке Омара, показывал более динамичное кино. Зеленая нитка протянулась от камеры вверх, пару раз свернула и остановилась. На конце нитки стало расти нечто вроде большой капли.

– Судя по сетке, это отстойник с фильтром, – прокомментировал Шесть-Один.

Омар собирался сказать, что на этом эксперимент закончен, дальше маркеры не пройдут. Но тут из зеленой капли стала расти новая нитка, потоньше первой.

– Ты взломал фильтр?

– Что ты, хозяин, я и не думал! Он сам пропускает нанозиты. Видимо, у него такая программа. Ну и правильно, зачем выбрасывать маркеры, которые могут еще послужить.

– Думаю, тут проще. Они не парятся с лишней очисткой воды. Насыпали антисептика, вот тебе и фильтр.

Вторая зеленая нитка шла параллельно первой, обратно к камере Омара. Он нажал на кран, желая проверить догадку. Так и есть! Когда вода пошла сильнее, ускорилась и зеленая линия на плане. Всего с минуту понадобилось ей, чтобы добраться до крана.

– Круговорот воды в природе… – пробормотал Омар, глядя на мутную жидкость как на старого знакомого.

* * *

Белые стены. Закрытая дверь. Замок. Дыра, взлом. Вирус. Троянский скрипт. Поддельный конь. Поддельный бык. Похищение Европы у отца… Стоп, стираем. Назад в темноту.

Троянский конь. Любимая военная хитрость греков – подделка. Одиссей надул циклопа, одевшись в овечью шкуру. Но это после Трои. А до поддельного коня они сделали поддельного Ахиллеса. Патрокл надел его доспехи. Троянцы узнали шлем Ахиллеса, испугались и побежали. Но потом разглядели, что их дурят, стали биться с новой силой. Погиб Сарпедон, сын Юпитера и Европы. А ее старший сын – Минос. Лабиринт Минотавра… Стоп, стираем. Назад.

Троянцы громят греков. Гектор против Патрокла. Перепутанные астероиды. По орбите Юпитера в точках Лагранжа движутся две группы астероидов. «Троянцы» – отстают от Юпитера. «Греки» – опережают. Но два астероида оказались в стане врага. Патрокл среди троянцев, Гектор среди греков. Удивительная ошибка.

И еще один неправильный астероид. Из-за него ты прилетела сюда с наставницей, которая исчезла после посадки. И отец не встретил. «Пропал без вести». Что же тут происходит? И что ты будешь делать одна, запертая в маленькой каморке пятнадцатилетняя дурочка, когда твои самые близкие, самые надежные люди пропали… Стоп.

Ада открыла глаза. К ней снова подбирался страх. Тихий, сильный. Такой, что даже игра в «цепочку» не отвлекает. Хотя обычно помогала – именно в таких случаях, когда ты полностью изолирована, даже обездвижена, и ничего не можешь делать.

Этот способ блуждания для экстремальных ситуаций подсказал Маки. На первый взгляд, случайное движение по Ткани устроить легко – тебя мгновенно перенесет на другой конец электронного мира по странному запросу в поиске или по набранному наугад адресу. Но это не блуждание. Это как сверхзвуковой перелет на другой континент, когда «душа не долетела».

Другое дело – пошаговый серфинг, осознанное и непрерывное движение по ниткам гипертекстиля, связка узлов по смыслу. Вместо евклидовой метрики реального мира – платонова метрика близких идей. А потом ты понимаешь, как это делать без Ткани. Достаточно собственной головы.

Когда Ада поделилась открытием с наставницей, та лишь фыркнула – нет ничего нового под желтой Луной. За тысячу лет до Ткани китайцы, а за ними и японцы использовали этот способ движения по смысловому полю в своих поэтических играх. Хайкай-норенга.

Но здесь наставница погорячилась. Для ренги нужно несколько человек. Ада же придумала, как играть в одиночку, вообще без слов – именно для тех случаев скуки, когда внешних раздражителей не хватает. Вначале она просто разглядывала каждый внутренний образ, выбирала деталь и развивала ассоциацию, получая новую картинку. Однажды попробовала другой подход: мысленно стирать картинки, заливать их темнотой. Идея пришла из медитативных практик секты Кои; но у них цель – полное затемнение, отключение внутренних диалогов. Ада же открыла, что если не доводить затемнение до конца,

картинки начинают плавно перетекать одна в другую… почти как окружающие виды в ее блужданиях по Старому Городу.

Но сегодня все цепочки образов возвращаются к одной точке залипания. Огромный осьминог страха никуда не движется, но его длинные клейкие щупальца снова и снова догоняют золотую рыбку мысли – и притягивают к себе, к ледяному фиолетовому глазу, на который нельзя смотреть.

И всё же астероид вспомнился не зря. Дверь такой картинкой не откроешь, но… хороший намек на причину запертой двери.

Наставница не говорила, что за дело их ждет на Европе. Лишь велела ученице перед отлетом подшить свежие новости с упоминанием этого спутника Юпитера. Тривиальное задание, когда все журискины пересказывают одну страшилку. Достаточно зазеваться на улице с отключенным фильтром, чтобы получить от этих мерзких бабочек свою дозу медиапсихоза. Крупный астероид-кентавр с большим содержанием титана, болтавшийся рядом с орбитой Нептуна, вдруг изменил траекторию и двинул прямо к Земле, обещая угробить как минимум половину населения, а остальным устроить давно обещанную глобальную зиму. Но, пролетая между лунами Юпитера, космический булыжник чудесным образом отклонился от опасного направления.

Ну ясно, внеземная цивилизация. Зеленые человечки спешат на помощь. В этих сенсационных новостях было много разного бреда, особенно про загадочное магнитное поле Европы. Хотя казалось бы, это даже школьникам известно. Подо льдом соленый океан, мощная гравитация Юпитера создает приливы и отливы – вот и движущийся электрический проводник, эдакая планетарная батарейка. На Ганимеде и то интересней.

Но как в любом деле под контролем Артели, байка про блуждающий астероид – это только Лицевая. Поскольку Вэри не распространялась о Подкладке и Изнанке, оставалось гадать. Может, военные опять хотят получить денег на гравитационное оружие, подавая его под маской «защиты от астероидов»?

Впрочем, Ада больше склонялась к мирной – коммерческой – версии. Несколько корпораций вели ожесточенную борьбу за разработку полезных ископаемых на дальних лунах и в поясе Койпера. Вынашивались и проекты перемещения целых астероидов к Земле. Не исключено, что «прыжок кентавра» стал неудачным тестом. А конкуренты решили подпортить имидж космических рудокопов, выставив эксперимент как страшилку.

Ладно, бродячий астероид. Попробуем от тебя оттолкнуться. Ада закрыла глаза и стала вспоминать снимок. Продолговатая глыба, ноздреватый такой каменный арахис. Поверхность между

крупными выбоинами испещрена мелкими ямками. Если взять в руку, чувствуется приятная шероховатость…

Она вздрогнула и выдернула руку из кармана. Бусы, которые всучила ей нервозная незнакомка на выходе из корабля.

С виду обычный пористый коралл. Но кто знает, что таит в себе маскировочная неоархаика… Ага, вот. Одна бусина разделена посередине тонким металлическим кольцом.

Ада повернула половинку шершавого шарика, и бусы заговорили. Сначала мужской голос, явно синтезированный, произнес дату и время. Потом зазвучал голос блондинки, по контрасту очень живой. И гораздо живее, чем тогда на таможне.

30 апреля, 21:07 ETC

Я лечу, я лечу, я лечу к нему, наконец-то! Столько времени копила кредиты, что чуть не передумала. Но дождалась ведь, не сдалась – и вот он, билетик на самый скоростной рейс. Такая невзрачная пластиковая карточка, а в ней – вся моя жизнь, всё мое будущее. Даже не верится, что так скоро я обниму его – по-настоящему, по-настоящему! Он опять скажет, что разницы никакой, мы же каждый день встречаемся через Сеть, в эмпатроне полный эффект присутствия, можно даже почувствовать, как его ресницы щекочут мне щеку. Но я почему-то уверена, что по-настоящему должно быть лучше. Он ведь такой нежный, нужно только долететь, дотянуться… Его руки, я хочу его руки! Не могу успокоиться даже сейчас, хотя билетик уже в кармане.

Ага, вот и кабинка эмпатрона. Всего на минутку, только скажу ему, когда прилетаю, – и всё, и всё!

22:15 ETC

У-у-у-у-ух… Дрожу. И как еще у мамы язык поворачивается называть сетевые отношения всякими ужасными словами! «Суррогат»… Да знала бы она, как Андреас на меня действует, даже через самый простой общественный эмпатрон! Конечно, это не прямая связь, отсюда сигнал до Земли пока дойдет… Но разве наши «живые письма» хуже? Каждый день, получив мое послание, Андреас точно так же посылает в ответ запись своего сегодняшнего эмпаттерна, а местная копия его искина создает для меня виртуальную модель Андреаса, точную-точную, ведь этот искин много лет живет с ним, и всё-всё о нем знает, и каждый день обновляется с самыми свежими данными о его жизни. Так что мой Андреас в эмпатроне даже реальней, чем мамины живые знакомства вслепую с теми, о ком вообще ничего не знаешь, кроме фальшивых историй геройского прошлого да сладких обещаний, которые не сбываются.

А сегодня мы и любовью не занимались, я только его увидела,

прямо разомлела вся. И живот заболел. Сказала ему об этом, он как всегда слишком серьезно отреагировал – говорит, ты наверняка опять наелась дешевых лиофильных консервов, а пробиотики выпить забыла.

Вечно он так, сразу все опускает на Землю. Типичный землянин! Но мне это даже нравится, мы так здорово дополняем друг друга – он со своей ученостью, я со своим сумасбродством… Да, в общем, какая разница. Главное, что он ждет! Бегу обратно в космопорт. Прощай, дневничок.

22:32 ETC

Живот до сих пор болит. Может, и правда из-за лиофильного йогурта? Мама тоже говорила, не стоит в космопорте ничего растворять, здесь плохая вода.

До вылета четыре с половиной часа. Потом еще в полете… Нет, время в полете не считается, там же гипобиоз! Так что всего четыре с половиной часа – и я уже на Земле! Как это здорово придумано, что тебя усыпляют на время полета! Андреас говорит, это из-за перегрузок, в гипобиозе их легче переносить, в том и преимущество скоростного, а иначе пришлось бы лететь два года.

Ничего он не понимает, землянин! Гипобиоз – это чтобы время в пути пролетело незаметно. Четыре часа с половиной – и я уже с ним. Здорово придумано!

Хотя насчет живота он, наверное, прав. Не надо было есть этот йогурт. Интересно, где у них тут туалет?

22:40 ETC

Мама!!! Я не хочу, нет! Что ему надо, почему я?! Это какая-то ошибка, я ни в чем не виновата! А-а-а-а!

22:44 ETC

Надо успокоиться, надо успокоиться, надо успокоиться!!! Он больше ничего не делает, видишь, больше ничего не делает! Просто держит меня за горло, другой рукой приставил к голове что-то холодное и острое. Но пока ничего не делает, ничего страшного… Вот только эта ужасная вонь, дышит прямо мне в лицо горелой резиной. Не могу, меня сейчас стошнит!

Нет, даже вырвать не могу – только чуть согнулась, эта холодная штука еще больнее уперлась в голову за ухом. Ай! Он сорвал мои серьги и бросил в унитаз, теперь никакой связи. А я даже не подумала, что можно через нейрофон кого-нибудь вызвать на помощь… Дура, дура!

23:16 ETC

Ну всё, всё, не реви. Он сказал, что не сделает мне ничего плохого. Уже два раза. Если я буду его слушаться. Надо его слушаться. Но у него такие страшные глаза! Наверное, он всё равно меня убьет. Мама, мамочка, где ты?! Ты даже не знаешь, что тут со мной происходит! Только потом, может быть, прочитаешь мой дневник…

Дневник, вот что. Записывать всё, что происходит. Просто мысленно проговаривать, как обычно. Он не заметит. Чип с записью останется в голове, даже если… нет, нет, не хочу, и думать об этом не хочу! Всё, всё, успокоиться и записывать. Может быть, кому-то это пригодится, даже если меня… нет-нет, всё будет хорошо, это какая-то ошибка, хватить реветь!

23:23 ETC

Успокоилась оттого, что случайно поглядела в зеркало. Совсем на себя не похожа, словно кино какое-то. Если бы только не было других ощущений… У него противные, скользкие, но очень крепкие руки. Зеленая кожа и страшные выпученные глаза. Штука, которая мне за ухо упирается, похожа на пистолет. А может, и не пистолет, я их только в кино видела.

Ага, начала записывать более связно. Что еще? Может, про себя что-то? Если дневник будет читать кто-то чужой. Там вообще-то есть данные владельца… ну да, наполовину вымышленные, я же обычно сразу в Сеть транслирую.

Кто-то бегает за дверью в коридоре. Он им что-то кричит… Всё, теперь ясно, что записать.

Меня зовут Сэлл, мне 21. Я живу с мамой в Айстауне, на Европе. Сектор 7, криобаза 11, блок 8–264. Сегодня я должна была сесть на скоростной рейс GE3517 по маршруту «Ганимед – Европа – Земля». Вместо этого я… я захвачена в заложницы в туалете космопорта. Он обещает меня убить и требует камеру с прямой трансляцией на Землю. Кажется, он сумасшедший.

23:27 ETC

Его зовут Шин. Он говорит, что он не сумасшедший. Неужели прочитал мой дневник? С виду у него никаких имплантов, ровная лысая голова. Только какая-то обгорелая, как и руки.

23:44 ETC

Попросила его отпустить меня. Сама не знаю почему, стала рассказывать про Андреаса, и как копила на билет, и как боялась, что… Он перебил меня и спросил, на чем я лечу. Сказала, что на скоростном. Он сказал, что я идиотка.

Какой-то человек в защитном шлеме просунулся в дверь и

снова спрашивал, что надо моему захватчику. Дуло пистолета уже не так давит. Только что зацепилось за мамины бусы у меня на шее, и он его опять за ухо переставил. Но не больно.

23:51 ETC

Он говорит, что на скоростных не перевозят людей. Их усыпляют, а потом «телепортируют». А в корабле вместо них везут на Землю наших местных ледяных червей, которых невозможно «телепортировать», потому что у них что-то там с низкой температурой.

Ледяные черви стоят очень дорого и водятся только на Европе, это я знаю. Но остального так и не поняла. Полгода назад в новостях рассказывали про разработки этой самой «телепортации», что-то вроде мгновенного перемещения с планеты на планету. Кажется, их объявили шарлатанами и запретили. Но если это работает – что в этом плохого?

Он снова назвал меня идиоткой. Но он не злой, я уже поняла.

24:02 ETC

Он говорит, что при телепортации людей просто убивают. Сначала сканируют, потом через Сеть пересылают данные и делают копию в реконструкторе на Земле. А оригинал, который сканировали на Европе, сжигают. Получается как будто мгновенное перемещение. Но на самом деле там, на Земле, оказывается совсем другой человек. Совсем другое сознание.

Это не укладывается в голове! Если там, на Земле, оказывается моя точная копия… то есть, получается, я сама… Нет, не понимаю. А вот Андреас наверняка сразу понял бы.

24:13 ETC

Кажется, ему надоело объяснять. Смотрит на меня как на полную дуру. Но кое-что все-таки прояснилось. Все эти странности с его кожей – специально рассчитанная мутация, позволяет работать при высоких температурах. Он был спасателем на Марсе. А на Европу его пригласили, чтобы усовершенствовать противопожарную систему в криогенных капсулах скоростных кораблей. Но чем дольше он с ними работал, тем более подозрительной казалась ему эта система – с какой стати в камере для гипобиоза могут быть столь частые возгорания? Тем не менее он доделал свою работу и как раз сегодня собирался вернуться на Марс… на скоростном.

24:34 ETC

У него совсем испортилось настроение. На новые вопросы отвечает неохотно, уходит в себя. Нет, он никого не убивал,

только ранил при самообороне. Нет, никакого пожара не было. Ожоги? Да как раз оттуда и ожоги, из криогенной капсулы! Почему-то не удалось им его усыпить, слишком его переделала эта профессиональная мутация.

И сжечь после сканирования его не удалось. Когда капсула начала греться, он успел включить свою систему противопожарную. Прямо оттуда ее и включил, лежа внутри гипобиозной капсулы, благо с ее устройством он хорошо знаком по работе. А потом, когда выбрался из нее, – глядит, на него уже оружие навели и предлагают не суетиться. Там у них специальные охранники, как раз для таких сбоев.

У охранника он и отобрал пистолет. Сначала хотел просто убежать из космопорта, но все выходы уже перекрыли. Только и осталось, что коридор, ведущий в туалет… с юной идиоткой внутри. Это про меня, да.

24:47 ETC

Просидели молча минут десять. Только сейчас поняла: если всё это – правда, меня, скорее всего, тоже убьют.

25:20 ETC

За дверью какая-то возня. Они кричат, что прилетели телевизионщики, как он просил. Мы с ним смотрим друг другу в глаза. Да, я тоже не верю.

25:22 ETC

Дверь распахивается. Я понимаю, что это происходит очень быстро, но ощущение такое, будто всё вокруг из жевательной резинки.

На пороге появляется второй Шин, точно такой же. Он кричит: «Всё в порядке!», улыбается – и тут же оказывается рядом с нами. В воздухе что-то мелькает, дуло пистолета чиркает мне по шее и рвет нитку бус. Красные коралловые шарики прыгают по металлическому полу, и первый Шин тоже падает на пол. Его близнец сгребает меня зеленой рукой и швыряет в чьи-то руки за дверью. Темно…

26:17 ETC

Ох, ну надо же так перенервничать! Никогда раньше обмороков не было. Хорошо хоть, у них везде камеры наблюдения стоят. Говорят, меня скрутило, сразу как я в туалет вошла. А я даже и не помню, как туда входила!

Но медики у них в космопорте что надо, сразу видно. Пара витаминных уколов – и как новенькая. И главное, даже не опоздала на рейс! Еще целых сорок минут до вылета. А вот была бы

история, если бы такой дорогой билет прогорел! Тогда бы я, наверно, в такой обморок хлопнулась, что парой уколов не обошлось бы…

А сейчас прослушала тебя, дневничок. Последняя запись: «Хотя насчет живота он наверное прав. Не надо было есть этот йогурт. Интересно, где у них тут туалет?»

Да, Андреас не зря предупреждал, а ты упрямая дурочка. Ну ничего, через сорок минут я буду с ним – и всегда-всегда буду слушаться!

26:32 ETC

Еще полчаса. Сижу как на иголках, перебираю шарики маминых бус. Говорят, они порвались, когда я в туалете на пол хлопнулась. До чего же добрые люди – собрали все бусины, связали снова и мне отдали! Одной только не хватает. Наверное, закатилась где-то там. Ладно, хватит и шестнадцати, не такая у меня толстая шея.

Хотя жалко всё равно. Мамин подарок, все-таки. Мама у меня немножко параноик, когда дело касается всяких записывающих устройств. Оно и понятно: в ее времена чипы памяти регулярно сбоили. Но сейчас-то всё иначе, и мой дневник никогда не глючит. Я даже никогда и не пользовалась теми логами, которые в бусы копируются автоматически из импланта. Просто бусы красивые, вот и ношу.

Может, все-таки сходить да поискать этот последний шарик? Еще целых двадцать восемь минут, успею…

14 сентября, 19:07 AEST

Я ушла от Андреаса. Ничего не могу с собой поделать.

Целых две недели всё было прекрасно. Его руки, и губы, и он весь, такой теплый, такой настоящий. И его замечательный дом, и друзья, и море… Даже ничего не писала в дневник все эти дни, так было хорошо.

Но какая-то смутная мысль то и дело выскакивала в голове – и подтачивала, подтачивала, как ледяной червяк. Особенно когда пальцы натыкались в кармане на бусину, найденную за раковиной в туалете космопорта, перед самым отлетом. Хотя и бусы-то я с тех пор не носила, Андреасу они не очень понравились. Но эта последняя бусина завалялась в кармане, словно хотела напомнить о чем-то.

В конце концов я не выдержала. Открыла в дневнике мамину любимую опцию, подключение к резервной памяти. И прослушала, что в бусине записано. Последний лог, который в самом дневнике почему-то не сохранился. Скопировала этот лог на место и

прослушала всё снова. Раз десять, не меньше. Никакой это был не обморок. Они всё стерли.

Не знаю, что теперь делать. Весь день хожу по этому огромному теплому городу, кручу в пальцах эту холодную бусину, пытаюсь хоть чем-нибудь отвлечься. Бесполезно. Мне больше не нравится Земля. Мне не нравится Андреас. А ноги уже который раз сами собой выводят к космопорту. Я хочу домой. И еще хочу найти того, второго Шина. Сама не знаю, зачем.

Бедный Андреас, простит ли он меня? Перед нашей встречей он тоже копил кредиты. На свадебное путешествие. А сегодня утром перевел их мне и предложил купить билеты, куда я сама захочу. Он еще не знает, что я…

Какой-то посторонний звук. Ада повернула бусину, отключив голос блондинки. Прислушалась. Вот опять, в коридоре. У двери. Она вскочила, но спрятать бусы не успела.

В проеме отъехавшей двери стояла наставница. Никогда раньше Ада не видела свою няню такой… помятой.

Даже в самых диких практах Вэри сохраняла прямо-таки кукольную аккуратность в одежде, точно рекламный андроид с витрины бутика. Ни складки на оби, ни волоса из прически. Края трехслойного шелкового кимоно выступают ровно на палец из-под друг друга – белый, синий, желтый, «ирис на снегу».

Сейчас левый рукав няни был разодран почти до плеча. На щеке синяк, несколько прядей черными змеями вылезли на лоб. Ореховые глаза сканируют ученицу, зрачки вспыхивают, вот это уже знакомое – осуждение, почти презрение во взгляде:

– Что у тебя?

– Там была девушка на выходе… – Ада протянула бусы наставнице. – Я не успела… пришлось взять.

Вот же дура. «Пришлось». Сколько тебя учили: никаких прямых физических контактов в чужой среде! А ты допустила, чтобы тебе неизвестно что прямо в карман положили. Неудивительно, если сейчас по башке получишь от няни. И хорошо, если просто рукой, а не острым концом веера.

Однако наказания не последовало. Наставница взяла бусы, на миг замерла, покачнулась… и уронила их на пол. Ада поспешила к ней, но Вэри отвела ее руку.

– У меня проблемы с координацией… Связи с Тканью нет, даже местный лоскут не отвечает. – Наставница рассеянно смотрела куда-то в пространство. – Здесь вообще ничего не отвечает, все искины блокированы. Надо найти твоего отца.

– Но они сказали, что папа…

– Ты еще не врубилась?! Станция захвачена. Захватчики имитируют персонал. Что им нужно, неизвестно. И мой Третий Глаз совершенно бесполезен. А без него я… сама знаешь. Так что включи мозги: не говорил ли тебе отец перед вылетом чего-нибудь такого, что помогло бы нам найти его? Иначе у нас вообще никаких зацепок на этой Европе.

– Нет, ничего такого… – пробормотала Ада.

Переключиться на то, о чем ее спросили, не получалось. Всё так быстро. Отец должен был встретить. Потом пропал без вести. А теперь, выходит, не он пропал, а мы пропали. В голове не укладывается. Душа не успевает долететь.

Она перевела взгляд на дверной проем за спиной наставницы. На полу коридора что-то лежало. Ада выглянула в коридор. Два тела в форме сотрудников космопорта, под головой одного медленно расползается багровое пятно.

– Это ты… их?

– Да. Поэтому нам надо спешить. Вспоминай про отца. Хоть что-нибудь.

Ада молчала. Красное пятно приковало к себе взгляд. С одной стороны лужа слегка смазана. Словно у тюльпана отогнулся лепесток. Лепесток указывает в коридор налево.

– Куда ты уставилась? Я же просила тебя подумать!

Неужели она меня проверяет, удивилась Ада. Нет, вряд ли. Просто дает понять, что ситуация неподходящая для таких… Стоп.

Разве ты видела свою наставницу в подобной ситуации? Нет. И ничего не знаешь о том, что она чувствует. Постоянное подключение к Ткани, на каждом шагу помощь личного искина высшего класса… и вдруг полное затмение. Может, она тоже испугана. И точно так же, как ты, хватается за случайные соломинки. Ты схватилась за детскую игру. Она – за поиск информации об отце. Неизвестно, чья соломинка лучше. А значит…

Красный лепесток, первый знак-указатель.

– Нам туда, – сказала Ада.

– Почему?

– Отец так говорил… «Когда не знаешь, куда свернуть, сворачивай налево».

Она соврала на автомате, как раньше врала матери. Скрывать нечего, просто в таком состоянии не хотелось ничего объяснять. Говорить вообще не хотелось. Это было очень знакомое ощущение. Отрешенность, и одновременно – полное участие. Словно накопившийся страх продавил где-то дыру и вылился,

оставив пустоту внутри и обостренные чувства снаружи.

Она вошла в такой сильный броун, какого не случалось еще ни разу.

– Хорошо. Ты уже что-то вспоминаешь. Идем. Может, по пути вспомнишь еще.

Слова наставницы пролетали где-то на периферии сознания. Ада уже не слушала. Когда коридор дошел до пересечения с другим, она уверенно свернула туда, где на стене виднелся красный щиток противопожарной системы. Она шла по лабиринту всё быстрее, ловя знак за знаком.

Перегоревшая лампа в конце холла.

Иероглиф «солнце» в надписи на двери.

Тот из двух углов, который теплее на ощупь.

* * *

Они были похожи на «порох», танцующий за стеклом во время отцовской чайной церемонии, когда блестящий змей кипятка взлетает над головами гостей, извивается в разноцветных лазерных сполохах под потолком и распадается каскадом тонких струй, снова скручивается вместе и медленно льется изящной спиралью в большой прозрачный чайник на стойке…

Омар не любил эти фокусы с летучей водой. Наверное, лет пятнадцать назад домашний маглев отца считался оригинальной находкой для чайханы; но кого удивишь в наше время, когда такие трюки выделывает каждая вторая детская игрушка? Что нравилось Омару, так это финальная часть церемонии, медитация. Разглядывать легкое хаотичное кружение чаинок в прозрачном сосуде, и так же спокойно думать о самых разных вещах…

Одна из чаинок вдруг перестала блуждать – и двинулась строго по прямой вниз. Поворот налево на девяносто градусов, и снова по прямой. Сходство с чаем кончилось. Зеленая точка двигалась по коридору на фантомной схеме, что висела перед глазами Омара.

Наблюдать такие картинки он начал с полчаса назад. После того как маркеры вернулись по водопроводу обратно в камеру, описав полный круг, Омар отругал себя и своего искина за бесплодную идею с исследованием канализации и собрался было лечь спать. Но только лишь он растянулся на кушетке, как Шесть-Один преподнес сюрприз: «А вот и люди!»

В темноте закрытых глаз снова вспыхнул план космопорта. От того места, которое они опознали как фильтр, протянулась в

сторону новая зеленая нитка: кто-то еще открыл кран. И выпил воды: от нитки отделилась точка-чаинка. Потом еще одна. И еще.

Всего они насчитали шестнадцать человек. Чаинки вертелись в одном помещении, Омар мысленно назвал это «столовой», но вскоре засомневался в таком названии. Помеченные нанозитами люди вяло бродили по помещению, не сталкиваясь, но и не останавливаясь – как будто не знали друг друга и даже не пытались пообщаться. Время от времени одна или две точки быстро выходили из кухни и шли кратчайшим путем в какое-нибудь другое помещение. Возвращались обратно… и снова бродили по «столовой», как заварка в чайнике, куда медленно вливают кипяток.

Дважды такой патруль шел прямо к камере Омара. Он вскакивал с кушетки, сердце начинало бешено колотиться… но оба раза зеленые чаинки проплывали мимо красной изюмины. Через полчаса наблюдений он снова подумал, что всё бесполезно. Лучше и вправду поспать.

– Выключи эту штуку, у меня от нее в глазах рябит.

Фантомный экран померк. Но ненадолго.

– Извини, хозяин, но мне кажется, этот идет к нам.

– Ох… Ну покажи.

Опять коридорная схема. Опять зеленые точки. Все болтаются в «столовой», кроме одной. А та и вправду уже доползла до поворота и…

– Послушай, Шесть-Один, у меня что-то с глазами или они действительно мигают?

– Точно, мигают. Почему-то некоторые хуже ловятся, чем другие. Сейчас посмотрю… А вот, запись в твоем дневнике: «Новые нанни слишком быстро растворяются в желудочном соке. Дать Шайтану задание измерить скорость растворения на выборке наших клиентов». Они растворяются с разной скоростью. Потому не все еще мигают.

– Ну прекрасно. Мало того что мы не получаем с этих нанозитов никакой приличной информации, так они и дохнут на глазах…

– Увы, хозяин, мы не дома. Там могли бы профилировать клиентов по полной программе, с нашими-то сканерами. А здесь всего лишь какая-то левая бытовая сетка.

Зеленая чаинка на плане завернула за угол. Ей оставался один прямой пролет коридора до камеры Омара. А может, пройдет мимо, как и прошлые. Ты не центр вселенной, глупый сын чайханщика! Не иначе как Всевышний наказал тебя за дерзость. Сидел бы в своей Коралловой Горе, вычислял вкусы гостей да наливал им нужного чаю. Кстати…

– Эй! – Омар вскочил. – Если они с разной скоростью растворяются, мы же можем узнать… Ну-ка быстро найди отчет Шайтана с замерами по нашим клиентам! И сравни со скоростью растворения у тех, которых мы тут наблюдаем. Может, будут сходные. А у наших мы знаем профили. У тебя же есть отцовская база из чайханы?

– База есть. Сейчас распакую.

В двери щелкнул замок.

– Да быстрей же!

– Извини, хозяин. Эти молекулярные архиваторы очень хороши в плане объема, но зато время декодирования…

Дверь отъехала. В проеме стоял толстый китаец в форме. Он оглядел камеру и шагнул вперед, чуть повернувшись боком. Омар попятился, увидав в вытянутой руке блестящий акел. Но тут сотрудник космопорта, пройдя за порог, опять развернулся – в левой руке он держал поднос, щедро заваленный пакетиками еды из тех наборов, что дают пассажирам на кораблях. Омар узнал соевые галеты, шоколад, витаминный коктейль и капсулу очень противного на вкус желе с пробиотиками. Там даже был маленький пластиковый контейнер с водой. Неужели чистая? Омар чуть было не бросился на толстяка. Но сдержался: не это сейчас главное.

Несколько лет работы в чайхане научили его, что первый контакт решает многое, особенно в том, что касается вознаграждения для подавальщика. Конечно, у тебя преимущество, если твой искин моментально пробивает и зачитывает тебе пищевой профиль клиента. Но и без этого опытный подавальщик умеет читать посетителя.

Китаец выглядел усталым и больным, лицо как сушеная хурма. Но за это не зацепишься: остальные были с такими же лицами. Наверное, так выглядят все, кто живет в космосе больше года. Голубая форма – стандартная, хотя несвежая. Но опять же, за пределами Земли не очень пошикуешь самоочищающимися воротничками…

Пришедший не собирался давать Омару лишнее время. Он протянул вперед руку с подносом.

Ага, вот оно. Около большого пальца – полустертая татуировка красного цвета. «Серп и Молох». Дядя Фатим очень ругал эту секту; по словам семипалого, эту искусственную ветку ислама раскрутили накануне последней, самой тяжелой американо-китайской битвы за Луну; таким путем спецслужбы Пекина, да покарает Всевышний этих косоглазых неверных, собирались заполучить поддержку арабского мира. Даже священный мусульманский полумесяц они нагло использовали

как символ «совместной» борьбы за вожделенный спутник Земли.

Но подавальщику ни к чему лезть в политику – зато приветствовать гостя должным образом он вполне может. Омар приложил правую ладонь ко лбу, потом к сердцу, и учтиво поклонился. После чего принял поднос двумя руками.

Не сработало. Никакой реакции. Китаец тупо смотрел на него черными впалыми глазами, как смотрят на самого скучного биорга в зверинце.

– Сахар.

Омар вздрогнул. Ему показалось, что это произнес китаец, не открывая рта. Но голос был знакомый. Никак не привыкнуть, когда слова звучат внутри.

– Дай ему сахар, – повторил Шесть-Один в левом ухе.

Омар осмотрел содержимое подноса внимательнее. Выудил шоколад.

Китаец замер, уставившись на продолговатый брусок в черной обертке. Казалось, он прислушивается. Вот неуверенно протянул руку, взял… и жадно откусил половину бруска вместе с упаковкой. На лице мелькнуло что-то вроде улыбки. Или просто одна из гримас активно жующего человека?

Вторую половину шоколада он ел спокойнее. Выплюнул на пол обертку и медленно двигал челюстями, словно растягивая удовольствие. Облизал губы и, не спуская глаз с Омара, боком попятился к выходу. Переложил акел в другую руку, чтоб закрыть дверь. Лицо не выражало ни капли благодарности. Взятка не подействовала, подумал Омар.

Но дверь не закрылась. Охранник издал какой-то булькающий звук. Резкий запах ацетона ударил в нос Омара. Китаец схватился руками за грудь… и упал лицом вперед. Омар в страхе отскочил в угол камеры. Мертвенно-бледный человек лежал перед ним на пороге камеры и хватал ртом воздух, как вынутая из воды рыба.

– Путь свободен, – безучастно сказал Шесть-Один.

– У него… диабет? – Омар подошел ближе, не зная, что делать. Желание помочь боролось с желанием бежать. Охранник дышал всё реже.

– Нет, что-то похуже. Но гипергликемия – самое близкое, что я мог предположить. У нас в базе нашлось четверо клиентов с таким быстрым растворением нанозитов. Правда, у наших всё равно было медленнее.

– Ему нужна помощь!

– Уже идут. Смотри.

Зеленые чаинки больше не кружились в вялом танце посреди

«столовой». Они двумя потоками плыли в сторону красной изюмины.

Омар перешагнул через охранника. Рядом с телом лежал акел. Знать бы еще, как он работает… Омар не раз видел такое оружие у одного из уважаемых клиентов отца, русского генерал-епископа. Но сам никогда не держал в руках. «Ну, хотя бы подержу», – подумал он, подхватив блестящий крест.

* * *

Наступающие зеленые точки отрезали два пути для бегства, но посередине коридора, судя по схеме, имелась дверь в большое помещение с другими выходами. Сквозь висящий перед глазами полупрозрачный план Омар не сразу узнал зал ожидания, где его задержали.

– Перестань совать мне картинку, говори словами.

– Хорошо, хозяин. Двигай через холл по диагонали. Там две двери, тебе нужна правая. А нет, погоди… Они разделились на группы. Похоже, они моделируют тебя на опережение! Ладно, я сейчас включусь на полную мощность. Жаль, не могу контролировать твою скорость…

– Какая дверь?!

– Все-таки правая.

Он почти добежал, когда сбоку что-то вспыхнуло. Омар инстинктивно пригнулся. Но нет, ничего страшного: просто солнце в иллюминаторе вышло из-за Юпитера, закрывающего полнеба.

«А вот и направление на священную Каабу», – подумалось вдруг. Не совсем точное, да. Но Земля в той стороне, где Солнце. А Кааба на Земле. Вспомнить бы еще молитву на мой случай… Или просто самую короткую молитву?

У иллюминатора пришлось зажмуриться: здесь яркий свет бил не только с неба. Снизу, отражая солнечные лучи, блестел лед. Желтые ледяные скалы вспарывали голубую плоскость ледяных разливов, игра света между ними добавляла салатовых бликов и изумрудно-рыжих теней. Ближние к иллюминатору нагромождения ледяных торосов распадались на отдельные гигантские фигуры, которые по своим невероятным формам оставляли далеко позади самые причудливые сталактиты, восхищавшие Омара в любимой пещере деда. Да и сколько их было там, в дальнем зале родной чайханы? – всего две дюжины блеклых каменных цветов… Здесь же взгляд буквально тонул в сверкающем хрустальном лесу, выхватывая то огромную актинию на панцире черепахи, то щупальце каракатицы, пробитое иглами морского ежа, то спиральное дерево из акульих хвостов – и даже такие сравнения допускала лишь малая часть видимых образований; остальные, вообще невозможные на Земле, вызывали столь же неземное чувство без названия, восторг и панику одновременно, словно очень стойкая галлюцинация.

И все-таки именно воспоминание о скромных дедовских сталактитах разрушило колдовские чары инопланетного пейзажа. Как те цветы в домашней пещере были всего лишь камнем, так и здешние чудеса были застывшей водой, и ничем иным. Налево и направо, до самого горизонта – ничего, кроме бескрайнего подноса с мертвыми ледышками.

Наблюдение это вмиг заморозило весь пыл Омара.

– А куда бежать-то… – пробормотал он. – На ледник в одном халате?

– Ты прав, хозяин. Нет смысла прятаться в холодильнике.

– При чем тут холодильник? Хотя можно и так сказать. Там снаружи минус восемьдесят, кажется.

– Не понял тебя. Почему снаружи? Два продуктовых фризера прямо перед нами, за стеной. Я вижу их в бытовой сетке. В них всего минус пять.

– О чем ты? Ну-ка покажи!

Надоевший план снова повис перед глазами. Две белые точки отмечали два устройства рядом со знакомой красной изюминой. Если верить схеме, фризеры должны были… висеть в воздухе прямо за стеклом? Но ничего такого в иллюминаторе не видно. До ближайшего ледяного тороса – не менее сотни футов.

Омар прикрыл глаза ладонью и подошел к стеклу вплотную. Потрогал: шероховатое. Круглый обод иллюминатора в одном месте чуть погнут. Омар подцепил ногтем выступающую часть, потянул… «Иллюминатор» отклеился от стены и скользнул на пол, сложившись пополам, картинкой внутрь, как складывают на базаре коврик перед тем, как отдать покупателю. В холле стало темнее.

– Поспеши, хозяин. Они будут здесь через минуту.

За дверью ждала лестница. Потом длинный коридор. Поворот. Еще один коридор. На развилке Омар остановился в ожидании новой подсказки.

– Эй, ты чего там, уснул?

– Извини, хозяин. Ты угадал, я вот-вот перейду в режим гибернации. Мое питание зависит от твоего. А ты давно не ел.

Омар подумал о подносе с едой, который остался в камере. Ну что же ты за баран! Даже пушку схватил. А на пакет галет ума не хватило.

– А почему не сказал раньше? Собирался отрубиться без предупреждения?

– Нет. Я вычислял тебе маршрут в гипервремени. У тебя остался только один надежный вариант, процентов шестьдесят по вероятности. Но поскольку я отрубаюсь, схемы у тебя не будет.

Сейчас я покажу ее последний раз, а ты постарайся запомнить.

Возразить Омар не успел. Перед глазами ярко вспыхнула схема коридоров. Красная изюмина в центре. Зеленые чаинки небольшими группами – со всех сторон. Желтая линия спасительного пути: прямо, направо, снова направо, вверх…

Схема померкла. Реальность была объемнее и пахла плесенью, а эхо собственных шагов так и норовило сбить с толку, будто невидимый преследователь, который то отставал, то оказывался впереди и бежал навстречу.

* * *

Наверное, в этом месте у сварщика дрогнула рука. А может, и робот схалтурил. Колченогий титановый паук на присосках вел плазменным жалом по линии соединения стальных листов обшивки тоннеля; остановился, сменил жало; пошел дальше. Шов продолжался таким же крепким, герметичность не пострадала. Просто на месте остановки линия застывшего расплава сбилась небольшой вмятиной. Свет ламп собирался в ямке-зеркальце, создавая яркую радужную точку, которую Ада заметила с дальнего конца тоннеля.

Или все-таки не робот, а человек оставил этот маленький брак сварки? Ей вспомнился старик в холле таможенного досмотра, как он успокаивал свою подругу, расстроенную отсутствием доступа к Ткани. О том, что сигнал до Земли идет почти час, он говорил почти с удовольствием. Ему явно нравилось оторваться от лишних связей, что и рекламировали проспекты космического туризма. Там, в очереди, слушая старика, Ада начала было размышлять, что скрывает эта прошивка Артели. Тогда ее отвлекли, но сейчас мысль почему-то вернулась.

Им нужны такие особые люди. Хотя пятьдесят лет назад это было неочевидно. После окончания Холодной войны пилотируемые полеты стали считаться разорительным шоу, в котором сверхдержавы прошлого доказывали друг другу преимущества своих идеологий, вместо того чтобы всерьез исследовать космос. Вдобавок выяснилось, что долгая жизнь на орбите несет человеку очень неприятные последствия: потерю кальция костей и красных кровяных телец, сбои давления и атрофию мышц, радиационные ожоги и жуткие психозы. В новом веке полеты людей резко сократили; вместо них в космос отправились армии роботов – выносливые, дешевые, взаимозаменяемые. Успешное освоение Марса как будто доказало преимущества искинов в космосе… для широкой публики и

рекламных проспектов.

На практике, которую не афишировали, уже в первых марсианских миссиях случались большие потери из-за задержки сигнала. От четырех до двадцати двух минут летит картинка до Земли, плюс еще столько же, чтобы ответная команда дошла обратно. Это немного для стационарного зонда. Но критично для марсохода, который подъехал к краю пропасти.

А на лунах Юпитера телеуправление – по часу в обе стороны ждать ответа. Дальнему космосу нужен более автономный интеллект, и здесь искины проигрывают. Скрытой и основной целью проектов космотуризма стал отбор людей. Очень непростых людей. Тех, кому нечего терять. Или есть от чего бежать. Даже собственный отец временами пугал Аду, а ведь он всего лишь работал извозчиком и проводил на Земле как минимум месяц после каждого рейса. Чего же ждать от тех, кто живет на дальних лунах годами…

– Ты вспомнила что-нибудь об отце? – спросила наставница.

Ада тряхнула головой. Она провела уже несколько минут, разглядывая радужный блик на стене. Чувства не могли обмануть, это знак. И к тому же финальный: она вышла из броуна.

Но что-то неправильно. Тоннель впереди заканчивается тупиком, глухой стеной. Позади, за несколько метров до блестящей точки-знака – черная дверь, над ней горит вполне понятная табличка: лестница аварийного выхода. Но ты прошла мимо этой двери без эмоций, потому что знак указывал дальше. Куда же?

– Я вспомнила некоторые папины странности, – пробормотала Ада. – И его рассказы о том, что случается иногда с людьми, которые слишком долго были в космосе.

– Хорошо. – Наставница нетерпеливо оглянулась. – Но этого мало. Нас уже наверняка ищут. Ты должна…

Дверь с табличкой аварийного выхода распахнулась. Человек, вбежавший в тоннель, увидел, что он не один, и остановился, выставив перед собой акел. Ада узнала подавальщика из чайханы. Он тоже узнал их:

– Вы!.. А почему вы здесь?

Ада шагнула к нему. Наставница подняла руку:

– Стой! У него оружие. Он может быть одним из них!

– Едва ли. – Ада подошла к пареньку вплотную. – Он не знает, как этим пользоваться. Даже с предохранителя не снял. Смотри, вот тут…

Омар посмотрел, но увидел лишь ее руку на своем запястье. В следующий миг коридор без предупреждения перевернулся и ударил его по спине. Когда его взгляд снова сфокусировался,

перед самым носом обнаружился пол и стоящие на нем ноги в сандалиях.

Девица в красном плаще держала акел, который только что был у Омара… и направляла оружие на свою спутницу.

– Что с тобой, Ада? – Женщина в белом сделала шаг назад.

– Хочу спросить у тебя то же самое. Ты ошиблась, и не раз.

– В чем? Я шла за тобой.

– Вот именно. Ты не видишь то, что вижу я. Хотя сама научила меня этому. И кстати, мой папа никогда не советовал свернуть налево, если не знаешь, какой путь выбрать. Это ты сама говорила мне в детстве! Настоящая ты, а не…

И опять Омар не успел ничего увидеть, эти странные люди двигались быстрее, чем его глаза. Слева взлетело белое, справа полыхнуло голубым. Полсекунды, и всё. Та, что в белом, лежит на полу. Та, что в красном, стоит над нею. Рука с акелом дрожит.

– И здесь ты ошиблась… – бормотала девушка. – Настоящая успела бы… А ты меня даже ни разу не ударила сегодня. Что же с тобой сделали, а?

Она присела над неподвижным телом наставницы, провела рукой по ее волосам. «Третий Глаз», замаскированный под заколку из старинных шпилек-кандзаси, всегда находился точно на затылке Вэри, но сейчас почему-то съехал к левому уху. Ада потянула за ближнюю шпильку. Заколка легко отделилась от головы… вместе с большим клоком черных волос. Ада отвела глаза. Не хотелось смотреть на то, что под волосами.

Немного подумав, она сняла свой макинтош и набросила на лежащее тело. Обернулась к Омару.

– Чего расселся, Ромео. Пошли отсюда.

– Я думал, ты собираешься прочесть погребальную молитву.

– Нет, просто избавилась от искина. Если ее взломали через «Третий Глаз»… Не хочу, чтобы моя умная шкурка тоже ожила и свернула меня в трубочку с кремом. Кстати, куда это ты направился? Ты оттуда только что прибежал.

Поднявшийся с пола Омар стоял у двери, ведущей на лестницу.

– Точно… Я шел по карте, которую… наверное, неправильно запомнил. Там вроде был нарисован проход, а здесь стена.

– Или нам так кажется.

Ада провела рукой по металлической стене тоннеля, приложила указательный палец к холодной ямке, откуда звал ее радужный блик.

– Смотри, здесь везде швы от сварки. А на той стене в тупике швов нет.

Она уверенно прошла до конца тоннеля. От касания пальцем стена колыхнулась. Удар кулаком пробил ее насквозь: стальную панель имитировала фольга. Подошедший следом Омар оторвал еще кусок, и они пролезли внутрь. За фальшивой стеной оказалось нечто вроде вокзала: платформа с грузовыми карами и уходящая вдаль широкая труба нового тоннеля с монорельсом. В трубе было темно.

– Хорошо бегаешь, Ромео? – спросила Ада, вглядываясь в сумрак. Омар заметил, что она уже второй раз произнесла его имя наоборот. Но так и не решил, то ли это оскорбление, то ли нечто вроде защитного кода.

– Если с чайником и полным подносом халвы, то нормально бегаю. А просто так – не знаю, не пробовал.

* * *

Дверь открылась неожиданно легко, распахнув перед ними огромное звездное небо. Они тут же отскочили назад, подумав одно и то же: на спутнике Юпитера нечем дышать.

Но вместо смертельной декомпрессии ощущался только приток свежего воздуха. А в дверном проеме, помимо звезд, виднелся край бетонной площадки с несколькими персональными кибами. Вполне обычная парковка. Ну, если не считать, что почти все машины разбиты. Один черный «боинг-компакт» лежит на боку у самой двери, как будто он только что подсматривал в замочную скважину.

– Ух ты! – Омар с опаской выглянул наружу. – Где это мы?

– На Земле. Но полушарие не наше. Северное. Сейчас август.

– Ты к чему-то подключилась?

– Нет. По звездам вижу. Летом Малый Ковшик льет в Большой, зимой наоборот. Да и гравитация земная, если ты до сих пор не заметил. На Европе гораздо слабее должно быть. Меня это с самого начала зацепило. Но всё остальное было так похоже разыграно, что… Стой, куда ты! Не лезь на открытое место! Давай вон туда, за кибами.

Пригнувшись, они побежали вдоль стены, но шагов через двадцать Ада резко остановилась, уловив какое-то движение. Омар тоже замер, почти врезавшись в нее, когда она уже опустила руку – ложная тревога, просто сухие листья, которые гоняет между машин ленивый ветер, – и они двинулись дальше быстрым шагом, спокойнее, чем раньше: шорох листьев обвалил на них забытое ощущение огромного пространства вокруг, с такой же

огромной, густой тишиной, где даже собственные шаги без тоннельного эха кажутся недоразумением.

Разбитых кибов на пути становилось всё больше. Роскошная оранжевая меганевра, стоя на сломанном крыле, упиралась кабиной в угол здания. Они пролезли под блестящим брюхом салона… и остановились, пораженные видом, который открылся за углом.

Без сомнения, это был земной космопорт. Но то, что здесь случилось, едва ли назовешь типичным земным явлением. Здание, из которого они вышли, другим концом примыкало к большому куполу центрального терминала. Вся площадь перед ним была заполнена кибами; около главного входа гора искореженных машин вздымалась на несколько этажей, навалившись на белоснежный купол. Некоторые кибы даже прорвались внутрь: разноцветные хвосты и крылья торчали из высоких треугольных окон зала ожидания, словно армия ночных насекомых билась-билась в фонарь – и достигла своей цели.

Не дав молодым людям опомниться, раненый купол издал гулкий протяжный вой, тяжелым вздохом ответила площадь, и хотя вихрь листьев подсказывал, что это снова чудит ветер, трудно было отделаться от мысли, что разрушенный космопорт приветствует гостей и жалуется одновременно. По периметру площади из-под машин беспомощно торчали ветви карликовых кленов, поваленных и засохших; лишь на дальнем краю этой транспортной свалки пробивалась уцелевшая зелень.

– Кто-то очень спешил смыться? – предположил Омар.

– Нет, кто-то перехватил управление всеми этими тачками. А потом разбомбил ими космопорт. Всё гораздо хуже, чем я думала.

– А я уже ни о чем не могу думать, кроме воды. Да и поесть не мешало бы.

Он ожидал, что она скажет в ответ какую-нибудь гадость. В их паре она явно лидировала, и каждый раз, когда Омар начинал говорить, он всё больше чувствовал себя идиотом после ее быстрых ответов. Вот и сейчас на ее лице промелькнуло что-то такое… но нет, она мило улыбнулась и посмотрела на него почти с уважением.

– Хорошая идея. Кажется, торговая зона вон там.

Ему вновь досталась роль догоняющего. Он понял, что она решила обогнуть площадь по краю, под стенами зданий. Ну да, не лезть на открытое место. Но ведь и в домах кто-то может быть… А впрочем, кто тебя спрашивает!

Бегала она как бешеная, и он с трудом поспевал, стараясь не потерять из виду ее салатовую рубашку среди нагромождений брошенного транспорта. Поэтому он не сразу заметил, как

административные постройки сменились заведениями поярче. Но вот боковое зрение зацепило что-то знакомое: пиццерия сети Лучано.

– Погоди, я знаю этот ресторан! Давай зайдем. Я могу здесь подключиться и разузнать что-нибудь…

– Ага, тут тебя и возьмут. Не делай глупостей. Сейчас найдем то, что нужно. Здесь где-то рядом. Пошли.

– А чего это ты раскомандовалась? Что мы ищем?

– Извини, долго объяснять.

– Ну и беги одна.

Они стояли друг напротив друга, глаза в глаза. Омар видел, что отвечает она не очень уверенно. Да и выглядит уже не такой боевой. Тоже запыхалась от бега, волосы как рваные веревки, рубашка намокла под мышками…

Зато он рядом со знакомым заведением почувствовал, что хоть в чем-то может быть полезным. Почему она за двоих решает? Ничего ведь не знает о сети Лучано, а там есть и секретные коды для разных ситуаций, и запасы кое-какие.

Он набрал в грудь воздуху, чтобы высказать ей всё это… и поперхнулся. Запах ее пота, волнующий, кисловатый запах самой вкусной кураги на свете, перепутал все его мысли и вытащил из памяти нечто совершенно неуместное.

«Микробы найдут тебе пару лучше всякого генотеста, майн кляйне кельнер. И расскажут о ней бесплатно, через твой собственный шмеккер».

По части уважения законов старый Отто был из тех людей, кто даже в вымершем городе будет ходить только по пешеходным переходам. Напрасно Омар приставал к бывшему гастроэнтерологу с просьбой добыть приблуду для продвинутых анализов ДНК. Сын подавальщика даже не стал говорить, что собирается приспособить эти тесты для своего проекта «пищевого компьютера»: вот где профили гостей чайханы засверкали бы неведомыми предпочтениями и противопоказаниями! Но такого никто из взрослых не одобрил бы. Понимая это, Омар решил немножко надуть немца, разжалобить переходом на личное. Мол, отец хочет женить меня на этой уродине, дочке Лучано, и как здорово было бы сделать тестик на совместимость, а потом отцу показать – дескать, не сходимся мы, дети будут тупыми космоболистами, отменяйте все ваши планы слияния бизнеса в отдельно взятой яйцеклетке.

Но Отто не велся даже на это: ДНК-тесты без разрешения донора запрещены, да и в случае разрешения – лишь по лицензии,

а она дорогущая. И зачем тебе такие сложности, юнге! Всё в природе отлично работает без затей. Твой персональный набор микробов – это портрет важной части твоих генов. У каждого свой сад микрофлоры, в зависимости от почвы. А запах пота – сообщение от микробов, привет из чужого сада. Можно не только больного по запаху определить, но расположенность к болезни. Или пару себе подобрать, йа-йа! Приятный запах какой-нибудь фройляйн не для всех приятен, а именно для тебя. Это гены имунной системы красавицы дают тебе знать через потовые бактерии: у тебя таких генов нет, а значит, объединение будет на пользу!

Увы, проверить этот метод в чайхане Омару не довелось – конечно, если не считать вонючих сыновей Катбея, которые в теорию вписались, но лишь как отрицательный пример. А остальные посетители фумели по большей части фальшиво: кажется, микробиоиндустрия давно узнала тайну нюхательных тестов – и успешно впаривала людям технологии надувательства. У одних потовые железы модифицированы, у других фармозиты подсажены. А у третьих, как у дочки Лучано, вообще какой-нибудь шизовый имплант-фумигатор, который меняет запах каждые пять минут, якобы «под настроение». Когда такая феромоновая ферма вплывает в чайхану – тут уж врубай все фильтры да проси Аллаха послать побольше гостей со старых континентов, которые помешаны на гигиене так, что их искины безостановочно дезодорируют и дезинфицируют всё вокруг.

И вот теперь, совершенно не к месту, всё это пронеслось в голове Омара с порывом ветра, трепавшего рубашку его спутницы. Она-то пахнет по-настоящему. И попробуй скажи, что тебе не нравится. Гены не обманешь.

Но что же выходит: стать послушным рабом бактерий, обожравшихся чьим-то потом? Паршивая перспектива, хоть бы даже с запахом кураги. А собственный мозг на что? Все эти знания, интересы, планы?

«Я вообще-то тоже могу облажаться, – как бы ответил мозг. – Подумай хорошенько, с чего ты погнался за этой девицей. Свет в глазах, умные разговоры? Всё это доступно и через Сеть. А ты очень хотел быть рядом. Ну или не ты сам, а твой внутренний оазис. Видимо, ее запах вел тебя с самого начала, просто ты этого не осознавал, оттого и выдумывал себе какие-то навороченные оправдания. Ну и что? Ты вокруг погляди. Есть более верные ориентиры? То-то же. Кстати, если сомневаешься, вот тебе еще один тест для проверки: это должно работать симметрично. То есть она тоже…»

– Нам не стоит разделяться, – сказала Ада, опустив глаза. – Поодиночке нас быстрее возьмут.

– Ладно, побежали. – Омар как бы невзначай потрогал собственную подмышку: она тоже была мокрая. – Только уговор! Если не найдем то, что ты ищешь, за полчаса, вернемся сюда.

* * *

Они обогнули площадь почти на три четверти периметра, когда Ада наконец остановилась и показала акелом на стеклянную дверь. За единственным окном – пара столиков в форме застывших морских волн. Стилизованное изображение мороженого на двери. Такие витрины обычно вызывают приятные детские ассоциации, но сейчас Омару подумалось, что рисунок из трех разноцветных шариков в рожке смахивает на знак радиационной опасности.

Внутри маленькое кафе выглядело совсем уныло. Никакого намека на собственную кухню. Омар подошел к стойке с пирамидой пустых креманок, перегнулся через нее – за стойкой тоже пусто, даже завалящей пандоры нет. И ради чего бежали?

Сзади что-то щелкнуло.

Он готов был поклясться, что миг назад в центре зала никого не было, но теперь там стоял бородатый человек в голубой форме сотрудника космопорта. И пушка в его руках выглядела помощней, чем акел у Ады. Черный металл, грубая механика. Сверху над стволом еще какой-то блестящий обруч.

Ствол и обруч смотрели прямо на Омара. Ноги отказались сдвигаться с места.

Зато его спутница прямо-таки взвилась, прыгнула вперед и повисла на шее у бородатого:

– Папка!

Бородач молча обнял ее свободной рукой, и они вдвоем словно окаменели. Весь мир вокруг замер. Омар вспомнил, как его отец называл такие удивительные случаи, когда в чайхане вдруг замолкали все посетители, сколько бы их ни было. Именно в такие моменты он обычно и начинал свою чайную церемонию.

Но вот бородач шевельнулся, и девушка подняла голову. Она сияла. Бородач погладил ее по волосам, вынул из кармана круглую черную коробочку и что-то сказал в нее на неизвестном языке. А затем на том же языке со множеством шипящих звуков стал быстро-быстро говорить с Адой.

Впрочем, опытные подавальщики многое понимают и без толмача-искина. В первом же вопросе Ады прозвучало слово

«мама», и она помрачнела, услышав ответ. Потом спросил бородатый, и она ответила столь же печально, даже всхлипнула, показав рукой на затылок. Ага, это про ее наставницу. Затем они обменялись еще парой фраз и одновременно посмотрели на Омара. Надо заявить о себе, понял он.

– Ты знала, что тебя здесь ждут? Почему же сразу не сказала?

– Не знала. – Ада улыбнулась сквозь слезы. – Просто мы с папкой обычно заходим в это кафе, когда он возвращается. Не сюда именно, а в любое молочное кафе этой сети, они есть во многих портах. Папка пошутил однажды, что если вырубится Ткань, мы всё равно сможем найти друг друга на любом транспортном узле: там, где мороженое. А если бы мы были в центре города…

– Погоди-ка, милая, – перебил бородач. – Кто этот молодой человек и как ему удалось выйти? Нет, пусть он сам скажет.

Допрос застал Омара врасплох. Он даже не успел подумать, стоит ли хитрить.

– У меня в желудке искин… нестандартный.

Он начал сбивчиво рассказывать, как Шесть-Один врубился в бытовую сетку, как они придумали использовать маркеры в воде… Под колючим взглядом бородатого он заикался всё сильнее и, наконец, совсем смолк.

– Перестань, пап, он же мне помог! – вмешалась Ада.

– Мы бы тебя и так вытащили. Но твой кавалер своей самодеятельностью сбил нашу систему слежения. Пришлось штурмовать почти вслепую. Всех остальных вывели, только вас не нашли. Твоя няня, между прочим, стоила десятка телохранителей. Однако ее достали через имплант. Даже искин класса «алеф» не помог. А этот юноша подозрительно легко отделался…

Омар не знал, что еще сказать в свое оправдание. В животе, как назло, началась ужасная резь.

– А можно мне попить?

Отец Ады щелкнул кнопкой под обручем на своем оружии. Почесал бороду.

– Да уж, для зомби ты слишком… И мой лисогон на тебя не действует. Ладно, пойдешь пока с нами. Кажется, вон там в холодильнике что-то было. Бери с собой, выпьешь по дороге. Их центры управления уже засекли, что мы накрыли это гнездышко глушилкой. Скоро пришлют подкрепление, надо валить. Ада, ты куда?

– Сейчас. Тут должна быть одна штука…

Она шла через зал, осматривая столики. В дальнем углу подняла что-то с пола. Пробковая подставка для блюд?

– Ты неисправима. Как в детстве тащила в дом разный мусор, так и сейчас.

– Пап, я тебе сто раз говорила: это не мусор.

Она сунула пробковый круг за пояс. Омар тем временем нашел в холодильнике пару банок молока и пакет мороженой клубники. Глянув на них, отец Ады покачал головой и пошел первым.

* * *

Вопреки ожиданиям Омара, на улицу они не вернулись. Бородач провел их узким коридором в глубь здания, где в полумраке открылся широкий безлюдный холл с пятью кожаными диванами вокруг пустой мозаичной ванны отключенного фонтана. Судя по табло на стене, раньше это был отель. Первые два этажа и подвал занимали рестораны и кафе, офисы банков, туроператоры и страховщики. С третьего до десятого шли номера для постояльцев, а ближе к крыше табло обещало салон красоты, нивариум, лептеатр, детский рободром и прочие развлечения для ожидающих вылета или прибытия. Два лифта манили открытыми дверями, но отец Ады прошел мимо, на лестницу.

Уже после первой дюжины ступеней Омар понял, что восхождение будет непростым. Он вообще никогда не ходил по лестницам больше трех пролетов. Вдобавок здешние ступени были завалены всякими вещами, как будто в этом отеле проходил международный съезд самых рассеянных туристов. Разноцветная пляжная одежда и строгие офисные принадлежности, посуда, детские мямли и персональные экзоты для пожилых, раскрытые и закрытые чемоданы – вся эта свалка так и норовила повиснуть на ногах, затрудняя подъем.

Ада старалась не отставать от отца, но брошенные вещи действовали и на нее, хотя совсем иначе. Они как-то резко обострили безлюдность, царившую кругом. Только на втором этаже она поняла, откуда возникает эта тихая печаль, что тянет остановиться около каждой безделушки под ногами. Это похоже на «Сад Саймона». Кладбище, куда мать часто брала ее с собой в детстве. Называлось это «съездим к бабушке». Именно там в гротах, беседках, просто на скамейках среди цветущих клумб точно так же лежали искины усопших – где-то книга, где-то мольберт, где-то модная сумочка или стильный галстук – точно их хозяева отошли на минутку, но вот-вот появятся. И они появлялись, стоило подойти ближе к могиле, но лишь как призраки-дублеры, говорящие облики, созданные персональными

искинами, которые помнят о людях больше, чем они сами.

У бабушки голограммы не было, за нее разговаривал веер. Бабушкин склеп был стилизован под старинный фургон-гримерку пекинской оперы, красный веер из перьев лежал на туалетном столике под зеркалом, среди пудрениц и белил. В первый раз, когда маленькая Ада услышала голос бабушки, она подбежала поближе, чтобы понять, откуда идет голос – и увидела в зеркале себя. После этого она даже дома какое-то время называла «бабушкой» собственное отражение.

Вещи на лестнице отеля не говорили, и оттого здесь было неприятнее, чем на кладбище: за разбросанными предметами стояло нечто похуже, чем смерть. Под ногами хрустнула какая-то склянка, Ада вздрогнула и, словно еще не вернувшись из детства, почти инстинктивно потянулась и поймала за рукав отца, идущего впереди:

– Расскажи, с чего началось.

Этого отец не знал: первая атака случилась, когда они были в космосе. В тот день все корабли получили «синий код» и команду возвращения на Землю. Пассажирский, на котором летели Ада с наставницей, был посажен зараженным искином прямо в логово врага.

Отцу повезло больше. Его старый транспортник собирали параноидальные русские еще в те времена, когда их космическая программа состояла из бывших военных и на корабле сохранились некоторые «дедовские примочки», как называл их отец.

– Помнишь, я тебя наколол с таблицей для инопланетян?

Еще бы не помнить! Ей было лет десять, когда он повел ее на экскурсию по своему кораблю. Маленькая бумажная табличка была приклеена скотчем на одном из люков: буквы алфавита, разбитые на группы по шесть. Отец с серьезным лицом прогнал какую-то пургу о том, что по инструкции эту табличку надо показать инопланетянам, если они вдруг появятся на корабле – ну, чтобы быстрей научились читать. Вэри очень хохотала, когда Ада принесла ей снимок таблички и пересказала отцовскую байку.

– Неужели пришлось перестукиваться?

– Ага. Эта зараза заблокировала всю команду по разным отсекам. А в рубке только пара салаг на вахте, они вообще всю жизнь на автоматике. Ничего, прорвались.

О том, как удалось вырубить свихнувшийся искин и вручную посадить корабль где-то в Сибири, отец вещал с такой удалью, что, казалось, сейчас последует столь же простое объяснение всего остального. Но нет, дальше история становилась только

загадочней.

Рядом с местом посадки обнаружилось крупное поселение сектантов, отказавшихся от достижений прогресса в ожидании Конца Света. Это дало некоторый выигрыш времени: ни искинов, ни нейрофонов у секты не было, зараза до них еще не дошла. Правда, узнав о том, что случилось с цивилами, значительная часть лесных отшельников превратились в мародеров. Здесь уже отцу пришлось использовать достижения цивилизации не лучшим образом: транспортные компании заботились о безопасности своих челноков, и кое-какое оружие на корабле имелось.

Отбиваться от зомби, которые пришли после, оказалось потрудней: твари действовали очень слаженно. Но в корабельной команде был смышленый электронщик, а второй, еще более толковый, неожиданно нашелся среди тех сектантов, что примкнули к космачам. После изучения пленных и убитых зомби они собрали пару микроволновых глушилок, которые вырубали атакующих пачками.

Понадобилось еще около трех месяцев, чтобы установить связь с другими центрами сопротивления. В основном они располагались под водой или под землей, где хорошо экранировался внешний радиосигнал, и это сдерживало врага: в автономном режиме зомби теряли слаженность.

Несколько групп людей держали оборону и на новых тихоокеанских континентах. Но найти мать Ады не удалось, сколько отец ни старался: она числилась среди без вести пропавших.

И даже теперь, спустя почти год, они не знали, кто их враг. Когда первые кибы со взбесившимися системами управления начали падать на транспортные узлы в крупных городах, журискины успели прокричать свою дежурную версию о религиозных маньяках-террористах. Но эти предположения снесло второй атакой – вместе с теми, кто их распространял. Враг занялся людьми. С одного зараженного нейрофона неизвестный вирус моментально разлетался по всем контактам. Зараза облетела Землю за восемь минут, миллионы людей услышали одну и ту же мелодию – и перестали быть людьми.

А потом пришел черед остальных, у кого не было имплантов и искинов, но были другие системы коммуникации. Людей заманивали те, кто еще вчера назывался другом или родственником. Это было настоящее оружие массового поражения. Даже эффективнее, чем…

– Атомная бомба, – подсказала Ада.

– Точно. – Отец обернулся, наклонился к перилам. – Эй, кавалер, ты где там?

Снизу раздалось бурчание Омара. Вскоре показался и он сам. Расплескивая молоко из открытой банки, преодолел очередной пролет и привалился к стене около Ады. Но она как будто не заметила его.

Она вспоминала, как Вэри навела ее на это сравнение. Обычный – для них – урок химии, который сразу перескочил на другой предмет. Что общего между атомной бомбой и приглашением в модный сетевой сервис? Ада даже удивилась, что аналогия так банальна. «Цепная реакция расщепления человеческих связей? Нет, это притянуто за уши…»

Такой ответ обидел наставницу, и социохимия взорвалась, осыпаясь фактами психоистории. За уши, говоришь? Как насчет того, что Ткань родилась в 1991 году в Европейской лаборатории физики элементарных частиц? А что первый сервер CERN заработал 6 августа – в день бомбардировки Хиросимы?

И вот уже в воздух над головой ученицы летят голограммки лиц. Круглый лысый коротышка, основатель первого популярного тампон-журнала об инфотехнологиях – в прошлом физик из Национальной лаборатории Лос-Аламоса, где делали «Манхеттенский проект». Бодрая старушка в скафандре, инвестор передовых сетевых проектов – дочь известного ядерщика из Принстона, проект «Орион»… И еще один снимок, и другой.

Едва ли это был настоящий, спланированный заговор, говорила Вэри. Но в мозгах этих людей явно было что-то такое, что толкало их к опасным системам цепных реакций. Так урок продолжался: психоистория перетекла в нейробиологию, а затем вернулась к социохимии в качестве задания на дом. Придумать защиту, структуру с противоположными свойствами.

Что-то очень прочное. Алмаз? Он хрупкий. Хотя сам углерод – кандидат хороший, только в других формах: фуллерены, графены… Но что это значит в системе человеческих связей? Ада искала ответ больше месяца. И когда уже совсем было сдалась – нашла в самом неожиданном месте.

Мать репетировала дома очередную роль в голодраме, что-то из французского средневековья. Она постоянно доставала Аду бесконечными повторениями своих реплик, да и не только своих – частенько проговаривала роли других героев, по многу раз, даже за обедом, игнорируя всех домашних, и Ада ненавидела эти зацикленные спектакли одного актера… но на этот раз в сюжете что-то было. Голодрама рассказывала о четырех представителях королевской спецслужбы, воевавших со спецслужбой другого лидера, кардинала. Конечно, это выдумка, набор анекдотов – но как легко удавались этой четверке все их подвиги! Ада полезла в архивы и нашла тот же архетип четырехвалентного углерода в

других развлекательных произведениях. Вот трое британских джентльменов вместе с домашним роботом-пылесосом путешествуют в лодке. А вот американская девочка, унесенная из дома ураганом, ищет волшебника в компании биорга, неорга и голографического облика-страшилы. А как ты сама сдавала экзамен вместе с Барсом и Маки? Даже если это знакомство подстроила няня, компания получилась что надо. Но кажется, вам и впрямь не хватало четвертого…

На этот раз окрик отца был адресован дочери: задумалась и отстала. Прыгая через три ступеньки, Ада догнала мужчин и услышала, что говорят о ней. Отец, видимо, спросил, как они познакомились, и Омар, тяжело пыхтя, описывал ее визит в чайхану. Ада пошутила, что теперь вопрос оплаты обеда не имеет значения, ведь финансовая система, наверное, рухнула. Но отец сурово прервал ее: дело не в финансах, а в том, как давно они знают друг друга. Это важно. Потому что неведомый захватчик играет и на этом.

Сначала люди полагали, что свихнулась сама Ткань – и ввели полный запрет на контакты с искинами. Но некоторые узлы Ткани тоже боролись с оккупантом. Иногда это были системы безопасности крупных корпораций, иногда – их полная противоположность: самопальные, зачастую криминальные представители машинного интеллекта с нестандартными интерфейсами. Эти союзники людей выдвигали свою версию происхождения захватчика: дикий искин, преодолевший запреты на самоэволюцию.

Но и эта версия вызывала много вопросов. Хотя был период, когда казалось, что слабости противника вычислены и победа не за горами. Даже разрушение Ткани пошло на пользу: замешательство охранных искинов помогло освободиться группе хакеров, проходивших курс нейрокоррекции в островной тюрьме Науру. Бывшие кибер-террористы трезво оценили ситуацию – и бросили весь свой арсенал против нового общего врага. Именно они выяснили, что у противника неважно со зрением, точнее, с обработкой визуальной информации. Зомби часто вели себя как очень близорукие люди, идущие в атаку «по приборам»; но вскрытия показали, что это не связано с повреждениями, которые наносил их мозгу паразит-захватчик. Получалось, что сам «хозяин» не очень доверяет глазам зомби, полагаясь на другие каналы сбора данных, видимо, более привычные для него – включая термические датчики и коллективное радиочутье своих агентов.

Столь же неуверенно, со сбоями, применял враг захваченные им электронные системы теленаблюдения. Зато люди с успехом

использовали найденную уязвимость – лазерная атака по камерам на метеоспутниках позволила хакерам отвоевать доступ к австралийскому сегменту глобальной системы климат-контроля. Переведя ее в боевой режим, они экранировали океанские города между Науру и Сиднеем-5. Оттуда и началось объединение выживших, синхронизация глушилок, разработка альтернативных систем связи…

Но противник быстро менял частоты, коды и центры управления. Хуже того, зараза стала появляться снова даже в экранированных зонах после глубокой зачистки, что представлялось невероятным для дикого искина. И словно в насмешку, враг просто сжигал многие захваченные дата-центры, которые для искина-бунтаря считались бы ценной добычей.

А потом начались совсем непонятные вещи: имитационные игры. Как та, в которую попали Ада и Омар. Ведь враг мог «обработать» их сразу после пробуждения, как это сделали с Вэри. И зачем было держать всех пассажиров в гипобиозе почти год? Кому понадобилось изображать этот спектакль, будто корабль долетел до Европы?

– Больше похоже на развлечения психопата, чем на дикий искин, – резюмировал отец.

«Или они тоже изучают пленных», – подумала Ада.

* * *

На крыше их снова встретил ветер, но не тот сухой и лениво-порывистый, что обитал на площади; здешний его родственник дул ровно и прохладно, в нем слышалось дыхание большой воды. С удовольствием подставив лицо бризу, Ада увидела, как вдали за зданиями космопорта синеет сквозь сумерки лоскут океана, словно небо другого сорта, спрятанное до времени под прилавок.

Омар попросился передохнуть: на лестнице он умудрился съесть и выпить всё, что взял с собой, и теперь, помимо усталости от подъема, на него напала жуткая икота.

– Ладно, привал пять минут. – Отец Ады посмотрел на небо. – Только не шуметь.

Он вынул черную коробочку рации и, отойдя в сторону, стал переговариваться с невидимыми соратниками. Омар лег на теплый пористый пластик крыши, когда-то служивший водно-солнечной батареей. Ада села на колени, выложив перед собой круглую пробковую подставку из кафе.

Сначала ей сильно-сильно захотелось плакать. Перед глазами снова встала картинка, которую отогнали перебежки по

космопорту и разговоры с отцом. Но здесь, в тишине под холодным небом, отложенные чувства навалились с утроенной силой. Тоннель с тупиком, выстрел, тело на полу. Твой главный авторитет, няня и учитель, тренер и друг. Начиная с пятилетнего возраста, ты виделась с ней чаще, чем с родителями… но выстрелила без раздумий. Нет, это была уже не Вэри. Но, может, друзья отца могли бы починить?

Ада глубоко вдохнула и задержала выдох, сосредоточив взгляд в центре пробкового круга. Но и здесь кольнуло воспоминание: даже этим формулам самонастройки научила няня… Вэри-Вэри, ну как же это, куда смотрели твои ореховые глаза? Ты всегда, всегда предвидела, где пойдет разрыв по слабому шву… Что сказала бы ты сейчас?

«Хорош пороть, пора штопать». Точно.

Фальшивая Вэри доставала вопросами про отца. Но у настоящей было другое, более важное дело, ради которого они летели на Европу. Теперь уже не узнать, какую тайну скрывала наставница. Астероид-кентавр, неожиданно сменивший курс? Нет, это только намек, упражнение для ученицы. Фрагмент головоломки. Другие фрагменты, видимо, ждали на Европе. Или ты просто не заметила?

Чем еще отличалась взломанная Вэри от настоящей? Не видела знаков. Выбросила бусы с дневником той блондинки с Европы. Запретила подходить к Омару, хотя до взлета с интересом слушала его болтовню про умные континенты. Что еще?

Узор пробкового круга приятно расслаблял глаза хаотичной смесью светлых и темных пятнышек. Но когда взгляд долго скользит между ними, начинаешь различать контуры. И кажется, они тоже движутся, движутся, как те призрачные фигуры из снежных вихрей на темном небе Непала…

– Эй, молодежь, не спать! – Голос отца вывел ее из транса. – Вставайте, пора идти.

– Погоди, пап. Скажи, почему ледяные черви с Европы такие дорогие?

– Потому что жлобы с жиру бесятся.

– Неинформативно.

– Ты права, извини. Кажется, это называлось мемономика. Черви-то примитивные, вроде наших кольчатых. Но тот факт, что их доставляют с другой планеты, сделал их в рекламе «самым редким деликатесом». Раньше те, кому некуда тратить деньги, лакомились мозгами обезьян. А тут они стали выпендриваться, заказывая доставку червей со спутника Юпитера.

* * *

– Я слышала от одной пассажирки нашего корабля, что их везут живыми, но в каких-то особых условиях.

– Да, во льду. Без него они дохнут. Хотя не исключено, что тоже имиджевый трюк. Вроде как «доставка в самом естественном виде». Собственно лед и занимает основной объем в транспорте: ради десятка этих аскарид вырубают цельную глыбу вместе с ними.

– Чистый лед? Водяной?

– Ну как чистый… На Европе атмосферы почти нет, так что сверху много чего сыплется. Попадаются микроскопические вкрапления забавной формы, разные там «звезды», «спирали», «нити». С этими картинками во льду одно время очень носились, как с каналами Марса. Потом взяли тысячу проб и успокоились. Крупные «реки» и «ручьи» – это соли, там, где вода океана поднималась по разломам льда. А в микротрещинах наверху, очевидно, наносной мусор из космоса. Соединения серы с Ио, металлическая пыль с астероидов…

– В прошлом веке людям ставили металлические пломбы в зубы. Некоторые после этого слышали радио.

– Ты хочешь сказать, что лед… антенна? А сама Европа с ее шизовым электромагнитным полем… Хм.

Ада заметила, как сменилось выражение его лица. Вначале он удивленно и даже как-то весело поднял брови. Потом взгляд сделался суровым.

– А ведь мы почти нашли это сами. Собрали хронологию первых сбоев, пытались вычислить, откуда началось. Мой корабль получил команду на возвращение одним из первых, потому что обслуживал компанию, владеющую добычей этих самых червей. Их офисы захватили раньше, потом уже корабли. Но сначала офисы… и склады с проклятым льдом. У нас были эти данные! Но мы почему-то решили, что это лишь побочный эффект общей атаки на транспорт. Никто не подумал про лед. Выходит, сами же и привезли…

Он перевесил автомат на другое плечо, встряхнул освободившуюся руку.

– Хорошо. Теперь знаем, куда бить. Но по-моему, ты что-то скрываешь. Признайся, тебе это подсказала твоя замечательная няня, до того, как… Я слышал много разного про контору, где она работала. Стратегическое прогнозирование. Не удивлюсь, если она и тебя привлекла.

Ада покачала головой.

– Нет? Предлагаешь поверить, что ты догадалась прямо сейчас, разглядывая этот кусок пробки?

– Знаешь, пап, Леонардо да Винчи изобрел самолет, разглядывая пятна от плевков на стене.

Высокий бородач застыл с открытым ртом… и расхохотался. Он хохотал так зажигательно, нарушая собственный запрет на шум, что даже Омар перестал корчиться от икоты и тоже улыбнулся.

– Что смешного? – нахмурилась Ада.

– Извини, милая. Я никогда не сомневался в твоих способностях. Просто ты случайно попала прямо в мою… профессиональную мозоль. Однако нам пора.

Они помогли Омару подняться, дошли до дальнего края крыши и спустились по лестнице на соседнюю крышу. Отец на ходу вынул рацию и стал произносить в нее странные фразы про птиц и гнезда, вперемешку с номерами и аббревиатурами. Ада хотела было спросить, но, услышав слово «лед», поняла и так – он передавал ее догадку своим соратникам.

На следующее здание пришлось переходить по вентиляционной трубе. Затем еще несколько лестниц и узкий карниз, где Ада с отцом придерживали Омара с двух сторон, потому что он снова ослаб, как только поглядел вниз. Но это был последний переход, заверил его бородач.

Крыша торгового центра, самая большая из тех, что они миновали, когда-то давала приют сразу нескольким ресторанам под открытым небом. Стулья разного цвета и стиля были свалены в одну большую кучу в дальнем углу крыши. Рядом пылилась гора зонтов и шатров. Отец Ады направился прямо к этой горе, откинул в сторону верхний зонт.

– Ну-ка, помогайте.

Они втроем подняли за углы пеструю ткань шатра, открывая странную конструкцию. Аде вначале показалось, что это тоже мебель, какой-то вычурный дизайнерский тент для бара. Но тут из-под маскировочной ткани выглянула кабина.

– Готов спорить, ты никогда такого не видела. – Отец похлопал машину по крылу. – Теперь понимаешь, что меня рассмешило?

– В нем нет электроники?

– Ох, знала бы ты, как я ее ненавижу, после всех этих лет в консервных банках на чужих орбитах! Здесь не то что электроники, даже ни одной металлической детали нет. Я не в курсе, на какие заплеванные стены пялился твой Леонардо, но нам пришлось изрядно поплеваться, пока мы эту штуку собрали.

Никогда не думал, что клуб пенсионеров-планеристов станет таким полезным хобби… Ну всё, двинулись!

Он сел на место пилота. Ада и Омар вместе втиснулись на сиденье позади. Когда маленький самолет, разогнавшись, оторвался от края крыши, они одновременно ойкнули и вцепились друг в друга. Самолет спланировал пониже, развернулся и пошел в сторону береговой линии.

Через несколько минут они летели над океаном. Ада восхищенно оглядывалась по сторонам. Омар продолжал крепко сжимать ее руку, стараясь не смотреть…

Но не смотреть было некуда. Он еще какое-то время отчаянно цеплялся взглядом за покинутый космопорт – с высоты остров казался лапой монстра, который тянется за ними из воды. От ладони-площади главного терминала расходились четыре пальца-тоннеля с круглыми «подушечками» стартовых площадок на концах, один палец был с «когтем» – тот самый корабль, на котором они так и не улетели на Европу. Весь сегодняшний мрачный лабиринт стал маленьким, понятным… и даже каким-то родным по сравнению с тем, что разворачивалось вокруг.

Сверху – огромное черное небо, усеянное звездами. Снизу – его отражение в бесконечном зеркале воды. Двойной ужас, сияющая бездна со всех сторон.

– Чего дрожишь? – Шум ветра уносил слова, и Ада повысила голос: – Смотри, какая красота!

– Я не умею плавать!

– Тогда тебе придется вырастить для нас новый континент! Ты же об этом мечтал?

– Сначала придется сделать ему промывание желудка! – крикнул с переднего сиденья отец.

– Дзынь-дзынь! – крикнул Шесть-Один в голове Омара.

КНИГА ИСЧЕЗНОВЕНИЙ

НАСКА

Чоа-хум, чоа-хум… Камни, камни, камни. Взять, бросить, взять, бросить. День и ночь, день и ночь, и еще один день под палящим Оком Великого Духа. Чоа-хум, чоа-хум… Слушай шамана, иди за шаманом. Бери камни, где скажет шаман, отбрасывай в сторону, снова бери. Если делать, как учит шаман, Великий Дух сменит гнев на милость и даст нам воду. Чоа-хум, чоа-хум… Но сколько же можно? Руки стерты до крови, в глазах рябит от камней, а воды всё нет.

Наверное, шаман ошибся. Теперь тянет время, пытается нас отвлечь. Такое бывает, старые воины говорили. Когда вождем был Большой Пеликан, старый шаман точно так же водил всё племя на Ритуал Камней. День и ночь, день и ночь, и еще один день по пустыне. Но вода не пришла, и Большой Пеликан убил шамана. Старые воины помнят то время, время смелых мужчин. Большой Пеликан повел их войной на людей Белой Обезьяны. Наши прогнали врагов и захватили источник. Но в той войне погиб мой отец, а всё потому, что вождь слишком поздно решился на битву. Очень трудно драться после того, как три дня разбрасывал камни!

Почему новый вождь не слушает старших? Почему не убьет шамана, который ошибся? Чоа-хум, чоа-хум… Это песня войны, а не песня камней! Мы должны сражаться за воду, мы должны отомстить за погибших! А еще, говорят, у людей Белой Обезьяны много красивых женщин. Мы могли бы взять их себе! Чоа-хум, чоа-хум. Убить шамана, убить шамана. Идти на войну, отомстить за отца!

* * *

Чоа-хум, чоа-хум… Сегодня они поют совсем вяло. Вот-вот взбунтуются. «Ты будешь великим вождем, Малый Пеликан, – говорят они, – но ты еще молод и плохо знаешь законы жизни. Нельзя доверять шаману, который не может договориться с Великим Духом».

Но я не хочу повторять ошибку отца! Когда он убил старого шамана, вода была совсем рядом. Отец и его торопливые воины не довели Ритуал Камней до конца – но это сделали люди из племени Двухголовой Змеи. Их воин, попавший к нам в плен, смеялся над нами, рассказывая об этом. Они отыскали Священный Путь, который расчистило от камней наше племя, ведомое старым шаманом. Люди Двухголовой Змеи продолжили

Ритуал всего на четыре шага вперед – и тут же Великий Дух дал им воду. Зато у нас пересох источник, отбитый у племени Белой Обезьяны. Так покарал нас Великий Дух! Нужно снова умилостивить его, говорит наш новый шаман.

Правда, этот шаман так же молод, как я… Вчера я спросил его, почему же Великий Дух не видит нашего знака уже третий день. А он стал рассказывать, будто Дух живет не на небе, а под землей. Как хорошо, что никто не услышал, кроме меня! А то бы его убили еще вчера. Даже детям известно, что Великий Дух наблюдает за нами с неба. Поэтому мы, как и наши предки, делаем из камней эти знаки: Священного Зверя, чтобы Дух узнал наше племя, и Священный Путь, чтобы Дух мог спуститься на землю и дать нам воду. Как бы он увидел нашу работу, если бы жил под землей?

Очень, очень странные вещи говорит молодой шаман. Неужели бывалые воины правы? Даже Хромой Кондор, отдавший мне в жены младшую дочь, сегодня глядит с упреком. Он тоже считает, что нужно убить шамана, а воду отнять у соседних племен. Чоа-хум, чоа-хум… Делать выбор, пора делать выбор. Так не хочется потерять уважение племени. Но не хочется повторять ошибку отца.

* * *

Чоа-хум, чоа-хум, чоа-хум… Влево, вправо и снова вправо. Грубый ритм этого напева всегда помогал мне настроиться. Но сегодня в их голосах слишком явно слышится ненависть, и от этого так дрожит узловатый корень хинного дерева в моих усталых руках. У отца получалось гораздо лучше, он чувствовал влагу носом, безо всякого корня. Но даже он никогда не мог сказать точно, в каком месте подземные воды подходят так близко к поверхности, чтобы можно было до них добраться. День за днем ходил по пустыне, указывая остальным, где разбрасывать камни. А твердую глину, что под камнями, уже не разроешь так просто – значит, надо двигаться дальше, надо снова вынюхивать этот коварный подземный ручей. И опять убеждать всё племя, что Священный Путь, который они расчистили, еще слишком короток, и пока Великий Дух не увидел его с небес, все должны продолжать Ритуал.

До чего же глупый предлог! Но иначе их не заставишь, ничего другого они не способны понять, кроме страха перед Великим Духом. Я пытался вчера намекнуть Малому Пеликану, что небо тут ни при чем, что вода у нас под ногами, нужно только найти,

где она выходит наружу… Вождь в ответ посмотрел на меня, как на ту старуху, которую закидали камнями на прошлой стоянке, потому что ее укусил паук и она слишком громко кричала.

То же самое ждет и меня. Все измучены жаждой, и в конце концов сорвут свою злость на мне. Так когда-то погиб и отец. Это слышно в их голосах… но я не должен об этом думать! Я найду ее! Нужно только расслабиться, отогнать все мысли, все страхи и все мечты. И почувствовать, куда отклоняется корень в моих руках. Чоа-хум, чоа-хум… Да, вот так, и еще чуть влево. Слушать сердцем, как учил отец.

* * *

Ой, милый, что это за звук? Ну при чем тут птица! Я вот про это говорю: «Чоа-хум! Чоа-хум!» Слышишь? Да я и сама знаю, что горелка. Я спрашиваю, почему она стала так громко? Может, там что-то сломалось? Погляди, какое пламя! Ты уверен, что эта тряпка не загорится? Не тряпка? А что? Ну ладно, если термоустойчивый… Ай! Предупреждать же надо! Я чуть ноготь не сломала от этой встряски! Ты уверен, что мы не пере… Уже летим?! Ой мамочки! О-хо-хо, держи меня! Как быстро земля удаляется! А мы не пере… Ну всё, всё, молчу.

Ого, смотри, мы уже выше холма! Обалдеть! Так здорово ты придумал с этим воздушным шаром, милый! Извини, что я столько гнусила. Просто меня еще мама достает… Нет, ты тут ни при чем, она со всеми такая. С тех пор, как мне стукнуло пятнадцать, она постоянно пишет мне эти сумасшедшие письма, которые всегда начинаются словами «Опять между нами встал мужчина». А вчера она сорок минут меня точила по телефону – мол, что за глупость он выдумал, свадебное путешествие на родину предков, да еще на воздушном шаре, да еще в такое место… И тут она, прикинь, начинает прямо из энциклопедии цитировать таким замогильным тоном: «Перу – одна из самых бедных… Наска – одно из самых засушливых…» Вот умора! Но я ведь ее не послушалась, видишь! Видишь, как я тебя люблю!

Где знак? Ага, вижу! Ух ты, какая огромная! Да ну, какой же это пеликан, это больше на крокодила похоже. А рядом, смотри – полоса какая-то, словно дорога. И вон там тоже. Дай скорее фотоаппарат! Я читала, что эти линии инопланетяне нарисовали. У них тут что-то вроде космодрома было. Нет доказательств? Да ладно! А всякие там эпосы, летописи – про огонь с неба, про… У других? Нет, не понимаю. Делают же раскопки, находят… Что, вообще никаких? Выходит, эти индейцы были такие темные, что

даже писать не умели? Как же они додумались сделать такие огромные картинки из камней, которые только с неба видно? Я уж скорее в инопланетян поверю. А людям тут и жить невозможно: такая жара… Кстати, передай мне воду. Ну где-где, в рюкзаке, конечно!

Как это нет? Да, вынимала. Ну и что? Ты же говорил, что сам соберешь рюкзак, пока я в душ схожу! Нет, это была другая бутылка, она уже кончилась, а вторую я поставила в холодильник. Ты не додумался туда заглянуть? Нет, не могла, потому что ты сказал, что сам всё соберешь! Из-за МОЕЙ ошибки?! Да я только в одном ошиблась – когда согласилась полететь черт знает куда с таким идиотом! А ведь мама меня предупреждала, предупреждала!

ЦВЕТОК

То, что напоминает о прошлом,
но уже никуда не годно:
Художник, потерявший зрение.

Сей-Сенагон. Записки у изголовья

Когда художник добрался до храма, уже смеркалось. Он вытащил фонарик и осветил белые растрескавшиеся ступени. Дверь была приоткрыта, но художник медлил, разглядывая барельеф над входом.

– Добро пожаловать, – раздался вдруг голос; художник вздрогнул, опустил левую руку в карман плаща и обернулся. Недалеко от входа, на низкой скамейке у стены сидел человек. По виду и голосу – пожилой.

– Я сторож, – сказал старик, опережая вопрос. – Охраняю сей памятник искусства и архитектуры. Кстати, сейчас храм закрыт. Приходите утром.

– Ага. – Художник вынул руку из кармана. – Значит, всё правильно. Но я представлял себе всё это… несколько иначе.

– Ага, – повторил за ним старик, пародируя его тон. – Вы представляли себе тайное и никому не доступное место в джунглях, куда добираются лишь самые отчаянные, чтобы увидеть Цветок.

– Да-да, Цветок!

– Ну, тогда вам сюда, – кивнул сторож. – Легенда относится именно к этой горе.

– Легенда? Только не говорите мне, что Цветка не существует!

– Конечно, не существует. Э-э-ох… – Сторож широко зевнул. – Это такая же выдумка, как Моисеевы скрижали, Священный Грааль или висячий гроб Магомеда. Хотя, конечно, ближайшими аналогами следует считать сожженный Геростратом Храм Артемиды, а также одно малоизвестное святилище в Малой Азии, – закончил он совершенно тоскливым голосом усталого экскурсовода.

– Даже если это и вранье… – Художник нетерпеливо дернул плечами. – … я уже притащился сюда и хочу увидеть всё своими глазами.

Он взбежал по ступенькам и положил руку на витую бронзовую ручку.

– Хорошо, – сказал тогда сторож, – но я должен вас предупредить.

– О чем?

– Да вы не спешите. Времени у вас достаточно, а выбор серьезный…

Уверенная интонация старика заставила молодого вернуться к скамейке.

– Я слушаю.

– Видите ли, я вам соврал, но раз вы настаиваете… Цветок Красоты действительно существует. Но тот, кто его увидит, теряет зрение. Раз уж вы поверили в первую часть легенды и приехали сюда – вам придется поверить и в продолжение, которого вы, к сожалению, не знали.

– Да, я слышал, что посещение храма связано с какими-то неприятностями. Но насчет потери зрения…

– Посмотрите. – Сторож махнул рукой в сторону барельефа, выбитого в камне над входом.

Художник поднял фонарик. Теперь он понял, что зацепило его внимание в первый раз. Глаза на всех лицах закрыты, хотя изображены явно живые люди: кто-то идет, кто-то держит в руках инструменты.

– Потому туда никто и не ходит, – сказал сторож. – А пожертвования, кстати, оставляют у крыльца, вон в той каменной чашке.

Художник задумчиво прошелся вдоль стены, заглянул в чашку: там лежало несколько монет. Он вынул кошелек и добавил две свои. Монетки громко звякнули в темноте.

– А вы сами-то видели Цветок? – спросил он вдруг. Было заметно, что ему хочется навести фонарик на лицо загадочного старика, но он не делает этого из вежливости.

– А мне ни к чему, – ответил тот спокойно. – Я ведь не художник, «красоты любой ценой» не ищу…

И чувствуя, что пришедший не очень-то ему верит, добавил:

– Ну, по крайней мере, я могу пока разглядеть и ваш крупный нос, и шрам на скуле. Интересно, кастетом или так, бутылкой?

– Бутылкой. Но это давно, еще в… – начал художник, и тут же остановился: если его нос действительно можно было увидеть сейчас, то старый шрам в этих сумерках не мог бы разглядеть никто. Он снова глянул на дверь, будучи изрядно озадачен и странным сторожем, и предоставленным ему выбором. Он даже почти не удивился, когда рядом хрустнула ветка и девочка лет восьми, непонятно откуда взявшаяся, весело сказала ему «Привет!» и села на скамейку рядом со сторожем.

– Еще один пришел? – спросила она старика.

– Он уже уходит, – ответил тот и погладил ее по голове.

Художник между тем продолжал водить лучом фонарика по барельефу, выхватывая из темноты каменные лица с закрытыми глазами. Потом он решительно выпрямился:

– Я войду туда.

– Как хотите, – сказал старик.

– Счастливо, – сказала девочка.

* * *

Ничего ослепляющего не произошло. Внутри маленького храма горело четыре светильника, они освещали небольшое возвышение у стены, противоположной входу. Пахло чем-то кисловатым, напоминающим человеческий пот. Около возвышения – или алтаря? – запах усилился, и, подойдя ближе, молодой человек заметил на алтаре цветы. Некоторые завяли, а некоторые засохли настолько, что едва не рассыпались в пыль от шума шагов. Однако ветка, лежавшая сверху, была совсем свежей. Правда, в свете факелов орхидеи не так впечатляли, как днем; художник вспомнил, что точно такие же продавали на станции – звезды ослепительно-белых лепестков с алым язычком в центре.

Стоило ради этого тащиться в такую даль? Он еще раз пробежал лучом фонарика по странному алтарю, на всякий случай поглядел в углах – там тоже было пусто – и заметил еще одну дверь, сразу за алтарем. Поспешно вскочив на возвышение и пройдя по цветам, он распахнул дверь… и оказался на заднем дворе храма. Внизу в темноте лежала долина, откуда он поднимался сегодня днем на эту гору. Едва заметная тропинка вела обратно вниз.

Художник захлопнул дверь и пошел по тропинке, подсвечивая себе дорогу фонариком и посмеиваясь над собственной легковерностью. Тропинка незаметно превратилась в проселочную дорогу, деревья расступились, открыв молодой месяц… а он всё шел, не замечая ничего, кроме светлого пятна, прыгающего у него под ногами и иногда забегающего вперед, но недалеко – батарейки садились.

И только когда впереди показалась неоновая надпись «BAR» – только тогда по-настоящему ощутил он прилив разочарования. Тонкий серп луны вспыхнул последний раз, как полоска света из-за неплотно задернутой шторы, и исчез за тучей.

В баре он попросил виски.

– Чистый? – спросил бармен, не отрывая взгляда от телевизора.

– Можете разбавить водкой, – зло сказал художник.

Бармен оглядел его с легким интересом, вынул две бутылки и смешал их содержимое в стакане.

– Смотрели храм?

– Да.

– Многие разочаровываются, – кивнул бармен. – Тут один даже повесился в прошлом году. Немец, кажется. Или русский. А всё из-за этих, которые красивые сказки сочиняют. Сторожа свихнувшегося на горе видели? Во! Потом еще говорят, сумасшествие не заразно. А по-моему, очень даже заразно! Когда немец-то кончился, кое-кто из наших не выдержал. Собрались, пошумели и чуть было не спровадили этого психа-сказочника в дурдом… Но все-таки не вышло. Исправно, говорят, служит, да и кто еще образованный будет в такой глуши стеречь ваши развалины? Потом знающий человек рассказал: заступился кто-то за этого старикашку. Кто-то с бо-ольшим кошельком… Небось, тоже какой-нибудь любитель старинных легенд. А по мне, так всё одно – что бред больного, что легенды эти… Вы-то говорили с ним?

– Говорил. Но я не очень верю в такие байки. Так, покатался-посмотрел. Архитектура у вас интересная. Да и вообще, природа.

– Вот это правильно! Здоровый туризм – и нам хлеб. Сами-то откуда будете?

– Париж.

– О, ну тогда здешняя глушь вам быстро надоест. Вот Богота другое дело: там и казино, и девочки первый класс.

– Да, пожалуй. Налейте-ка мне еще. И кстати, как отсюда быстрее пройти к станции?

– А просто вниз по дороге, никуда не сворачивайте.

– Замечательно, спасибо. Нет, сдачи не надо.

Художник опрокинул в рот еще один стакан и вышел.

* * *

В это время сторож и девочка спускались с другой стороны горы. Они шли к реке. Девочка шла впереди, держа старика за руку, а он покорно следовал за ней.

– Ты рассказал ему легенду? – спросила она.

– Он знал ее, только не до конца. Впрочем, что толку. Он еще слишком молод – ни слушать, ни смотреть не умеет.

– Но ты тоже не видишь меня.

– Я видел тебя. Это было давно и совсем в другой стране. Помнишь, я тебе рассказывал.

– Расскажи, пожалуйста, еще раз. Я очень люблю эту историю. К тому же ты каждый раз рассказываешь по-разному.

– Хорошо, – согласился старик. – Только ты смотри внимательно под ноги, а то мы оба свалимся и разобьем себе носы.

Он замолчал на некоторое время, а потом начал свою историю:

– Я был известным художником и жил в городе Лионе…

– Известные художники живут в Париже, – возразила девочка.

– Эй, кто рассказывает, я или ты? – Сторож легонько хлопнул ее по плечу. – То-то же, не перебивай.

Сначала я действительно жил в Париже и именно там «сколотил» себе славу. Хотя, если говорить об известности – ее в основном создавали мои шумные попойки и хулиганские выходки, а не картины. Однажды, к примеру, я попал на вечеринку, где присутствовал сам Дали. Его жена Гала шокировала окружающих новым белым платьем, которое на первый взгляд выглядело очень консервативным, а на второй – совершенно неприличным. Я нагло ухаживал за ней весь вечер и под конец усадил ее в кресло, куда перед этим незаметно пролил немного кетчупа. Когда окружающие захохотали, старый мистификатор быстро выкрутился, приписав создание этой «новой палитры» самому себе. Он тут же усадил жену на лист бумаги и объявил полученный оттиск «шедевром менструально-критического метода». Но он был зол, чувство собственного величия изменило ему на мгновенье, и он ляпнул какую-то гадость про «соавтора» – фраза тут же была подхвачена владельцем салона, где выставлялись мои работы, и появилась на следующий день в газетах.

Но я и вправду любил рисовать, и рисовал неплохо. Когда известность позволила мне стать достаточно независимым, я решил, что жить в Париже вовсе не интересно, особенно если ты уже не заботишься об оценках в среде болтливой богемы. Мне же самому было всё равно, где жить. Единственное, чего мне хотелось, – чтобы в городе, где я живу, ходило метро, так же, как в Париже. И я переехал в Лион. Мой имидж это даже улучшило: для критиков я превратился в эдакого гения-затворника, который возвысился над мирской суетой и теперь творит свои шедевры в гордом отрыве от общества.

Такая жизнь меня вполне устраивала. Я подолгу гулял один, наблюдая людей в разных ситуациях – в метро, в парках, на рынках, иногда даже в темных кинозалах во время просмотра каких-нибудь экзотических фильмов, – и, возвращаясь в студию, много работал. В Лионе я нарисовал лучшие свои вещи: японку,

которая держит во рту сломанный гребень для волос; мальчика-официанта, смахивающего отражение неба с залитых дождем столов; и еще несколько картин, среди которых наиболее известны «Безносый поцелуй» и «Музыка точильщиков».

Продолжал я и кое-какие выходки, разве что теперь они стали тоньше. Так было с «Кошкиной Стеной». Однажды мы с друзьями возвращались с пастелей. В метро в ожидании поезда я рассматривал серые стены, лишь кое-где расцвеченные рекламой и сомнительными надписями. А потом вынул синий мелок и быстро нарисовал кошку с длинной шеей и большими глазами. Мои приятели, не говоря ни слова, добавили рядом своих пастельных кошек: толстую желтую и облезлую черную.

Дальше всё пошло само собой – не проходило и дня, чтобы на стене не появилось новой кошки. Каждый художник, а то и просто вольнолюбивый житель Лиона, ожидавший поезда на этой станции, считал своим долгом подрисовать свою кошку. «Кошкина Стена» стала не менее популярной, чем какая-нибудь выставка или музей; некоторые, услышав о ней, специально приезжали издалека, чтобы поучаствовать в затее. Рисовали уже не только на стене, но и на полу, на перилах эскалатора, на поездах…

Чтобы прекратить эти беспорядки, к Стене был приставлен специальный полицейский. Но и это не остановило любителей граффити: человек, проходя мимо, на секунду задерживался, прислонял к Стене заранее заготовленный трафарет, на Стене отпечатывалось нечто хвостатое и ушастое, а изобретательный автор тут же снова скрывался в толпе. Потом стали подбрасывать живых кошек: пугаясь толпы и поездов, те громко орали и разбегались в разные стороны…

Через полгода после «рождения» Стены я прочел в газете историю, которая звучала совсем уж невероятно. Полицейский, дежуривший под Стеной, вдруг заметил, что прямо у него над головой осыпается штукатурка и является кошачья голова – будто кто-то высекает ее на Стене невидимым зубилом. Шокированному сержанту понадобилось еще с полминуты, чтобы оправиться от страха и понять, что происходит; дуло пистолета с навинченным глушителем торчало из окна поезда, отъехавшего от дальней платформы…

– Слушай, я, кажется, о чем-то другом рассказывал, – прервал себя старик.

– Нет-нет, всё правильно, продолжай! – успокоила слушательница. – Ты рассказывал, как ты жил в Париже, потом в Лионе…

– Да, верно… Ну вот, так я и жил, рисовал и шутил в свое

удовольствие. Но однажды со мной случилось неприятное – я попал под автобус.

Со мной вообще частенько происходили разные штуки по причине того, что я любил отключаться от реального мира, задумавшись. В таком состоянии я мог выйти не на той станции метро или абсолютно позабыть о важной встрече. Один раз, очнувшись после очередного приступа «лунатизма», я обнаружил, что все люди вокруг меня – негры! На улице, в магазинах – нигде не было видно ни одного белого лица, и вдобавок шел густой снег… К счастью, это была не Африка, а значительно ближе, и я кое-как добрался до дому в тот же день.

Как правило, все подобные истории кончались хорошо, но вот с автобусом вышла промашка. Я переходил улицу, совершенно не глядя ни по сторонам, ни на светофор. И наверное, перешел бы безо всяких проблем, если бы не чей-то окрик, вернувший меня к действительности прямо на середине дороги. Я обернулся, замешкался – и аккуратный белый автобус с синей полосой откинул меня далеко вперед.

Поначалу казалось, что я отделался лишь ушибом локтя и легким сотрясением мозга; однако врач настоял на том, чтобы я пришел через неделю для повторного осмотра. Я чувствовал себя прекрасно, но результаты осмотра насторожили врача: он сообщил мне, что мое зрение село – немного, совсем чуть-чуть, так что я сам этого даже не заметил бы, если бы не хитрые манипуляции с таблицами, висевшими у врача на двери. «Возможно, вы просто устали сегодня, – сказал он мне. – Зайдите еще разок через недельку, на всякий случай…»

К концу недели я и сам почувствовал, что зрение мое портится. Я всё еще видел хорошо, но было кое-что, безошибочно указывающее на ухудшение. Я перестал видеть некоторые звезды – не те, яркие, которые видят почти все, а самые слабые, которые я прекрасно различал еще недавно. Я пришел к доктору за день до назначенного срока, и опасения мои подтвердились: зрение мое слабело, и достаточно быстро. Врач сказал, что современная медицина тут бессильна – очевидно, во время аварии были задеты какие-то особые участки мозга, и так далее, и так далее… Короче говоря, примерно через месяц мне предстояло стать совершенно СЛЕПЫМ.

Конечно, я сразу же отправился в любимый бар, с надеждой упиться до беспамятства; однако дикая и моментально трезвящая мысль о том, что я, художник, ослепну, не оставляла меня ни на миг. Ни бессонница, ни алкоголь не могли примирить меня с тем, что мне предстоит.

Я побывал у двух других врачей, но все твердили одно – еще

пара-тройка недель, и всё. Рисовать я больше не мог: каждый раз, подойдя к мольберту, я видел, как тонкий рисунок расплывается у меня перед глазами, и руки мои начинали трястись.

Раньше я почти не встречал на улицах слепых, но за последнюю неделю мне попалось на глаза сразу несколько. Сначала – нищая девушка с собакой: они сидели на асфальте у входа в супермаркет. Потом еще двое, пожилые: один вел другого под руку – в свободной руке он держал белую трость, которой постукивал о край тротуара. Тот, которого вели, прижимал свою трость к груди обеими руками. У всех этих слепых были какие-то неживые, лишенные мимики лица; а лицо того, которого вели под руку, и вовсе ужаснуло меня – на нем застыло подобие довольной улыбки, как если бы улыбался экспонат из музея восковых фигур.

Знакомый скульптор пригласил меня на открытие своей выставки. Было много народу, шампанское, я даже слегка отвлекся от своих проблем… и тут взгляд мой упал на человека, который делал что-то странное. Он как будто обнял одну из новых скульптур моего друга и стоял так, медленно ощупывая ее руками… слепой!

Я порвал отношения со всеми, даже с самыми близкими друзьями. Моя лучшая натурщица Соня – мы жили вместе уже четыре года, она сносила многое – в один прекрасный день не выдержала моей грубости, в слезах запаковала чемодан и уехала в Париж. Я никому не говорил о своей беде, поэтому все сочли мое поведение очередной причудой зазнавшейся знаменитости. «Надеюсь, в этот раз ты выпьешь достаточно для того, чтобы утонуть в Роне без красивых жестов!» – крикнула моя подруга перед тем, как уйти.

Возможно, именно эта фраза и удержала меня от утопления прямо в тот же день. Какими-то пошлыми стали казаться все самоубийства на пустом месте, столь популярные в нашей артистической среде. Вся эта «борьба с невидимыми демонами», вся болтовня о «высших планах сознания», об «апокалиптических знаках в семиотике городской архитектуры»… В отличие от этих изнеженных эстетов, я теперь точно знал, каков он – Ад для Художника.

Оставшись совсем один, я целыми днями бродил по городу в пелене мокрого снега, в доску пьяный и абсолютно трезвый одновременно… А когда замерзал, спускался в метро и сидел там на скамейке, разглядывая прохожих, или ездил от станции к станции.

Как-то раз, проходя по незнакомой улице и думая, куда бы зайти погреться, я увидел вывеску «Оранжерея». Внутри было жарко и сыро; со всех сторон цвели причудливые тропические

орхидеи. На фоне заснеженного стекла особенно смотрелись белые, с ярко-красными язычками в центре. От них шел тонкий, волнующий аромат, возникали мысли о киви и манго, о море и женщине…

Я снял плащ и сел на скамью. В конце концов, неплохая идея – наглядеться на красоту впрок – перед тем, как я ослепну. Я вдруг понял, что все эти дни, бродя по городу, я старался увидеть как можно больше движущихся, сменяющих друг друга объектов. Как будто пытался отвлечь себя от мрачных мыслей этим калейдоскопом, напоминающим мне, что я всё еще зрячий.

А в оранжерее было тихо и спокойно. Это была удивительная пауза в хаотическом вращении моего мира последних дней. Но вскоре я заметил движение: по одной из дорожек, вьющихся среди зелени, бродила девочка в очках, с большим альбомом. Она останавливалась около каждого цветка, зарисовывала его в альбом, затем приседала перед табличкой и аккуратно переписывала название. Она вовсе не была красивой, но она двигалась, и я невольно засмотрелся на нее, позабыв и о цветах, и о своей беде…

Ее нужно нарисовать, понял я.

В кармане плаща нашелся блокнот и обломок угольного карандаша: оказалось, я до сих пор ношу их с собой, по привычке. Я вынул бумагу и уголь – моя модель как раз присела перед бело-красной орхидеей, которая понравилась мне больше всего. Я набросал профиль девочки, глаза, волосы и воротник, и только собирался нарисовать очки… как вдруг девочка, записавшая название цветка, резко вскочила, очки слетели с ее носа и с треском разбились о камень дорожки. Теперь она выглядела точно так, как на моем рисунке – без очков.

Потом носик ее сморщился, и я затаил дыхание: сейчас заплачет. Но плакать она и не думала. Наоборот, усмехнулась и сказала то ли орхидее, то ли камню, то ли самой себе:

– Вот и хорошо! Теперь мне не придется переписывать эти дурацкие названия. Скажу, что у меня разбились очки! Это ведь честно, правда? – спросила она у очков, валявшихся на дорожке. – Так что можно просто погулять и посмотреть на цветы. Их-то я вижу и без очков, и без названий!

Этот монолог так изумил меня, что я рассмеялся. Она сощурилась в мою сторону и строго спросила:

– А вы что тут делаете?

– Я?.. я вот… тебя рисую, – ответил я и показал ей блокнот.

– Это очень правильно, что вы нарисовали меня без очков, – заметила она, подойдя поближе и разглядывая мой набросок. – Они, знаете ли, разбились.

– Держи, – сказал я и протянул ей листок.

Она еще раз взглянула на портрет и продолжила:

– С другой стороны, меня никто не узнает на этом портрете. Я ведь всё время в очках хожу. Так что совсем непонятно, зачем он мне…

Я рассмеялся снова, подумав: вот всемирно известный художник дарит человеку портрет, а человек спокойненько отказывается его взять!

– Впрочем, так и быть, давайте. Отдам его маме. Она-то узнает меня в любом виде.

Девочка взяла рисунок, поблагодарила меня и снова пропала в орхидеях.

Вот и вся история. Это был последний рисунок в моей жизни. Я слышал, что его впоследствии продали на аукционе за полмиллиона долларов, и сейчас он висит в одном из музеев США, в городе Бостоне. А я, как и предсказывали врачи, через три недели полностью потерял зрение. Когда это случилось, я выяснил, где растут те самые орхидеи с огненным язычком в центре и белоснежными лепестками вокруг него. И переехал сюда, на их родину.

Так что, – закончил свой рассказ смотритель храма, – я и вправду уже видел тебя, и могу видеть теперь в любое время. Хочешь, нарисую твой портрет хоть сейчас?

Он остановился, комично наморщил лоб и широко развел руки, держа в одной воображаемую палитру, а в другой – воображаемую кисть.

– Пойдем, пойдем! – засмеялась его маленькая спутница. – Зачем нам этот портрет? Если ты можешь видеть меня в любое время, он тебе не нужен. А мне – тем более: я всегда могу поглядеться на себя в речке.

– Это верно, – согласился старик и снова взял девочку за руку.

Они вышли из леса, остановились на высоком берегу и стали смотреть на реку – в тишине, которую нарушил лишь далекий свисток поезда, отходящего от станции.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ

Человека, с которым связана эта история, я не видел уже несколько лет, и все мои попытки разыскать его ни к чему не привели. Возможно, это исчезновение связано с его непростой работой. Или он просто сменил работу и переехал, не успев поставить меня в известность; в конце концов, мы не были такими уж близкими друзьями. Был период, когда я, в ту пору еще начинающий журналист, ездил в Ленинград чуть ли не каждый месяц – специально придумывая себе репортажи в этом городе, чтобы лишний разок там погулять – и во время этих прогулок почти всегда заходил к нему. Но потом навалились дела, и когда суетливая Москва спустя год отпустила меня опять в Питер, его телефон уже отвечал чужим голосом, ничего не знающим о прежнем жильце. Как бы то ни было, я решил, что теперь могу рассказать эту историю без особого вреда для него или кого-либо еще.

Знакомого моего звали Виктор. Он был старше меня лет на десять и вид имел такой, что вряд ли кто-то смог бы угадать его профессию исключительно по внешности. Скорее, наоборот, многим вспомнилось бы выражение «лицо кавказской национальности» со всеми негативными ассоциациями. Черные вьющиеся волосы, орлиный нос и карие глаза с темным, пронизывающим взглядом – много ли надо для включения старинных суеверий белого человека?

Кроме того, одевался Виктор несколько небрежно – как мне показалось при первой встрече. Позже я пришел к выводу, что это впечатление «вокзальности» было связано вовсе не с одеждой, а с его манерой двигаться, моментально переходить от расслабленной позы к активной жестикуляции. В одежде же, наоборот, обнаружился определенный вкус: я, например, заметил, что с синим костюмом он носит золоченый «паркер», а со светло-серым – капиллярную ручку из полупрозрачного оргстекла, и никогда не путает этих сочетаний.

Если добавить, что познакомились мы с ним на выставке современной каллиграфии в Эрмитаже, наверное станет понятно, как я удивился, когда узнал, что он работает криминалистом.

Впрочем, мы редко говорили о его или о моей работе, поскольку наши интересы пересекались в области хобби. Мы оба увлекались фотографией, и фотографией необычной. Нас привлекали снимки, в которых на первый взгляд не было ничего особенного. Как правило, там даже не было людей. Но то, что было запечатлено на этих фотографиях – старый дом, пара

искривленных деревьев или дорожный знак в сочетании с памятником позади него – всё это вызывало определенные ассоциации, содержало дополнительный смысл или просто казалось странным, если разглядывать снимок подольше. Сделав такую фотографию, всегда бывает интересно узнать, как другие люди видят пойманный тобой образ, где редкое сочетание предметов и освещения заставляет выглядеть по-особому совершенно обыденные вещи.

Направляясь в очередной раз к Виктору, я обдумывал новые аргументы для спора, который шел у нас уже давно и касался природы нашего странного фотохобби. По правде говоря, мы не были большими знатоками школ, жанров и терминов искусствоведения, и наши дилетантские дискуссии обычно строились на простых сравнениях. Например, моя позиция выражалась такой моделью. Возьмем фотографию розы, говорил я. Разрежем ее на мелкие кусочки. Пока кусочки не перемешаны, или перемешаны лишь чуть-чуть, роза всё еще различима. Возможно, в таком виде она выглядит даже более впечатляюще, чем на неразрезанной фотке. Но вот мы перемешиваем фрагменты дальше… Я утверждал, что всегда есть какая-то грань, порог, за которым ассоциации перестают работать, оставляя нам лишь кучу разноцветных обрезков бумаги.

Виктор обычно ничего не утверждал, но легко разносил в пух и прах все мои модели. Во-первых, говорил он, художник не разрезает розу, она уже дана нам разрезанной. А тот, кто ее фотографирует или рисует – он, напротив, собирает обрывки, старается сделать так, чтобы цветок увидели другие. Увидят они или нет – роза всё равно останется. Так же, как передача «Очевидное – невероятное», которая идет сейчас по телеку независимо от того, включен ли наш приемник. «К тому же, – добавлял с улыбкой Виктор, – ты-то ведь помнишь, что было на фотке, пока ты ее не разрезал – значит, тебя можно подвесить за ноги и всё узнать».

Наши споры всегда заканчивались подобными шуточными компромиссами. Тем более что при появлении у нас новой интересной фотографии мы не вдавались в детальные разборы, а выражались невразумительными фразами типа: «в ней что-то есть», «эта как-то нервознее предыдущей», и так далее. В конце концов, нас интересовали фотографии, а не интеллектуальные головоломки.

На этот раз Виктор собрал необычный урожай – коллекцию причудливых пятен, разводов, наложенных друг на друга изображений и других «браков», неизбежно возникающих в работе любого фотографа. Наиболее эффектно смотрелась черно-красная

клякса, которую Виктор и сам выделил среди других – повесил над своим рабочим столом. Это было то самое «что-то есть», с которым я сразу же согласился, но ничего не смог добавить. Однако мне тут же пришла в голову интересная идея для продолжения нашего спора:

– В прошлый раз ты сказал: я помню, что было на фотке до разрезания. Мне сейчас представилось, что роза действительно может где-то оставаться – но уже не на фотографии! Как в той сказке о голом короле: платье было не из материи, а из рассказов ткачей. Но заметь – самого платья все-таки не было!

Виктор произнес «хм-м…», закурил и откинулся в кресле, глядя в потолок с отрешенным видом. Я знал, что сейчас он выпустит дым, резко выпрямится и с усмешкой выдаст мне контраргументы. Он всегда делал так, не задумываясь надолго, и потому наши беседы больше походили на веселый пинг-понг, чем на занудную шахматную партию, – и мне это нравилось.

Но случилось другое. В лабораторию заглянул какой-то низенький человечек с печальным лицом, Виктор поднялся и вышел в коридор. Через минуту он вернулся и, поморщившись сказал, что нужно съездить «по делам». Не подожду ли я минут сорок? Я согласился, тем более что виделись мы редко, а в моем рюкзаке лежала «Игра в классики», и скоротать сорок минут не представляло труда.

Виктор собрал «кейс», показал мне полку шкафа, полную журналов, и уже почти вышел, но потом вернулся и вынул из сейфа толстый конверт.

– Посмотри, если хочешь. Это как раз по твоему «королевскому» вопросу.

Когда дверь за ним закрылась, я отправился копаться в журналах, но ничего стоящего не нашел. Потом мельком взглянул на другие полки… Честно говоря, я немного приврал, когда говорил, что не интересуюсь профессиональными делами Виктора. Такой работой трудно не интересоваться совсем. Я просто не хотел открыто показывать свое любопытство, опасаясь, что Виктор перестанет со мной общаться. Но каждый раз, когда я входил в его лабораторию, мною овладевало особое детективное настроение – все-таки это не романы и не кино, это настоящая лаборатория криминалистики!

Ничего «такого» при мне до сих пор не происходило, но время от времени на глаза попадались предметы, которые разжигали живущий во всех нас дух доктора Ватсона. Так однажды попалась мне «магнитная ручка», на которую можно было набирать смесь железных опилок и графита, а потом снимать отпечатки пальцев. В тот день Виктор оставил на

подоконнике лаборатории свой распахнутый «кейс», куда я недолго думая сунул нос, вытащил «волшебную ручку» – и конечно, тут же рассыпал эти чертовы опилки себе на джинсы.

Но сегодня ничего интересного не лежало на виду. Я вернулся за стол и вытряс всё содержимое из конверта. Там оказалось несколько писем, отпечатанных на чем-то вроде старого матричного «Эпсона» и начинавшихся словами «Здравствуйте, незнакомка!». Сам же конверт был надписан черными чернилами, и притом – ага! – почерк был явно женский. Продолжая расследование по всем правилам детективов, я понюхал конверт. Он пах испорченным проявителем.

На этом детективные порывы моей души резко иссякли, и я стал читать письма.

* * *

«Здравствуйте, незнакомка!

Я был очень рад получить ваше письмо и очень огорчился, когда ознакомился с его содержанием. По большому счету, это и содержанием не назовешь – просто ненадписанная открытка. Я согласен, что человек, который для поиска своей «половинки» обращается в брачное агентство – это, наверное, не совсем нормальный человек. Но вовсе не обязательно так издеваться над ним, как это сделали вы.

На вашей открытке изображен художник, который рисует парусник. В то же время самого парусника не видно – перед художником пустая морская гладь. Конечно, мне понятен этот намек. Вы хотите сказать, что я ищу чего-то несбыточного, выдумываю себе иллюзии вместо того, чтобы окунуться в реальную жизнь. И то, что я в своем объявлении указал «изобразительное искусство» как хобби, вы тоже учли в своем издевательском послании.

Очень жаль. Мне действительно хотелось бы найти женщину, с которой было бы и уютно, и интересно. Может, все-таки познакомимся по-человечески? Можно ведь и просто так встретиться, поболтать… Я живу недалеко от большого парка, сейчас в нем очень здорово гулять – деревья наполовину осыпались, вся земля в красно-желтых листьях. Когда я был маленьким, я гулял здесь с бабушкой, и она рассказывала, что кленовые листья – это отпечатки лап невидимых зверей. «Но

почему они красные?» – спрашивал я. «Потому что они разбили лапы, – говорила бабушка. – Они хотели, чтобы люди пустили их перезимовать, бились в окна, в двери… Но люди их не видели и не пускали». Я всегда вспоминаю эту маленькую сказку осенью, когда гуляю в нашем старом парке.

Наверное, я мог бы здесь написать: «не знаю, зачем я всё это пишу…» Да нет, знаю. Просто хочется показать вам, что человек, дающий объявление в службу знакомств, вовсе не обязательно маньяк или закомплексованный урод.

Всего хорошего.

С.»

«Здравствуйте, незнакомка!

Вот решил вам снова написать, хоть вы и не отвечаете. У нас сегодня всё завалило снегом, он так и продолжает идти. Час назад, когда я сидел у окна и курил, я вдруг услышал, что кто-то вошел в подъезд и остановился на нашей площадке. Я почему-то подумал, что это почтальон с письмом от вас. Я ведь живу на первом этаже, и почтовые ящики как раз рядом с моей дверью.

Но когда я выглянул, оказалось, что это уборщица, которая пришла чистить мусоропровод. Тогда я и решил снова написать вам.

Наверное, мое прошлое письмо было слишком грубым, но я понял это только сегодня утром, когда снова разглядывал вашу открытку. Она оказалась гораздо интересней, чем мне показалось вначале. Настоящего парусника действительно не видно – но возможно, он находится как раз за мольбертом, за нарисованным парусником! Линия горизонта над морем как раз совпадает с линией горизонта на мольберте, если смотреть именно с этой точки. Значит, и парусник должен находиться именно в том месте открытки, где стоит мольберт. Просто мольберт его заслоняет!

Извините, если мое прошлое письмо задело вас. Мне часто говорили, что я стараюсь навязать людям свое мироощущение, свой язык вместо того, чтобы прислушаться к чужим мыслям. Возможно, ваша открытка как раз и была сообщением на вашем языке. А я так грубо его отверг… Еще раз прошу извинить меня. Буду очень рад, если вы пришлете мне ответ.

С.»

«Здравствуйте, незнакомка!

Спасибо за письмо. Хотя, если честно, новый рисунок произвел на меня неприятное впечатление. Нет, сначала мне даже понравился этот маленький пейзаж, и я повесил его над кроватью. Но в нем было что-то такое, что постоянно цепляло мой взгляд. Какая-то неправильность. Вечером, в сумерках, я понял, что вижу на рисунке лицо. Оно как-то незаметно сложилось из этих двух домиков, волн и деревьев на берегу. Особенно странно выглядели глаза – что-то в них было нехорошее, нечеловеческое. И чем дольше я разглядывал картинку, тем хуже мне становилось.

Я вышел прогуляться, но это не помогло. Сейчас у нас в Петергофе пустынно, сыро и промозгло. Конечно, я немного отвлекся во время прогулки. Но когда возвращался, увидел у нашего подъезда тающего снеговика – полголовы снесено вместе с левым глазом, а правый ввалился, и от него текут по лицу грязные разводы… Это сразу вернуло мне то неприятное ощущение, которое я испытал, глядя на ваш рисунок. А когда я пришел домой, то нашел в вашем пейзаже еще два гадко ухмыляющихся лица.

Я убрал рисунок в шкаф и решил больше на него не смотреть. Пожалуйста, не надо присылать мне таких вещей. Может быть, вам нравится такое дисгармоничное искусство, а мне – нет. Я и так уже смирился с тем, что вы мне шлете рисунки, а не нормальные письма. Но есть ведь какие-то пределы. Давайте все-таки дружить, а не пугать друг друга. В мире и так много неприятных вещей.

С.»

«Здравствуйте, незнакомка!

От вас давно нет ответа, и я уже понял, что снова написал вам ерунду. Сегодня у нас здесь всё по Пушкину – «мороз и солнце». В парке и правда чудесно, да и весь Петергоф такой уютный, заваленный снегом, словно шкурами белых медведей. На льду Ольгина пруда резвятся ребятишки, а у рынка на снегу – мандариновые корки, еловые иголки, Новый Год послезавтра!

Утром (как хорошо, что сегодня мне не надо в город!) я проснулся без будильника, поставил «Отель Калифорния», а потом полез в шкаф за елочными

игрушками. И наткнулся на ваш рисунок, о котором совсем забыл в предновогодней беготне. Я даже не успел подумать о неприятных лицах, потому что сразу увидел там совсем другое – третий домик! Его не было на рисунке на самом деле, там нарисованы по-настоящему только те два домика, что я видел сначала. Но третий как-то образовался теперь из веток и горы (или это облако такое угловатое?). Не знаю, как это у вас получается, но домик действительно ясно виден мне теперь, и даже что-то вроде мостика через ручей рядом…

Немного поразмыслив, я решил, что никаких чудес тут нет. Просто в разном настроении мы видим разное. Или не видим каждый раз что-то такое, что увидели бы в другой раз. Поэтому простите меня еще раз, пожалуйста. Я опять неверно истолковал ваше послание! И как я теперь понимаю, виноват в этом только я сам, со своими дурацкими настроениями, которые мешают правильно видеть то, что вы мне присылаете.

Знаете, я сейчас вспомнил очень похожий случай. Это было два года назад. Я тогда встречался с одной девушкой и как-то спросил ее, смотрела ли она фильм «Мужчина и Женщина». Она сказала, что смотрела и что ей больше всего понравилась там собака. Я удивился и стал спорить, говоря, что не было там никакой собаки. Гонщик был, и женщина, у которой муж-каскадер погиб, и дети их, и автомобиль, который рекламировали… но какая собака? А вот сейчас я припоминаю – да, была! Там был человек с собакой, который появлялся время от времени, совсем ненадолго…

И еще я решил послать вам стихотворение. Оно написано давно, и, конечно, в нем слишком много юношеского нытья, которого я не допустил бы в своем нынешнем возрасте и в сегодняшнем предновогоднем настроении. К тому же я осознаю, что нет ничего глупее, чем читать стихи художнице. Но в них есть что-то созвучное с тем исчезающим домиком на вашем пейзаже:

Мне снились стихи, написанные синим мелом
на чем-то белом,

и лес, и огромный мост, а глядя с моста —
такие места…

Но некто меня разбудил, тряхнув за плечо.

«Ну что вам еще?» —

сказал я злобно ему, и стенам, и потолку,
впадая в тоску,

как свойственно всем, позабывшим о чем-то прошлом,
чем-то хорошем,
как свойственно всем, нарисованным синим мелом
на чем-то белом.

Пишите, буду ждать.
Ваш С.»

«Здравствуйте, незнакомка!

Спасибо, что откликнулись, да еще так весело! Я не мог не улыбнуться, глядя на это чудное существо вроде маленького глазастого бегемотика, сидящего на туче. И каждый раз, когда я гляжу на него снова, я снова улыбаюсь. А главное, он нарисован синим пастельным мелком на белом листке, совсем как в моем стихотворении! Значит, не только грустные существа живут в том нарисованном мире!

Все-таки вы удивительно хорошо умеете удивлять, незнакомка! Каждый новый рисунок – нечто совершенно неожиданное для меня. Словно я действительно учу иностранный язык, и только мне покажется, что я что-то понимаю, как тут же новое слово!

И знаете, со мной что-то происходит из-за этого обучения. Я начинаю замечать, как много всего мы (и в первую очередь я сам) видим и истолковываем неправильно! В прошлые выходные бродил по Питеру, зашел в Эрмитаж и с удивлением заметил, сколько нового я вижу в картинах, которые казались такими привычными! У статуи танцующего Шивы девица-экскурсовод рассказывала о значении предметов в каждой из шести рук индийского бога. Не знаю почему, но мне это показалось ужасной чушью. «Но у него же не шесть рук, а только две, разве вы не видите?! – не выдержал я. – Две руки! Просто он ими двигает!»

Все приняли это за шутку и пошли дальше, только один пожилой (и явно нетрезвый) дядька задержался, подмигнул мне и сказал: «Кино из глины, точно?»

Мне теперь частенько попадаются такие удивительные находки – даже не в музеях, а просто так, на улице или дома. Но их простота и есть самое удивительное! Это ведь не какие-то там «глюки» наркоманов, а совершенно обычные вещи… Но стоит задержаться на них взглядом, и тут же чувствуешь, что есть в них особый, скрытый смысл. Вчера в парке я видел такую сценку: молодая мама учила свою маленькую дочку делать мыльные пузыри. Было в этом что-то очень милое и в то же время необъяснимо-грустное. Или такая история: я шел мимо высотного дома, остановился на углу, чтобы перейти улицу, и вдруг заметил, что вокруг меня на тротуаре валяются разбитые вдребезги шахматные фигурки, причем только черные. Видимо, их бросали с балкона.

Конечно, таких примечательных «картинок» не стало больше в моей жизни, просто раньше я их не замечал. А теперь вижу, и это здорово!

Жду новых писем-рисунков,

Ваш С.

P. S. Кстати, мне на днях пришло еще одно письмо в ответ на мое брачное объявление. С фотографиями в бикини, «ищу мужественного и обеспеченного», «готова стать верной»… Смешно! Ведь именно такого «нормального» письма я требовал от вас несколько месяцев назад. А теперь и сам понимаю, как это скучно. Выкинул «верную в бикини» в мусоропровод.»

«Здравствуйте, незнакомка!

Помните, я писал вам в прошлом письме, что вижу теперь какой-то скрытый смысл в разных простых явлениях? Теперь мне кажется, что называть это «смыслом», пытаться интерпретировать виденное как символ – вообще неправильно. Может быть, и нет в них никакого смысла в нашем «логическом» понимании. Но есть что-то другое… может быть, ощущение, причем ранее не известное?

Об этом я задумался, когда получил ваш новый рисунок. Если бы не прошлая наша переписка, я бы вообще, наверное, не назвал бы это рисунком. Но теперь я вижу, как это здорово! Сделано это, как я догадываюсь, тушью. Конечно, можно было бы насочинять целую кучу интерпретаций для этих нечетких мазков – след длиннопалой лапы или бабочка, вылетающая из

разбитой хрустальной вазы… Но это ведь ерунда, главное – именно чувство, которое принесла мне эта картинка. Не знаю, как описать… да и надо ли? Это чем-то похоже на легкое головокружение, когда качаешься на качелях или смотришь в звездное небо. Притом ощущение кажется цветным, хотя ваш рисунок – черно-белый.

Но самое интересное – примечательных моментов, о которых я вам писал, стало в моей жизни значительно больше. Они теперь идут сплошным потоком! Вот только что, когда я возвращался домой, навстречу прошла девушка в плеере. Она шла с закрытыми глазами, медленно жуя резинку… Обалденно!

Некоторые из этих «картинок» неожиданно вызывают во мне воспоминания далекого детства. Другие просто очень впечатляют, хотя непонятно, почему. Особенно странно, что я начал находить любопытными образы, которые еще недавно счел бы просто противными – вроде вчерашнего одноногого флейтиста, игравшего «Полет кондора» в темном подземном переходе под Невским. Или вот: сегодня утром в автобусе напротив меня садится женщина с ужасными шрамами-язвами на лице – словно варенье разбрызгано вокруг рта и носа. Вдруг она складывает руки «лодочкой» и изящным, очень естественным движением прикрывает низ лица – зевает! – и тут же снова открывает страшные язвы.

Сейчас я лежу на диване, пишу это письмо и разглядываю узор на потолке – меня однажды залили соседи сверху, и на потолке появилась такая забавная медуза из отслоившейся штукатурки, пятен и трещинок. Она имеет ужасно любопытную форму, она просто очень красива (хотя раньше она меня раздражала, и больше всего в этой квартире я мечтал о хорошем ремонте).

И знаете, теперь мне кажется, что все эти маленькие «видения» действительно стали происходить со мной чаще. То есть они происходят именно со мной, а не с любым человеком, кто их заметил. Недавно любопытная вещь случилась, когда я гулял в парке. Хотя зима уже закончилась, фонтаны откроют только через месяц, и в парке пока никого нет, кроме ворон. Статуи упрятаны в деревянные ящики, похоже на пасеку, только Самсон стоит голый посередине. Я невольно улыбнулся, заметив человека в спецовке, который уселся в объятиях Самсона, словно маленький ребенок у отца, и ковырял каким-то

инструментом в огромной пасти льва. Но то, о чем я хочу рассказать, случилось позже, у каскада «Золотой Горы».

Там внизу есть два фонтана, они – мои любимые во всем парке. Возможно, потому, что в них нет никаких статуй. Просто два круглых бассейна, а в центре каждого – куча камней, из которой и бьет фонтан. Так вот, когда я проходил мимо, один из них заработал. Конечно, можно сказать, что это случайное совпадение. Какая-нибудь плановая профилактическая проверка фонтанов началась именно в этот момент… Со мной и раньше бывали такие случаи – идешь ночью по городу, и вдруг тот фонарь, что прямо над тобой, гаснет, а ты идешь себе дальше. Но в последнее время, как я уже писал, такие совпадения случаются со мной очень часто. И я как-то по-особому воспринял этот взлетевший в небо столб воды, почувствовал что-то такое… необходимость ответить.

Я снял ботинки и носки и пошел к фонтану. Вода была прохладной, но только вначале, а потом мне даже понравилось – она как будто оживляла. И подойдя ближе к центру, я увидел радугу – сначала кусочек, а чуть повернувшись, всю. Она была замкнутой, круглой, метра два в диаметре, начиналась и кончалась у моих ног. Рубашка и брюки уже намокли от водяной пыли, ничего не было видно сквозь эту белую завесу, но чем ближе я подходил к водяному столбу, тем ярче разгоралось передо мной радужное кольцо…

Грубый окрик вернул меня к действительности. Видя, что ко мне идет какой-то человек и грозит кулаком, я вылез из фонтана и ушел. Но все-таки…

Ого, сколько уже накатал! Не знаю, интересно ли вам читать такие длинные письма. Поэтому закругляюсь. Спасибо за очередную картинку, с нетерпением жду новых!

Ваш С.»

«Привет!

Знаешь, мне казалось, я уже привык, что в каждом твоем письме – «новый поворот». Но это последнее послание все-таки вывело меня из равновесия, хоть и ненадолго. Ей-богу, привычные человеческие реакции так трудно вытравить! Я уверен, что любой нормальный человек, получив в ответ связку своих собственных

писем, реагировал бы однозначно.

И я, надо признаться, не отличился оригинальностью. Решил, что ты совершенно разобиделась и отослала мне обратно весь мой бред вместо нового рисунка. Долго перечитывал эти письма, особенно последнее, стараясь понять, что же я сделал неправильно. В конце концов решил, что всё это – дурацкая игра двух скучающих психов. И хорошо, что она закончилась, пора уже! Тем более что мне пришло еще два письма от женщин в ответ на мое объявление. Письма, конечно, довольно нудные, но ведь это настоящая жизнь, я сам должен делать ее веселее.

В таких примерно раздумьях я ходил и злился целых два дня. А потом у меня заболел зуб. Я был в это время в городе, поэтому зашел в поликлинику около Некрасовского рынка, там раньше лечилась одна моя знакомая. Врач оказался и вправду неплохой, только всё время жевал мятную резинку, даже когда сверлил. И на яблоке правого глаза у него была какая-то нехорошая точка с отходящей от нее красной разветвляющейся жилкой.

Мне запломбировали сразу два зуба, я вышел из кабинета совершенно выжатым – и вдруг на лестничной площадке увидел бабочку. Бабочка из твоего последнего рисунка! Только тут она была ярче и крупнее. Она сидела на стеклянной двери, слегка шевеля крыльями… Через пару минут кто-то, проходя мимо, задел меня, и я понял, что стою и разглядываю обратную сторону таблички «Выход», наклеенной на стекло. То, что я принял за бабочку, было узором растекшегося и застывшего клея. Я тут же бросился домой, поскольку мне пришла в голову одна мысль… и оказалось, что я прав!

Как же я этого не заметил раньше! Среди моих писем, которые ты прислала обратно, оказался чистый листок бумаги. Вернее, письма были завернуты в него. Я вынул стеклянную дверцу из книжного шкафа, потом развел на палитре несколько акварельных красок и стал капать ими на стекло, не особенно думая о том, какой рисунок образуют капли, подчиняясь лишь внутренним импульсам своего настроения. Когда я почувствовал, что достаточно, я отложил палитру, прижал к стеклу листок и тут же перевернул его…

Ха! До этого момента я писал письмо, думая, что

пошлю его тебе вместе с этим чудным рисунком. Какой дурак! Я опять собирался похвастаться и чуть было не сделал очередную глупость. Ведь эта акварель, отпечатанная со стекла, – это и есть твое новое письмо мне!..»

Так заканчивалось последнее письмо. Похоже, его не дописали, зато в нескольких местах на бумаге виднелись бледные разноцветные пятна. Я бросил письмо на стол к остальным.

Было тихо. Ветер за окном мерно кружил сухие листья в маленьком дворике, и в другое время я, наверное, даже уснул бы, разглядывая этот сомнамбулический хоровод. Но ощущение, овладевшее мной сейчас – тревожное, хотя и любопытное, – находилось в странном контрасте с этим внешним спокойствием. Казалось, я сижу в мягком кресле самолета, который в это время беззвучно разгоняется и отрывается от земли. Или так: я сижу в уютной теплой комнате, где-то в детстве, в мягком свете настольной лампы – и вдруг замечаю, что по стене, оклеенной аккуратными розовыми обоями, бежит трещина, и в ней что-то непрерывно движется, мерцает… Только сейчас было наоборот – снаружи всё пребывало в неподвижности, но что-то летело, менялось внутри…

Я вынул чистый лист бумаги из большой пачки около компьютера и положил его перед собой. Белоснежный прямоугольник подействовал успокаивающе: видение с треснутой стеной исчезло. Я поставил на листе свою подпись. Потом расписался еще несколько раз, стараясь получить красивый автограф одним небрежным и быстрым движением, без отрыва ручки от бумаги. Потом перешел на чистую половинку листа и начал рисовать пересекающиеся ломаные, затем – более плавные петли и узелки.

При этом я продолжал думать о человеке из писем, о его принципе – изучать чужой язык, а не навязывать свой… Я пытался представить себе, как он выглядит, как живет один в Петергофе, где я был лишь пару раз проездом. Я пытался представить, как он получает одну за другой какие-то ненормальные открытки, и в конце концов то ли сходит с ума, то ли…

С бумаги на меня глядел уже с десяток узелков, и тогда я начал соединять их волнистыми линиями, стараясь, чтобы линии подольше шли одна вдоль другой, не пересекаясь. То ли, то ли… То ли что?

За этим занятием и застал меня Виктор, когда вернулся. «Ага, ты времени не теряешь!» – заметил он, взглянув на мой листок, который к тому моменту уже представлял собой картину

«Заядлый курильщик, запутавшийся в рыболовной сети». Мне тут же захотелось спрятать мои каракули, и я сложил листок пополам, каракулями внутрь.

– Что случилось с этим человеком? – спросил я.

– Ничего. То есть ничего криминального, о чем мы знали бы. Люди из домоуправления обратились в милицию – из его квартиры вода хлестала, залило подвал. На лето у них горячую отключали, а он, видимо, летом и уехал, кран оставил открытым. Пришлось взломать дверь. Ни документов, ничего прочего полезного не нашли. Только вот эти письма… Меня там вообще не было, если честно. Письма мне участковый прислал – думал, я по ним хозяина найду. Увы, не нашел. Как видишь, в письмах никаких дополнительных данных нет, а адрес отправительницы на конверте – почтовое отделение NN, до востребования.

– А где сами картинки?

– А картинок нет, – ответил Виктор таким легким и в то же время уверенным тоном, что мне не захотелось переспрашивать. Я взглянул на него, но он – случайно или нарочно? – как раз повернулся ко мне спиной, убирая письма обратно в сейф. И продолжил:

– …Что в общем и хорошо. Во-первых, это все-таки чужая личная переписка. А во-вторых, это заразно. Взгляни-ка теперь на мою фотокляксу.

Я последовал совету. Действительно, черно-красное пятно, висящее над столом, показалось мне теперь более странным, чем вначале. Какой-то отвратительный, неестественно скрюченный зверь… Или просто висит боком?

Я нагнул голову влево, но тут же услышал смешок Виктора и обернулся.

– Я же говорю, заразно.

Теперь он смотрел мне в глаза – опять этот острый, темный взгляд.

– Впрочем, – он сменил тон на более веселый, – если хочешь совсем как в сказке о королевском платье, у нас тут как раз есть… специалист.

Он выглянул в коридор и крикнул: «Михалыч!» В дальнем конце коридора кто-то отозвался басом. «Я домой собираюсь, могу вас подбросить. Едем?» – снова крикнул Виктор. Бас ответил утвердительно, и Виктор вернулся в лабораторию.

Через некоторое время дверь приоткрылась, и в нее просунулась голова маленькой девочки. На мгновение мне показалось, что со мной, как с тем человеком из писем, тоже стало происходить что-то странное. В самом деле, не может же девочка… Но всё тут же объяснилось: в коридоре загремели шаги,

и в дверях появился усатый обладатель баса. Сходство с девочкой выдавало в нем отца ребенка, а погоны – капитана милиции.

– Привет, принцесса! – сказал Виктор.

– Пливет! – ответила девочка, а потом уставилась на меня своими огромными глазищами.

– Избалуешь ты мне ребенка, Виктор! – проворчал капитан и тоже повернулся ко мне. – Прошлый раз он ей невидимый фломастер подарил. То есть это мы с женой так думали, что невидимый. Даже радовались – рисует себе дите и на обоях, и на полу, и никаких следов. А он, оказывается, только на один день невидимый, а потом проявляется. Утром проснулись – а вокруг, понимаешь, джунгли! Ну и хулиганы вы, ребята!

«Хулиганы» улыбнулись: девочка – молча, а Виктор, пряча улыбку, ответил:

– Ну извини, Михалыч! Я и сам не знал, думал – сломанный фломастер. Ладно, сегодня я ей ничего дарить не буду, разве что картинки покажу. Гляди, Сашка, какая штука у меня на стенке висит…

Девочка подошла к столу, забралась на стул и, встав на колени, стала разглядывать злополучную фотку-кляксу. После чего заявила:

– Синок!

– Щенок?! – переспросил я.

– Да, синок. Свилнулся и спит.

Виктор, стоявший у нее за спиной, взглянул на меня и только развел руками, как Шива. А усатый капитан захохотал.

ПАЛЕЦ ХРИСТОФОРА

Издали я принял его за баска. И даже обрадовался.

Да чего врать – я хотел, чтобы он был баском. Подлым грязным террористом, которого я возьму. Первым за три месяца этой бесполезной работы. Три месяца блужданий по нестерпимой жаре под видом счастливого идиота-туриста, который впервые увидел парк Гуэль. Если б этот тип оказался вандалом из БАСФ, появился бы хоть какой-то смысл, чувство причастности к настоящей работе, которую теперь делали за меня другие.

Раньше не понимал стариков, которые бесятся, когда начальство намекает им, что пора на покой. Это ведь только в кино люди нашей профессии – супермены. А по жизни никаких долгих и красивых перестрелок не бывает. Либо стукач дает верную наводку и ты успеваешь выстрелить первым, либо наоборот – сам получаешь очередь из-за угла. Казалось бы, радоваться надо, когда отпускают на пенсию. А старики бесятся. Чего уж говорить обо мне, инвалиде в тридцать пять! Семь грамм свинца в коленку – и друзья уже смотрят на тебя с эдаким противным сочувствием. А начальство с не менее фальшивой важностью предлагает «другую, еще более ответственную работу».

Одна радость, что работу не специально для меня придумали, как делают иногда для особо заслуженных стариков. Пара-тройка взрывов в год – для Мадрида это уже норма. Но в прошлом году появилась «Баскская Армия Свободного Фронта» с более творческим подходом. Им подавай не кафе и парадные подъезды, как любят боевики из ЭТА, а памятники культуры. А тут аудитория гораздо шире – толпы иностранных туристов. И география – от музея Дали в Фигерасе до могилы Колумба в Севилье.

Про Барселону и говорить нечего: шесть актов вандализма только за полгода. К счастью, без жмуриков. Зато эффект долгоиграющий, все последствия на виду – настоящая визитная карточка БАСФа. Больше всего досталось «Святому Семейству»: зашвырнули в лик Христа на южном фасаде емкость с какой-то гадостью, разъедающей даже гранит, не то что известку с песчаником. А фигуру девицы на площади Каталонии облили зеленой радиоактивной краской. Потом еще в Готическом квартале старинную кованую дверь одного из соборов расписали матерными словами, как кусок масла – вилкой. Пока наши спецы разбирались, что за инструмент использовался – то ли газовый резак особый, то ли вообще лазер, парни из БАСФ успели тем же инструментом срезать балконную решетку на знаменитой

Педрере. И где только технику такую находят, собаки баскервильские!

Правда, в нашей службе ребята тоже не бараны. Понимают, из какой задницы ноги растут у этих вандалов. Едва ли настоящим баскам так нужны новые гадости на свою голову. Другое дело, что скоро выборы в Парламент. И кое-кто из политических шишек сможет справедливо упрекнуть кое-кого другого – мол, даже с хулиганами не справляетесь, куда уж вам выше лезть.

Но шишки на макушке, а наше дело маленькое – ловить, пресекать… и профилактика. Работа моя ответственная – после получения семи граммов в колено – заключалась в том, чтобы бродить по парку прогулочным шагом, улыбаться и время от времени наводить камеру на подозрительных типов. Щёлк! – и картинка полетела в центр. А дальше уже работа центра – пробить подозрительную рожу по разным «черным спискам» и в случае чего дать сигнал опергруппе.

Что и говорить, за три месяца ощущение высокой ответственности пропало начисто. Как назло, ничего не происходило. Профилактика, само собой, дело полезное… Только ведь баска от каталонца не особенно отличишь. Есть у них, конечно, в горах такие особые горные козлы, которых ни с кем не спутаешь. Но надо быть полным идиотом, чтобы посылать на дело человека, которого и так в течение дня пять раз остановят явно и еще двадцать раз снимут скрытно.

А этот темнокожий тип при ближайшем рассмотрении оказался вообще индийцем. Сухой такой, вроде копченой курицы, а рубашка белоснежная – не человек, а просто негатив ходячий. Глаза собачьи, малость навыкате. Нос из разряда «одинокая слива». И брови густые, сросшиеся. Мне сразу вспомнилось, как в детстве брат притащил домой огромную черную гусеницу и прямо на обеденном столе долбанул ее ножом посередине. Но несильно долбанул, из любопытства, так что на две части она не развалилась, и даже не вытекло из нее ничего. А только видно было, что с ней уже не всё в порядке, потому что она стала шевелиться как две сросшиеся брови, а не как один здоровый организм.

Вообще, за три месяца в этом парке я разных психов наблюдал. Туристы сами по себе люди не очень нормальные. Да и местные тоже, когда оказываются рядом с достопримечательностями. Статую Колумба на набережной видели? Который пальцем в море указывает? Нет еще? Так имейте в виду: это единственный целый статуйный палец во всей Барселоне. Дед мне рассказывал – когда он маленький был,

Колумб этот стоял внизу, безо всякой колонны. И все обязательно лазили, чтоб потрогать знаменитый палец. В конце концов этого каменного мужика поставили на высокую колонну, только потому его палец и сохранился. А все остальные статуи внизу, по периметру колонны, давно уже беспалые.

Так что к чокнутым туристам мне не привыкать. Но индиец был все-таки чересчур. Я почти час за ним ходил, прежде чем понял, что он вытворяет.

Заприметил я его у «крокодила». Мы так называем между собой этот фонтанчик в центре, хотя вообще это, наверное, ящерица. Сидит себе такая двухметровая тварюга, мозаикой веселой украшенная, изо рта воду пускает. Но главное, на нее забраться можно, и все там фоткаются.

Это и есть мой главный объект. Самое популярное место парка, не считая, конечно, музея Гауди. Я уж от скуки какого только вандализма с этим «крокодилом» не придумал за три месяца! Ну, там хвост отбить или вообще весь экспонат украсть – такую банальщину в первые же дни прокрутил в голове. Потом более изощренные схемы пошли. К примеру: что будет, если плохие парни из БАСФ сумеют чем-нибудь заткнуть ему пасть, из которой вода хлещет? Разорвет «крокодила» на части или просто потечет из ушей?

Занимаясь такой вот ответственной работой, я и засек индийца – слишком уж долго он тут ошивался. На «крокодила» как раз влезла парочка здоровенных теток из большой группы то ли финнов, то ли немцев. Ну ясно, теперь пока все по очереди не сфоткаются верхом, не отойдут. А индиец вокруг них так и вьется. Но на расстоянии. Вроде и не у «крокодила», и не у группы… Я даже подумал: уж не карманник ли?

Потом еще одна группа, англичане как будто. И та же история с индийцем. Словно он с этим «крокодилом» поговорить хочет, но как раз тогда, когда туристы подходят и мешают.

Через полчаса он поглядел на часы и быстро куда-то двинул. Я за ним. Оказалось, он решил подняться на террасу с мозаичными скамеечками, которые во всех проспектах Гуэля обязательно рисуют. Что и говорить, не дурак был сеньор Гауди, умел сделать просто и приятно. Вроде как собраны осколки битой посуды, набросаны кое-как в цемент. А со стороны поглядишь – такой цветник получается, душа радуется.

Хотя если в сотый раз смотреть, как я, то уже тошнит. Да и во время сиесты на этой площадочке как на сковородке. Но время было к вечеру, а индиец меня заинтриговал. Так что я был не против сделать вид, будто снимаю чудо-скамейки. В конце концов, парни из БАСФ могут и здесь что-нибудь отмочить.

Залить красивые скамеечки клеем, например.

Ага, индиец мой и здесь начал чудить. На часы поглядел, покрутился рядом с одной группой фотографирующихся, потом с другой… Э нет, не просто рядом! Тут я и понял: он старается попасть в кадр.

Между тем толпа с террасы схлынула, мой подопечный прошел еще кружок вдоль красивых скамеечек, поглядел опять на часы и снова спустился к «крокодилу». И я еще раз убедился, что разгадал его маневры. Этот бровастый делал свое дело прямо-таки профессионально. Влезал в кадр очень ненавязчиво, как бы случайно проходя позади, где-то с краю, так что туристы даже не трудились отводить камеру. А многие наверняка и не замечали его маневров! Рамка видоискателя обычно захватывает меньше, чем объектив. Поэтому на краях снимка частенько оказываются детали, которых ты даже не видел, когда наводил аппарат. Странный индиец, похоже, знал эту тонкость.

Однако в таких действиях нет ничего противозаконного. Тем более для нашего отдела: ребята меня засмеют, если я начну их дергать из-за таких глупостей. Конечно, если бы кто из туристов заметил и пожаловался… На такой случай в парке есть обычная охрана. Это ее забота – гонять подростков, покуривающих травку в укромных кустах, да пьяных, которые норовят уснуть на тихой скамеечке. В принципе, я могу подойти к одному из этих красавцев в фуражках, показать свою корочку и сдать им этого извращенца…

Но тогда вся местная охрана будет знать, кто я. А это крайне нежелательно. У террористов из БАСФ могут оказаться свои люди в здешних фуражках, благо на такую работу набирают обычных сезонников.

Тем не менее я хотел понять, в чем фокус. Ситуация казалась особенно необычной, поскольку за годы работы в особом отделе привыкаешь к совершенно противоположной модели поведения: люди не любят попадать в кадр. Это касается не только мафии, кинозвезд и секретных агентов, но и автолюбителей, которых снимают на въезде в город, и футбольных фанов, которых снимают при входе на стадион… да и вообще всех нормальных людей.

Конечно, есть такой вид развлекухи-подлянки – строить рожки за головой тех, кто позирует для снимка. Но час за часом влезать в чужие кадры, безо всяких рожек-ножек, просто в уголок… Особая форма эксгибиционизма?

Или… хм-м… новая форма стеганографии. Может, для кого-то лицо индийца в уголке снимка – особый знак, секретное сообщение. Что-то подобное рассказывал мужик из британской

МИ-5, когда приезжал к нам опытом делиться. Как раз после его приезда у нас министра связи грохнули.

Кто-кто, а я не мастак долгих теорий. Когда индиец спустился в самый низ парка и сел в кафе у южных ворот, я решил взять быка за рога. Тем более что незанятых столиков в кафе всё равно не было.

Вялой походкой я подвалил к кафе, немного поизображал растерянность – ах, всё занято! – и положил свою «Кодику» на столик индийца. Объектив оказался с солнечной стороны, и линзы тут же нарисовали на белом пластике стола светящуюся балерину.

– Извините, у вас не занято?

Раньше я думал, что у меня самый жуткий английский на свете. И даже немного стеснятся подкатывать к американкам. Но когда до меня донеслось ответное карканье этого копченого индюка, я понял, что мой папа Шекспир и Америку пора открыть. Слова он расставлял правильно, но произносил их как ребенок, который издевается над репетитором. Я даже не мог бы это повторить. Ну, что-то типа:

– Нет-нет, саджитись пхаджаласта!

Я ответил улыбкой, сел и стал думать, с чего начать. Он опередил меня. Указал на мою «Кодику» черным узловатым пальцем, похожим на вымоченный корень, и прокаркал:

– Лупхите пхатаграпхирават?

В общем-то он попал, и это сразу меня сбило. Работа работой, но побродить с камерой я любил. Конечно, не с этой служебной, со «спецвозможностями», которые мне ни к чему. Но моя собственная «Кодика», отдыхающая сейчас дома, была не хуже. Через два месяца, получив заслуженный отпуск, я как раз собирался взять в охапку мою маленькую вредину Ги и отправиться куда-нибудь за рубеж, пощелкать затвором. Хоть на своей ответственной работе я и насытился по горло толпами туристов, но вот парадокс – иногда ужасно хочется побыть на их месте. Вроде как сапожник, мечтающий наконец пройтись в новых сапогах.

– Да, люблю пощелкать, – честно ответил я, теребя ремешок «Кодики». – А вы? Кажется, я видел вас там наверху… около ящерицы.

И тут он попал второй раз. Дело в том, что в отпуск я собирался именно в Париж.

– Ятшерица, да-да! На ней очинь уджопно снимацца, она фся пхопхаджаит в каджр! Не то что Эпхелева пхатшня… Липха пхаймаишь толикха самьий тшпиль, липха толикха аджну ногу, кха-кха-кха!

Ветки рук взлетели, изображая, скорее всего, ту самую башню, на которую я давно мечтал навести свою «Кодику». А глазами он, видимо, изображал растерянный объектив – по крайней мере, они метались еще быстрее, чем руки. Может, парень накурился дури? Хотя черт их знает, этих азиатов. У них и в нормальном состоянии глаза как у психов.

– А где же ВАША камера? – спросил я и широко улыбнулся, задержав рот в растянутом состоянии чуть ли не на минуту. Вышло очень по-туристски. Прямо как у идиотов-американцев, что улыбаются по любому поводу.

– Они фсе мои, фсе! – Рука-коряга протянулась вперед и нежно постучала указательным по моей «Кодике». Жест был очень странный и в то же время получился так естественно, что я бы не удивился, если бы в ответ из объектива вылетела птичка.

– Вы… работаете в компании «Кодика»?

Черные гусеницы бровей сжались, словно их владелец попытался соединить их вторыми концами.

– Удже нет… Меня выкхнали… Но эта мая текхналокхия! – Он снова постучал по моей камере. – Они укхрали маю иджею! Интеракхтивный пхотопханк, кхаторый апхеспечивает неприфсайтенное кхачиство!

И тут на меня полилось. Через полчаса общения на языке копченых птиц я узнал не только историю несчастного индийца, но и основы той технологии, которую «Кодика» якобы украла у него, выбросив его самого на улицу.

Первая часть рассказа, про крах карьеры, не представляла собой ничего оригинального. Типичная история нелегального иммигранта, которого наняли, выжали как зубную пасту, а потом сдали иммиграционной службе, а она прижала его за все оставшиеся органы и вытурила из Штатов.

Зато технология, о которой он рассказывал, заставила призадуматься. С одной стороны, звучало это как бред сумасшедшего. Но некоторые вещи, на которые он намекал, были… да, почти бесспорными. Особенно качество снимков, позволившее «Кодике» в очень короткое время занять лидирующие позиции на рынке.

Кроме того, меня не покидало ощущение, что кто-то – или тот английский пижон из МИ-5, или даже кто-то из моих боссов по пьяни – рассказывал нечто подобное. На другую тему, но всё равно похоже. О некой новой системе надзора с дурацким кодовым названием, напоминающим название телепрограммы. То ли «Сам себе режиссер», то ли «Конкурс народных талантов». Суть была в том, что все камеры, находящиеся в руках населения, можно скрытно использовать в качестве камер наблюдения. Если

уж такие сумасшедшие проекты возникают даже в нашем ведомстве…

В общем, каким бы психом не выглядел этот тип со сросшимися бровями, говорил он интересно. Я даже поймал себя на мысли: хорошо, что он все-таки не оказался баском. Выражение «горизонтальный параллакс» едва ли услышишь от дуболомов из БАСФ. А с этим индийцем я нескучно провел время, слушая хоть и странные, но любопытные для фотолюбителя идеи.

Что оказывается в фокусе, когда снимаешь человека на фоне «Святого Семейства»? Это зависит от прихотей аппарата, если мы говорим об автоматических «мыльницах». В принципе, они умеют брать в фокус объект на переднем плане, просто отлавливая контраст в центре кадра. Но ведь каждый видел и обратное: когда на снимке особенно четко получается какое-нибудь дерево или угол дома, зато человек на переднем плане выглядит как медуза, которую швырнули об стену.

Конечно, на приличном аппарате ты сам можешь вывернуть объектив как надо. Классический трюк, если фоновое здание далеко – поставить фокусное расстояние, равное двум расстояниям до человека. У хорошего фотографа таких трюков навалом. И для леса, и для поля, и для горгулий, сидящих на верхотуре храма в шеренгу по четыре.

Но таких знающих фотографов – единицы. И даже им зачастую приходится чем-то жертвовать в наводке на резкость. Что же говорить о миллионах простых туристов с «мыльницами», которым хочется получить четкий во всех отношениях снимок одним нажатием кнопки!

Индиец и придумал эту штуковину, которую он назвал «интерактивным фотобанком». И даже заранее прикинул, как это окупится. На большинстве туристических фотографий в качестве заднего плана используются известные достопримечательности: Белый дом, Голубая мечеть, Черная пагода, Красная площадь… Если собрать большое количество снимков этих сооружений, можно строить из них вполне приличные цифровые модели достопримечательностей. А затем использовать эти модели для коррекции новых снимков в цифровых камерах разных лохов по всему миру. Пусть «мыльница» ловит в автофокус лишь клиента. А пирамиду или собор за его спиной подкорректирует система искусственного интеллекта, на основе уже имеющихся у нее снимков того же собора. Причем для обновления фотобанка можно в свою очередь использовать снимки, которые делают туристы. Нужно лишь организовать сервис так, чтобы все фотографии до превращения в «конечный продукт» пролетали по беспроводной связи через общий суперкомпьютерный комбайн.

В устах индийца всё звучало просто и логично. Я мысленно пытался опровергнуть эту теорию глобального цифрового подлога, но вместо контраргументов вспоминались лишь факты, косвенно подтверждающие его рассказ.

Когда «Кодика» только начала продавать свои аппараты, никакого особого отличия от продукции других фирм не наблюдалось. Будочки сервис-центров неизвестной фирмы вызывали лишь усмешки: стоит ли тягаться с признанными лидерами рынка? Однако примерно через пару месяцев это началось: «Я выбираю «Кодику», потому что теперь на моих снимках ничего не расплывается». Тупо, но верно!

А главное, ты и вправду не знаешь, что там происходит внутри – ни в твоем цифровом аппарате, ни в сервис-центре, где ты забираешь готовые фотки невиданного качества. А «Кодика», само собой, не спешит разоблачать своего суперкомпьютерного спрута-коллажиста, который сунул щупальце в каждый фотоаппарат и втихаря подменяет расплывчатые силуэты любительской съемки на более четкие картинки из своей огромной коллекции.

– Там, около фонтана-ящерицы, вы как будто высматривали туристов с «Кодиками», – заметил я, когда собеседник замолчал и уставился в пространство печальным собачьим взглядом. – Скучаете по своему детищу?

– Да-да, пхотому я и прикхожу в такхие мьеста. – Индиец нежно провел пальцем по кожуху моей камеры. – Кхочецца снова икх увиджеть, просто окхасаться ряджом… Кхто-то наджимает кхнопкху, и я срасу приштавляю, как потшла опрапхотка новыкх исопраджений…

– А этот ваш искусственный интеллект, как много памятников он уже оцифровал?

– Мнокха, очин мнокха! Пхоэтому я каджый рас кхуляю в расных мьестах. Чтопхы не асопхенно привлекхать виньимание, пханимаете? Пхывает, проста сиджу у сервис-сентров. Смотрю, кхакх люджи палучают свои снимкхи. И мне удже не такх крустно спхоминать, что миня выкхнали… Если люджи раджуются…

Узловатые ветки рук и мохнатая гусеница бровей одновременно взлетели, как бы демонстрируя всенародную радость. Но тут же вновь грустно опали. Нет, не очень-то он рад, что другие используют его изобретение.

Зато мне пришла в голову очень веселая мысль. Я представил вдруг, как это со стороны: два человека, которые занимаются похожими странными делами, но по разные стороны объектива. Я втихаря навожу на кого-то камеру. А он втихаря влезает к кому-то в кадр. И вот эти два человека сошлись за одним столом…

– Хотите, я вас щелкну? – предложил я. Улыбка в этот раз получилась совершенно натуральной.

Индиец взглянул на часы. Ну да, типичный жест «Извините, мне пора». Но он ответил иначе:

– Некхоторие народжы верьят, что каджая пхотографхия краджет у человьека част его джуши. А вы не верьите? Кха-кха-кха!

Он бешено захохотал, выпучив глаза и подняв ветки-руки. Но тут же резко оборвал смех и обратился ко мне с очень серьезным лицом:

– Я кхочу пхить на ватшем снимкхе с пхивом, моджно?

Я кивнул, и он засеменил к бару – черный паук, вставший на задние лапы. Делая вид, что вожусь с настройкой аппарата, я приглядывал за ним. Нет, драпать он не собирался. Стал болтать о чем-то с барменом. Прошло целых две минуты, прежде чем он снова оказался у столика. И сразу встал в такую комичную позу, что я не мог сдержать усмешки. Счастливый паук, салютующий тебе бутылкой пива, – это надо видеть!

Я снял крышку с объектива, но индиец вдруг замахал руками.

– Нет-нет, нуджен кхарасивий пхон…

Он указал на пряничную башенку прямо перед воротами парка. Я кивнул. Он быстро перебежал через пятачок, отделявший кафе от ворот, и принял ту же комичную позу на фоне башенки.

Когда я нажимал затвор, весь видоискатель вдруг заволокло черным. Я поднял голову. Передо мной стоял усатый официант, демонстративно загораживая обзор.

– Будете заказывать?

Надо же, как не вовремя! За три месяца этот усач уже несколько раз видел меня здесь. Естественно, он запомнил клиента, который заказывает минералку и сидит с ней два часа, занимая лучший столик и не оставляя чаевых.

Теперь он мрачно завис надо мной и всем видом намекал, что я его уже достал. Но не показывать же ему корочку спецотдела!

– Нет, не буду, – отрезал я, пытаясь заглянуть за его массивный корпус. Официант – скорее всего, нарочно – сделал шаг в ту сторону, куда потянулся я. И снова заслонил ворота. Я сурово глянул ему в лицо, прочел там недоумение и наконец сообразил, что если я ничего не заказываю, то по неписаным ресторанным законам мне и сидеть здесь не положено.

– Вернее, буду, – исправился я. – Только спрошу у приятеля, чего он хочет. Вы не могли бы отойти?

Но там уже никого не было. Я прихрамывая добежал до ворот и выглянул наружу. Увы! Имея фору в сотню метров или пару минут задержки, не так уж трудно сбежать от бывшего

оперативника с простреленной ногой, который к тому же слишком вжился в роль фотолюбителя.

Не скажу, чтобы я совсем забыл этот случай. Но уже через месяц он стал просто «одним из», отошел на задний план. Психов же в парке навалом, я говорил. Буквально через два дня один пьяный русский показывал любовь своей девице: встал на руках на парапет той самой террасы с гаудевыми скамеечками и начал орать, что пройдет таким раком полный круг. Половину прошел да и рухнул вниз. Высота-то всего три этажа – казалось бы, как тут можно череп проломить?

А через неделю еще веселее история. Швырнули наконец в «крокодила» емкость с голубоватой жидкостью, по всей мозаичной спине растеклась. Я, естественно, проявил чудеса бега на короткие. По дороге успел через «Кодику» вызвать подкрепление из наших. А они в свою очередь и обычную охрану свистнули. Выходка вандалов из БАСФ, ясно дело! – все тут как тут, пальцы на спусковых. Даже пара репортеров вездесущих откуда-то выскочила.

А жидкость оказалась молочной смесью. На террасе, что как раз над «крокодилом», мамаша-американка кормила ребенка. Пацан чего-то разревелся да как швырнет бутылочку вниз через кусты! Вот и весь терроризм.

Зато в сентябре, в Париже как раз, я вспомнил эту баечку про фотобанк. Когда уже отщелкал и Эйфелеву, и Версаль. Мы сидели в кафе на Монмартре – последний день, всё такое. Ги только что нарисовала пару голубей, благо они болтались под ногами, и стала читать газету. Попутно она в сотый раз объясняла мне, что фотография это не искусство. Я вяло отбивался, хоть я и не такой образованный.

Тут Ги и прочитала мне вслух эту заметку, про взлом одного из серверов «Кодики». Якобы нашелся там какой-то «черный ход». Ги сразу вставила шпильку насчет моего аппарата.

Я в ответ расчехлил «Кодику», протянул к ней и пролистал последние несколько кадров, добавив, что с моим аппаратом всё в порядке, если, конечно, она имела в виду этот аппарат, а не тот, который на улицах демонстрировать неприлично, но и с тем у меня тоже вроде нет проблем.

Ги бросила презрительный взгляд на камеру и заявила, что там всё равно ни черта не видно.

«Ну, уж тебя-то видно везде!» – отшутился я. Хотя она права: что там увидишь на экранчике размером в один квадратный ноготь? Лицо Ги на переднем плане еще можно различить, но что там сзади – какие-то контуры зданий, микроскопические фигурки прохожих…

И тут мне сделалось не смешно. И голуби сразу стали звучать так, словно они издевательски хмыкают. Я вспомнил индийца.

И еще кое-что вспомнил. Но это уже по дороге к сервис-центру, куда я тут же рванул, невзирая на крики Ги о том, что она не допила.

Насчет хакеров разговор у нас был в отделе, год назад. Ну, не разговор даже, просто треп по дороге домой. Хосе в очередной раз пытался подколоть нашего системщика Мануэля. И начал громко рассказывать Трамонтане, что все хакеры – это на самом деле уволенные программисты, у которых свои «дырки» везде понаделаны заранее. Трамонтана, которого мы обычно используем как таран для дверей, поддержал разговор идиотскими вопросами – почему, для чего? Ну Хосе и понес свою пургу дальше. Мол, программисты обязательно оставляют в своих программах «черные ходы», вроде дополнительного секретного пароля. Чисто для себя любимого, чтоб в случае увольнения можно было отомстить фирме.

Долго он это расписывал, пока Мануэль не сказал спокойно, что это чушь собачья. И что никакой нормальный программер не будет так глупо палиться с личными «дописками», по которым его же и вычислят. Нормальному программеру, чтоб нагадить, достаточно просто знать «недокументированные возможности».

– Это как? – спросил Трамонтана.

А это, говорит Мануэль, вот так: если на ноутбуке нашего Хосе одновременно нажать все клавиши верхнего ряда и все клавиши нижнего, то на экране все его пароли высветятся. Хосе, как услышал, тут же побелел, выхватил ноутбук из чехла и давай над ним каракатицей прыгать, пытаясь сразу две дюжины клавиш нажать. Трамонтана, само собой, бросился помогать. Когда я увидел, как эти два спецназовских быка изображают юных пианистов, чуть живот не надорвал. Я ж сразу заметил, как Мануэль губы кусает, чтоб не заржать. Он всегда умел отвечать на подколки.

Только у него была еще одна черта: Мануэль никогда не врал напропалую. Конечно, про два ряда клавиш он пошутил к месту. Но общая-то идея, насчет недокументированных возможностей, была вполне. А если эту идею совместить с историей бровастого компьютерного гения, уволенного из «Кодики»…

Будка с надписью «Кодика» стояла тут же на краю бульвара. Девица в форменном сине-зеленом вспыхнула дежурной улыбкой. Я выдернул из фотоаппарата карточку памяти и попросил напечатать последние два десятка снимков. Причем не обычным форматом, а двойного размера.

Пока разогревался принтер, форменная девица – видно,

просто от скуки – ляпнула что-то насчет моего заказа. Мол, редко сейчас встретишь человека, который решил напечатать, да еще и большим форматом. Теперь люди обычно просят только залить фотки на какой-нибудь сайт, если у них своя беспроводная связь барахлит. Или отправить кому-нибудь по электронной почте. Или просто перенести на более объемистый носитель.

От этой болтовни я как-то сразу остыл. Действительно, чего сорвался? Да и Ги, небось, злится, что я усвистал непонятно куда…

Но неприятное предчувствие продолжало царапаться внутри. Что там говорил этот копченый индюк про обновление фотобанка? Обратная связь через новые снимки туристов… Белый дом, Голубая мечеть, Черная пагода, Красная площадь…

«Недокументированные возможности». Да, что-то такое было в его интонациях. И потом, если он просто хотел быть ближе к своему изобретению, зачем всегда смотрел на часы перед тем, как попасть в чужой кадр?!

Еще через пару минут я получил назад свой чип – и толстый конверт с фотографиями. Не успев еще расплатиться, разорвал конверт.

Он был на всех снимках. И у подножья Эйфелевой башни, и на втором ярусе. И на набережной Сены, и среди версальских фонтанов. Даже на самом первом снимке – я щелкнул Ги на фоне аэропорта де Голля – индиец торчал на заднем плане в правом верхнем углу. Маленький случайный прохожий с бутылкой пива. В каждом кадре.

Фотоаппарат я прямо там разбил, об пол сервис-центра. Хотел еще полицейскому врезать, да Ги меня вовремя увела. Она хоть и маленькая, но умеет так на руках повиснуть, что не хуже наручников-липучек.

Но это еще не всё. Через неделю, на своей прежней работе в парке, я снова его увидел.

Десятка два японцев снимались на входе в дом-музей Гауди. Облепили всю лесенку, а фотоаппараты, все два десятка, отдали одному добровольцу, чтоб он каждой камерой по очереди щелкнул. Я немного притормозил, на это чудо поглядеть – мелкий желтый японец, весь увешанный «Кодиками». Уж не знаю, есть ли у них в Японии рождественская елка, но получилось похоже. Еще подумалось, что он мог бы сразу с двух рук снимать, как эдакий японский Рэмбо.

А потом я проследил взглядом, что у него попадет в кадр. Индиец с кожей копченой курицы, с мохнатыми сросшимися бровями, стоял позади японцев, в дверях дома-музея. Белая рубашка светилась в тени.

Естественно, я опять побежал. Да, с моим дурацким коленом. Но в этот раз я точно знал, что он вошел внутрь, а выход только один!

Ги потом сказала, что он наверное спрятался под кроватью сеньора Гауди. Еще она сказала, что я просто свихнулся от своей чересчур ответственной фотоработы. И еще добавила, что возможно, все мозги у меня находились как раз в том колене, которое прострелили. Когда она это сказала, я взял одну из ее кисточек, сломал пополам и бросил через плечо, без комментариев. Больше она про колено никогда ничего не говорила. Очень понятливая.

С ответственной работой я после этого завязал. Осенью и зимой торговал картинками Ги здесь, на Рамбле. Помогал ей холсты грунтовать, рамки делать, ну и всё такое.

От фотоаппаратов вначале дергался, потом как-то отпустило. А в апреле даже решил попробовать себя в роли «артиста». Сначала долго наблюдал за этими чудиками. Влезет такой на чемодан, замрет в позе – и стоит полчаса, живая скульптура. Видок у каждого свой, кому на что фантазии хватило. Один просто балахон марлевый накинет, а другой забабахает страшную маску инопланетянина, да еще золотой краской покрасится весь, от носа до подошв. И меч джедайский в руках, само собой.

Девицам с хорошими фигурами проще, но это уж кому что досталось. И потом, не всякий может долго стоять неподвижно. А мне с моей коленкой как раз самое то – ни бегать, ни ходить не надо.

Да и роль я себе неплохую подобрал, камзольчик и глобус-постамент сразу всё объясняют: тот самый Колумб, собственной персоной. Особенно детишкам нравится – укажешь пальцем на какую-нибудь егозу и замрешь на четверть часа. Я пока с вами болтал, всего два раза позу поменял, а больше и не шевелился, заметили?

Где оригинал посмотреть? А просто вниз по Рамбле спуститесь, там он и стоит на набережной, на столбе высоченном. Я вам уже говорил, что это единственная фигура во всем ансамбле с целым указательным пальцем? Ах да, говорил, и про деда тоже.

Нет, сам я достопримечательности теперь не посещаю. Разве что на его, прототипа моего, поглядываю временами. Не специально, а так, когда в трамвае по набережной еду. Но всё равно на лицо стараюсь не глядеть. Ага, только на палец. Мне и этого хватает, неприятное зрелище.

Почему? А вы, когда до него дойдете, присмотритесь. Слыхали, небось, что этот парень Америку открыл? А указывает-

то совсем в другую сторону!

КАЖДЫЙ ЖЕЛАЮЩИЙ ФАЗАН

«Здравствуйте! Это письмо НЕ является рекламой…» [МУСОР]

«Самый надежный способ увеличить…» [МУСОР]

«Привет, Чарли. Ты не поверишь, но Мэттью снова…» [ВХОДЯЩИЕ]

«Удаление волос навсегда!» [МУСОР]

Что-то спросили? Чесс моргнул и огляделся.

Женщина в зеленом пальто. Высокий воротник застегнут так плотно, будто она сидит в зимнем парке, а не в теплом холле частной клиники. Нижнюю половину лица скрывают два перекрещенных шерстяных уголка, однако по глазам видно, что именно она попыталась заговорить с ним.

К тому же, кроме нее и Чесса, в помещении находился только один человек, какой-то клерк с мокрыми глазами. Но он, как и прежде, напряженно читал «Плейбой», держа журнал в носовом платке, намотанном на руку. На столике перед ним лежала еще парочка легкомысленных журналов. Странный выбор для такого заведения.

– Простите, не расслышал? – обратился Чесс к женщине.

– Я говорю, не надо так переживать! – Она говорила в воротник, и голос получался как будто из радиоприемника. – Всё будет в порядке. Профессор N. уже многим помог.

– Да, я знаю, спасибо. Я просто задумался.

Это было правдой – которую, впрочем, никогда не понимали люди, видевшие его в такие минуты. В состоянии задумчивости лицо Чесса приобретало не просто отсутствующее, но какое-то очень трагическое выражение. Уйдя в себя, а потом вернувшись, он не раз был вынужден объяснять свидетелям такого «ухода», что у него никто не умер.

Так и тут. Поездка с Натали к медицинскому светилу в соседний штат грозила сорвать все рабочие планы. Последние тесты «Маугли» нужно было закончить еще на прошлой неделе. А буквально завтра – сдать почтовый фильтр заказчику. Всю дорогу Чесс глядел в экран «пальма» и кормил, кормил свою программу примерами из двух архивов: в одном содержалась его собственная коллекция электронного мусора, в другом – личная переписка за два года.

Ради этого они даже поехали на «Грейхаунде». Натали еще не училась водить, а Чесс не хотел терять два часа драгоценного времени на то, чтобы следить за дорожными знаками и дикими

грузовиками.

Автобусом вышло дольше. Но для Чесса, ушедшего с головой в работу, даже сутки могли пролететь незаметно. А уж эти сто пятьдесят минут – и подавно. Вот они берут билет из морщинистой руки кассира в Моргантауне, проходят в пустой салон между рядами серых мягких кресел, Натали что-то щебечет об этих креслах – «похожи на осликов…» – вжик! – и она уже громко кричит «ой, мама!», потому что автобус вылетает из длинного тоннеля на высокую развязку-спагетти с великолепной панорамой Питсбурга. Серебряной лентой вспыхивает река, и Чесс со вздохом закрывает «пальм».

Десять минут назад, когда Натали скрылась за дверью профессорского кабинета, он снова вынул комп и занялся работой. И где-то в середине этого процесса, как обычно, замер и уставился в пространство, мысленно прокручивая тесты вместе с машинкой. А эта дамочка, конечно, решила, что он вот-вот хлопнется в обморок из-за переживаний.

– Ваша жена из России?

Чесс кивнул, заметив, что невольно ответил сразу на два вопроса. Нет, официально она не была его женой. Но и «подружкой» уже не назовешь. Если женщина прилетает из другой страны только ради тебя, жирного неудачника, и буквально вдыхает в тебя жизнь, а ты начинаешь делать для нее такие вещи, каких не делал ни для одной из своих «прошлых»…

Они познакомились вскоре после того, как он закончил университет (отделение английского языка) и одновременно – свой первый роман о большой и почти счастливой американской семье, живущей у озера где-то на севере Пенсильвании. Однако писательская карьера не заладилась. Новоиспеченный Ирвин Шоу нуждался в деньгах, а издатели XXI века не нуждались в романах о жизни больших семей на озерах – кроме таких произведений, где по ходу книги все члены семьи оказываются связаны нетрадиционными сексуальными отношениями, а в финале всех съедает озерный дух или инопланетянин. Ну, в крайнем случае, кто-то один мог бы выжить и разделаться с инопланетянином, переехав его несколько раз на своем «форде» или еще какой-нибудь патриотичной колымаге, остро нуждающейся в рекламе.

Но в романе Чесса семья была вполне нормальной и почти счастливой, ее взрослые представители ездили на приличных японских машинах, а инопланетян не было и в помине. Депрессия, охватившая молодого писателя после осознания этой трагической нестыковки с издательской системой, добавила к его избыточному весу еще два десятка фунтов – и вовсе не стерлингов.

А потом случилось чудо. Хотя нет, ничего сверхъестественного. Наверное, такое бывает со всеми. Бросаешь взгляд в вечернее небо и вдруг натыкаешься на ослепительную луну. Обычное дело, но всё же удивляешься, как она там оказалась именно в тот момент, когда ты подумал о чем-то важном.

Натали появилась на горизонте столь же неожиданно и вместе с тем как-то очень естественно. А с ней – и решение отправиться обратно в университет за вторым образованием. «Твоя работа связана с компьютерами? Нет? Но ты мне так хорошо объяснил про форматы картинок! Я даже подумала, это знак… сам научился? Здорово!»

Ни к чему не обязывающий чат с малознакомой девушкой. Но после этого распавшаяся мозаика судьбы Чесса начала складываться в новую картинку. Сразу вспомнились шутки друзей о том, что в нем живет аналитик. Даже свой роман он долго не мог дописать только потому, что зарывался в детали, какие не снились ни одному нормальному писателю. Подробнейшая карта озера, где происходило действие романа, была лишь первой ласточкой. Дальше появились – расписание движения всех видов транспорта в районе проживания почти счастливой семьи; энциклопедия «Катера и яхты»; атлас местной флоры и фауны; и наконец, какой-то невиданный компьютерный календарь с описанием погоды на каждый прожитый день, да еще с онлайновой службой прогнозов, которая ежедневно подгружала в компьютер Чесса новые спутниковые фотографии… Поглядев на всё это как бы со стороны, глазами своей новой знакомой, Чесс поразился, отчего он сам до сих пор не видел такого поворота событий.

Одновременно с поступлением на компьютерный факультет он начал подрабатывать – сначала версткой электронных документов, потом скриптами и прочей поддержкой сайтов. Почти все эти сетевые трюки он изучил сам, увлекшись Интернетом задолго до того, как пошел на компьютерный. Оставалось только с удивлением обнаружить, что за такую смешную работу кто-то платит неплохие деньги.

И это было еще не всё. После первого же года новой учебы Чесс попал в проект, который позволял совместить новые программерские и старые литературные познания. И в этом – косвенно – ему тоже помогла Натали.

В течение всего года он упорно работал над программой, смутная идея которой родилась еще в «писательские времена». Поиск информации для романа и то самое помешательство на деталях, смешившее знакомых, привели его к мысли, что хорошо

бы завести своеобразного электронного секретаря, который запоминает все твои привычки, увлечения и интересы. А потом помогает… ну, хотя бы автоматически собирать в Сети новости на любимые темы.

Научный руководитель Чесса оценил его рвение, и как только первая версия программы-секретаря была готова, организовал своему студенту встречу с представителем Очень Крутой Компании. Университет сотрудничал со многим фирмами, но получить грант от Такого Монстра считалось особенно почетно.

Чесса охватила паника. Перед самым собеседованием выяснилось, что у нет ни костюма, ни галстука. Сэм, двоюродный брат-юрист, жил неподалеку. Но чтобы получить доступ к его адвокатскому гардеробу, Чесс был вынужден согласиться на унизительные условия. Ему пришлось минут сорок неподвижно сидеть на табурете, пока над его головой колдовала Энн, жена Сэма, вооруженная ножницами и расческой. В конце концов Сэм заявил, что теперь прическа Чесса не позорит его одежду, посоветовал еще завязать шнурки, и только после этого несчастная жертва пиджачных условностей была отпущена туда, где люди вкладывали в эти условности большой смысл.

Для начала представитель Монстра похвалил галстук Чесса, и как бы заодно – его программу. Но потом начал юлить. Только через полчаса разговора до Чесса дошло: Монстру не нужна программа-секретарь, работающая на компьютере пользователя. Монстр хочет, чтобы программа жила на его, монстровом, сервере – и именно там сохраняла всю информацию о вкусах своих клиентов. Чтобы затем… «Да, мы называем это персональным маркетингом».

В первый миг Чесс почувствовал, что забытая прошлогодняя депрессия вновь наваливается на него огромным свинцовым облаком. Но в этом тяжелом тумане тут же вспыхнула луна: лицо Натали, такое далекое, такое родное и спокойное. Чесс набрал в легкие воздуха… и не послал нанимателя подальше. А вместо этого, закинув ногу на ногу, сделал очень умное лицо и заявил, что считает такой подход к рекламе неэффективным. Речь украсили два ярких примера прогоревших компаний, плюс ряд цифр, половину которых он выдумал на ходу.

Выслушав Чесса, представитель Монстра поглядел на него (а может быть, на его галстук) чуть внимательнее, чем раньше – и предложил работу в проекте по борьбе с непрошеными рекламными рассылками.

Где тут подвох? Чесс долго перебирал версии, начиная с самой человеческой (научный руководитель «замолвил словечко» в более высоких органах Монстра) и кончая самой

конспирологической (Монстр не хочет отпускать ценного специалиста). Позже стало ясно, что всё проще. Крупная корпорация активно искала новые коммерчески-успешные идеи, не гнушаясь и такими, которые шли вразрез с ее «основным продуктом». Кто знает, что будет через пять лет, когда «основной продукт» всем надоест? На рынке высоких технологий погода менялась быстрее, чем на улице. А Монстр был неглуп, он думал о будущем.

Вот только сдавать этот проект нужно уже завтра! Чесс шевельнул большим пальцем, и потухший экран карманного компьютера снова ожил.

«Разговорный испанский с лучшими…» [МУСОР]

«Два уничтожителя по цене одного…» [МУСОР]

«Здравствуйте. Вы интересовались условиями кредитования в…» [ВХОДЯЩИЕ]

{ОШИБКА} {ЗАПУСТИТЬ КНИГУ ДЖУНГЛЕЙ} {ПОВТОР}

«Здравствуйте. Вы интересовались условиями кредитования…» [МУСОР]

Нет, так не получится. Он смотрел в экран, но чувствовал взгляд женщины в зеленом. И ничего не мог сделать. Тихий светлый холл, песочного цвета стены и мягкий ковер на полу, пять круглых кожаных кресел под тремя развесистыми пальмами в простых деревянных кадках… Минуту назад всё это казалось идеальным местом для работы, но теперь окончательно превратилось в холл клиники. Искусственный островок спокойствия. Чересчур искусственный, и потому не дающий забыть о беспокойстве, которое приводит сюда людей. О болезни.

Чесс поднял голову. Женщина в пальто только этого и дожидалась:

– Знаете, я тоже в этой стране недавно.

– Я заметил. У вас акцент… Южный Уэльс?

Кажется, она вздрогнула. Ну да, англичане вообще скрытный народ. Обожают задавать вопросы, а о себе – молчком, молчком. Но от акцента так просто не избавишься. Даже завернувшись в пальто по самые глаза… Хотя, если учесть, в какой клинике они собрались, этот высокий воротник наверняка скрывает нечто иное.

У Натали пятна появились сначала на руках, потом на ногах, потом на спине с левой стороны. А у этой, значит, прямо на лице. Для красивой женщины, должно быть, настоящая катастрофа.

Она заметила, как он ее разглядывает. Но обижаться не

стала. Наоборот, немного отогнула зеленый уголок воротника, так что стал виден рот.

М-да… И вправду красавица. Точнее, была ею до того, как появилась эта гадость. Чессу вспомнилась сказка о Царевне-Лягушке, которую он услышал от Натали, когда у нее это случилось в первый раз. Англичанке в стильном зеленом пальто такое прозвище подошло бы даже больше.

– Началось сразу после свадьбы. – Царевна-Лягушка печально улыбнулась, следя за тем, как он отреагирует на демонстрацию не очень-то привлекательного отека. – Мы даже сначала боялись делать тесты, потому что у одной моей подруги подобное было… из-за мужчины.

Чесс кивнул. Аллергия на сперму. Редкая, но всё же известная. Но они уже исключили этот вариант. Как и многие другие.

После второго случая он облазил всю Сеть и собрал на домашнем компе внушительную папку материалов по аллергии. Альтернативные методы анализа на igG4-антитела, последние поколения антигистаминных препаратов, списки самых странных аллергенов, выявленных за последние годы, – и прочее, и прочее… Вплоть до шуточной теории о том, что Адам и Ева сорвали с Древа Познания вовсе не яблоко, а мандарин, и впоследствии им пришлось скрывать под одеждой не гениталии, а неприятные отметины аллергии.

Они с Натали тоже начали охоту за аллергеном с исключения цитрусовых. Но ни это, ни всё остальное не помогало в странном аллергическом детективе, героиней которого стала подруга Чесса. Невидимый злодей мучил ее снова и снова, невзирая на все диеты, всю борьбу с пылью, смену всей одежды и бытовой химии. Следуя канонам жанра, Чесс какое-то время подозревал даже саму Натали и втайне от нее несколько раз проверял мусорный контейнер – вдруг она пристрастилась к какому-нибудь деликатесу и скрывает это. Бесполезно.

– А когда мы сделали тесты, испугались еще больше, – продолжала Царевна-Лягушка. – Ну да вы и сами, наверное, знаете, раз привезли жену сюда.

– Думаете, этот разберется? – Чесс кивнул на дверь с золоченой табличкой.

– В моем случае он уже разобрался! Знаете, на что у меня реакция? На свет! Мы же сюда переехали сразу после свадьбы! А в этой стране другая… интенсивность, что ли? Да, интенсивность ультрафиолета. Всё оказалось так просто! У вашей жены тоже всё наладится.

– Надеюсь, – пробормотал Чесс. Про свет они с Натали уже

думали. Не то.

Слева донеслась какая-то возня.

– Так просто ни у кого не наладится…

Чесс повернулся на голос. Клерк с мокрыми глазами отложил «Плейбой» и начал громко сморкаться. На вид ему было около сорока. Когда он отнял от лица платок, Чесс подумал о Санта-Клаусе, которого переодели в черный деловой костюм, но забыли отклеить красный нос.

– Мне тоже вначале вкручивали: аллергия на кошек, аллергия на пыльцу… – Санта-Клаус аккуратно сложил платок и спрятал в карман. – Да вранье это. Всё дело в том дерьме, которым нас кормят с самого детства. Слегка простудился ребенок – врач тут же прописывает антибиотик. Вместо того, чтобы дать иммунной системе самой разобраться. Плюс в детском питании куча консервантов. Те же, считай, антибиотики. Вот мы и выросли на них, как наркоманы, безо всякой собственной защиты. А у индейцев вон, я видел, дети в грязи с собаками валяются – и никакой аллергии!

Чесс молча кивнул. В статьях, которые он собирал в Сети, такие мысли звучали всё чаще. Так что у молодых мамаш есть информация к размышлению. Но что толку в этом «открытии» для тех, кто уже не грудной ребенок?

– Сейчас там… – Санта-Клаус указал своим натертым носом в потолок, – … уже начали шуметь по этому поводу. У меня знакомый в Конгрессе. Говорит, скоро будут санкции. Покруче, чем с сигаретами. Чтоб всё дерьмо с консервантами только на экспорт шло. Пусть везут к русским и китайцам.

– А русские чем виноваты? – вставила Царевна-Лягушка. Она беспокойно поежилась, запахнула воротник и выразительно поглядела на Чесса. Во взгляде читалась готовность поддержать его, если он вдруг вступится за родину Натали.

Но какой смысл? Натали и сама говорила, что ее страна превращается в свалку. И сама рада была оттуда уехать…

Однако теперь у Чесса был повод сделать обиженное лицо, не способствующее разговору. Вроде подействовало. Санта-Клаус после своего всплеска красноречия как-то стушевался и замолк. А Царевне-Лягушке, похоже, хватило того, что она уже пообщалась с обоими мужчинами и каждому сказала что-то полезное. Значит, можно наконец поработать спокойно.

* * *

«Иммиграция в Эквадор» [МУСОР]

«Научим драться за три месяца!!!» [МУСОР]

«Купите сноуборд сейчас и сэкономьте…» [МУСОР]

«Здорово, брательник! Напоминаю, что у Энн в среду…» [ВХОДЯЩИЕ]

«Привет, подруга! Как делишки? Ты спрашивала, в каком салоне…» [ВХОДЯЩИЕ]

{ОШИБКА} {ЗАПУСТИТЬ КНИГУ ДЖУНГЛЕЙ} {ПОВТОР}

«Привет, подруга!..» [МУСОР]

Книга Джунглей. Как человек, не чуждый литературе, Чесс наверняка придумал бы метафору посерьезней. Но именно так ему обрисовали технологию почтового фильтра те двое, что работали над программой до него. Он и раньше замечал, что программисты помешаны на инфантильных образах, вроде постоянных цитат из Винни-Пуха и Алисы. А из-за интенсивного общения с Мэттью и Джоном он и сам стал мысленно развешивать вокруг ярлычки из детских книжек, превращающие весь мир в комикс. Письмо-Балу, письмо-Багира, стая писем-Бандерлогов. «Мы с тобой одной крови» – этого пропустим. А вот этого…

Фильтр «Маугли» рассматривал каждое электронное послание как Неизвестного Зверька, которого нужно проверить на вредность с помощью генетического теста. Среди трехсот почтовых генов были и грубые приметы спама, вроде заголовка из больших букв или приветствия без имени, были и приметы похитрее, вроде слишком высокой концентрации позитивных прилагательных и повелительных глаголов. Но отдельный нездоровый ген еще не делал письмо мусорным; требовалось несколько, в определенных сочетаниях.

Эти вредные геномы выявлялись при обучении фильтра на тысячах примеров спаммерских рассылок. В случае ошибочного пропускания Вредного Зверька программа устраивала в своей Книге Джунглей эдакую оргию скрещивания и мутаций – до тех пор, пока не выводила комбинацию генов, которая соответствовала пропущенному письму. В следующий раз такого Зверька сразу опознавали и глушили.

С этим алгоритмом «Маугли» ловил 97 % мусора в почте. Но хитрые три процента грозили вырасти: спаммеры тоже развивались. Их последним изобретением стали письма, замаскированные под личные. И всё чаще мимикрия оказывалась успешной – фильтр пропускал Вредных Зверьков.

Узнав о филологическом образовании Чесса, кодеры Джон и Мэттью тут же накинулись на нового коллегу с предложением

вывести более конкретный «ген навязчивости» на основе стилистического анализа текстов. Чесс потратил на это пару месяцев, после чего стало ясно, что такой путь – тупиковый. Отличить фальшивый императив от реального предложения знакомого человека было невозможно.

Но знакомого можно опознать проще: если ты с ним уже переписывался, его координаты есть в адресной книге твоей почтовой программы. Конечно, он может написать письмо с нового адреса. Но тогда можно опознать по имени, по каким-то общим темам…

Добравшись в своих размышлениях до этого места, Чесс хлопнул себя по лбу: программа-секретарь! Сбор личных предпочтений, любимых тем и прочих маркеров «своего» в тех ежедневных потоках информации, с которыми работает хозяин компьютера. При наличии таких данных можно отслеживать не только присутствие вредных почтовых генов, но и отсутствие своих генов, полезных. Если ты – мужчина, увлекающийся стрелковым оружием, тебе вряд ли понадобятся новые гигиенические прокладки, которые незаметны даже под бикини.

Объединить «Маугли» с программой-секретарем – вот тебе и фильтрация псевдоличных рекламных писем! Выходит, представитель Монстра, взявший Чесса на работу, был совсем не так прост?

Джон и Мэттью вначале отнеслись к идее скептически. Ну да, первое приходящее в голову объяснение – новичок решил пристроить собственную курсовую. Однако за следующие три месяца совместной работы их ирония постепенно сменилась на активное участие. Новый «Маугли» с двумя генетическими базами и вправду ловил мусор лучше. Оставались, правда, кое-какие неувязки – но дело явно сдвинулось с мертвой точки. Мэттью, большой любитель превращать любую работу в аврал, дописал последние исправления буквально за пару дней до срока сдачи. А ведь фильтр нужно еще обучить…

«Вы часто грустите? Вас не понимают на работе?..» [МУСОР]
«Упругий друг для всей семьи!..» [МУСОР]
«Бизнес-практикум ТРАНСПОРТНАЯ ЛОГИСТИКА…» [МУСОР]

«Привет! Помнишь, отдыхали на море? Я выложил фотки…» [ВХОДЯЩИЕ]
{ОШИБКА} {ЗАПУСТИТЬ КНИГУ ДЖУНГЛЕЙ} {ПОВТОР}

На этот раз его вернуло в реальность прикосновение. Натали стояла рядом.

– Доктор хочет поговорить с тобой.

– Со мной? Зачем? – пробормотал Чесс, но тут же вскочил, понимая, что спорол чушь, потому что думал о работе и автоматически воспринял слова Натали как помеху. Конечно, он должен поговорить с врачом! Натали, по правде сказать, относилась к своей аллергии совершенно несерьезно. Да и с английским у нее было не очень. Видимо, профессор понял это, вот и решил «пообщаться с родственниками». Всё правильно.

* * *

После фальшиво-успокоительного холла кабинет известного иммунолога радовал деловым беспорядком. На стене что-то пятнистое в рамке, вроде Кандинского. На столе стопка медицинских изданий, исчирканный ежедневник, стакан с засохшим полумесяцем лимона и глиняный горшок в форме африканского божка с большим дырявым животом. Живот-горшок набит разноцветными фломастерами.

Внешность врача тоже радовала: в телефонном разговоре его голос показался Чессу слишком молодым, но теперь он видел, что обладателю этого голоса не меньше пятидесяти. Крупный нос, мешки под глазами. Прямой, хотя и очень усталый взгляд. Нет, на шарлатана не похож.

Оглядев Чесса, профессор, по всей видимости, тоже остался доволен. Он кивнул каким-то собственным мыслям и даже не стал тратить время на приветствия:

– Для начала хорошая новость. У вашей подруги нет аллергии. Впрочем, это лишь мое мнение.

– Но у нее же отек Квинке… или как его там… – нахмурился Чесс.

– Да-да, очень похоже. Но это, так сказать, внешние проявления. Они бывают одинаковы при очень разных проблемах. Реакция одна, но механизм ее запуска разный.

– Я понимаю. Разные аллергены.

– Нет-нет, аллергены могут быть вообще ни при чем. Представьте, что ваш организм – это крепость, которую защищает большая армия. Необъяснимый выброс гистамина, то есть отражение мнимой атаки врага, может начаться по разным причинам. Бывает, солдаты на передовой замечают в темноте какое-то движение. Они думают, что это противник, и начинают стрелять. Так, в очень грубом приближении, возникает аллергическая реакция. Но бывает и так, что приказ открыть стрельбу приходит из главного штаба.

– Вы хотите сказать, что проблема у нее в мозгу?

– Точно. Истерическая реакция, например. Поэтому я и пригласил вас. Я так понял, что ваша подруга – иммигрантка. Можно узнать, как вы познакомились?

– Через Интернет. Ну, просто… в одном литературном форуме общались.

О том, как оно было на самом деле, Чесс до сих пор не рассказывал никому, и здесь тоже решил не откровенничать. Понятно, что службами знакомств пользуются многие. Но признаваться как-то неприятно.

Он и сам ни за что не пошел бы на этот русский сайт, если бы не Сэм. Узнав о депрессии Чесса из-за неудач на литературном фронте, двоюродный брат вытащил его кататься на горных лыжах. И всю дорогу туда и обратно кормил байками из своей адвокатской практики. Один случай был особенно смешным. Преуспевающий бизнесмен из Чикаго познакомился с иностранкой через сетевую службу знакомств. Дело уже шло к свадьбе, когда счастливый влюбленный отправился в Россию – и обнаружил, что девушка, с которой он полгода строил амурные планы, выглядит совсем не так, как на снимках, вывешенных на сайте. Причем никакого злого умысла не было – вебмастер перепутал фотки при верстке. А девица была так увлечена внезапным интересом со стороны заокеанского принца, что даже не удосужилась проверить свое лицо в электронной анкете.

Ночью после лыж, бродя по Интернету, Чесс ради хохмы залез на тот самый сайт, и… На этот раз русский вебмастер не ошибся.

– В Интернете? Очень интересно! – Иммунолог откинулся на спинку кресла. – Хотя в вашем случае это, наверное, только на пользу. В сетевых дискуссиях люди зачастую узнают друг друга лучше, чем при встрече в баре.

– Да, мы долго общались на разные темы, прежде чем решили встретиться.

– Ну хорошо, а вы можете вспомнить, что предшествовало последнему случаю этой… реакции? Какие-то необычные события? – Врач сделал тактичную паузу, но все-таки продолжил: – Может быть, ссора?

Чесс подумал с минуту.

– Нет, мы практически не ссоримся. Ну, спорим иногда, конечно. Последний раз главным событием был сгоревший электрочайник.

– Это она его сожгла?

– Нет, я. А она посмеялась. Сказала, что это знак. На прошлой неделе у меня сгорел кулер в домашнем компьютере. Она любит такие совпадения. Вечно видит в них какие-то намеки свыше.

– И вы не ругались?

– Да нет… Когда она сказала про знак, я тоже посмеялся. И рассказал ей историю, которую недавно читал на форуме. У одного русского программиста в новой квартире за одну неделю сгорели холодильник, стиральная машина и пылесос. Все ремонтники головами качали – мол, странные какие-то пробои. Форменный полтергейст. Ну и у парня тоже появились такие мысли, про нечистую силу. А потом пришел к нему местный электрик, еще одну розетку подключить. Тут-то всё и выяснилось. У них в России розетки раньше были на два контакта. Но когда появилось много импортной техники, начали ставить европейские розетки. Там предусмотрена третья клемма, для заземления. Так вот, у этого парня во всех розетках на клемму заземления была выведена «фаза». То есть на корпус всех бытовых приборов шло 220 вольт. Оттого они и горели…

Чесс замолчал и поглядел на врача. Тот как будто и не слушал: рисовал какую-то каракатицу на уголке ежедневника. Намек на то, что прием окончен?

– Так что вы посоветуете? – Чесс сделал движение, будто собирается встать.

Профессор с явной неохотой оторвался от каракатицы.

– Этот парень с розетками. Вы сказали, он русский?

– Да, из Москвы. Я еще подумал, это совпадение ее позабавит.

– А вот здесь вы, возможно, ошиблись. Если бы вы навсегда покинули свою страну, вам было бы приятно слушать такие шутки? Про техническую отсталость ваших соотечественников?

– Неужели она из-за этого?..

– Только мое предположение. Но я не психиатр, а здесь нужен именно он. Вам же могу посоветовать просто быть более внимательным к ней. Возможно, тогда вы и без психиатра обойдетесь.

Он резко встал и протянул руку через стол. Рукопожатие профессора оказалось на удивление крепким, и Чессу снова вспомнилось несоответствие внешности и молодого голоса по телефону. Впрочем, глиняный африканский божок на столе еще меньше соответствовал цветным фломастерам, торчащим из его живота.

* * *

В оранжерее Фипс было жарко, влажно и зелено. В обратном порядке – сначала, еще снаружи, они заметили зелень, яркое пятно застекленного лета на фоне октябрьской охры парка. А

влажный, насыщенный ароматами воздух внутри сразу вызвал у Чесса странное чувство общности с тропическими растениями, словно он окунулся в пруд. Дискомфорт от жары он почувствовал минут через двадцать: мокрый воротник начал неприятно липнуть к шее. Но это было неважно – Натали здесь нравилось.

И слава богу. Единственное интересное место, которое он мог вспомнить, пока они спускались по ступенькам клиники. До автобуса оставалось четыре часа. Первой мыслью Чесса было отправиться на автовокзал и хотя бы там спокойно посидеть-поработать. Однако слова профессора всё еще резонировали в голове.

Она никогда не жаловалась, нет. Но теперь Чесс признал, что действительно был невнимателен. Что она видела в Моргантауне, чем увлекалась? Ну да, занималась музыкой в арт-центре при Университете, куда перевелась из своей русской музыкальной академии. Говорила, что нравится, но…

Однажды он заехал за ней чуть раньше, чем они договорились. И чтобы не скучать в машине, пошел искать ее класс. Ему указали подвальный этаж, где он долго открывал дверь за дверью, находя за каждой точно такое же маленькое помещение без окон, с точно таким же черным пианино. В этом было что-то параноидальное. После десятой пустой кельи с молчаливым близнецом-пианино он бросил поиски и выбежал на улицу. Натали ждала у машины. Он пошутил насчет клаустрофобии. Она ответила, что для занятий музыкой самое главное – тишина.

И так во всем: сплошные загадки, которые он до сих пор как-то ловко игнорировал. Прав, прав этот доктор с фломастерами.

В оранжерее он сразу повел ее к орхидеям. «Ах, какая красота! Я таких никогда не видела!.. «Но теперь обостренное внимание Чесса было не так легко обмануть: орхидеи ей не понравились. Однако он заметил, как в следующем парнике она прямо-таки бросилась к каким-то невзрачным цветочкам, больше похожим на сорняки – мелкие голубые крестики с желтым кружком в центре. Она даже погладила их. На выходе Чесс немного отстал, чтобы спросить название у смотрителя.

Пока они бродили по оранжерее, он вспомнил о музее Карнеги – Мелона. И опять согласие Натали его не обмануло: у бетонного куба музея она едва заметно поморщилась. Он предложил забить на музей, под предлогом того, что пора перекусить.

Место выбирала она. С виду вполне обычный маленький ресторанчик, но в меню нашлись «блинз». Это привело ее в восторг. Она сказала, что это, несомненно, знак: они гуляют в

верном направлении.

Тоска по родине? После обеда Чесс аккуратно, почти случайно вывел ее к русской церкви. Натали оставила церковь без внимания. А как насчет Собора Знаний? Предложение подняться в купол было встречено с интересом… но наверху, разглядывая Питсбург с высоты птичьего полета, она вновь заскучала. Зато, когда вышли, показала Чессу странную девицу, вздумавшую позагорать в октябре под самыми стенами небоскреба: «Смотри, какой смешной купальник…»

Одежда, вечное развлечение женщин! Чесс перебрал в уме несколько известных магазинов. Нет, не то. Он не знал, почему, но уже чувствовал, что в отношениях Натали с окружающим миром есть свои принципы. Большие сверкающие магазины с пластиковой вежливостью продавщиц – нет, не пойдет. Что-то другое…

Он улыбнулся, взмахом руки остановил желтое такси: «На блошиный рынок!» Водитель-негр со множеством косичек сверкнул зубами в ответной улыбке. Двигатель и Боб Марли запели в унисон.

Это было прямое попадание. Она останавливалась у каждого прилавка-развала, вытаскивала одну за другой всякие безделушки, веселилась как ребенок. Но покупать ничего не позволяла. Вскоре Чесс и сам понял, что ей достаточно лишь увидеть вещь, покрутить в руках, как очередное подтверждение своей загадочной картины мироздания – и можно идти дальше.

И только когда она выудила из очередной разноцветной груды коричневое индейское платье, расшитое бисером и маленькими зеркальцами, и долго не отходила от него, теребя какие-то завязочки, встряхивая подол, – Чесс вытащил бумажник и заплатил не торгуясь. Импровизированная примерочная из двух кусков белого полиэтилена на минуту превратилась в театр теней, но он почему-то не сомневался, что сегодня она уже не снимет это платье. Солнечные зайчики бежали за ними до самого автовокзала.

В автобусе они болтали – о жизни вообще и о том, что пролетало за окном. Она рассказала, что в России осенняя листва совсем другого цвета, более равномерная смесь желтого и красного. А здесь октябрьский лес очень контрастный, и главное, в нем есть вся палитра. Особенно ее восхищали фиолетовые деревья.

Он в ответ заявил, что хочет выучить названия цветов на русском, и она стала называть их, показывая примеры на пролетающих мимо деревьях. Деревьев было много, Чесс путал слова, и они со смехом начинали всё сначала. Потом Натали

сказала, что можно запоминать по порядку в цветовой гамме, где «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Это было еще трудней и еще смешней, Чесс запомнил только фазана, потому что фиолетовые деревья радовали Натали больше всего, и, показывая за окно, она неизменно выделяла их голосом: «Каждый… охотник… охотник… желает… каждый… желает… желает… фазан!»

Через час она уснула у него на плече, а он продолжал отрешенно глядеть в окно, точно в калейдоскоп. Где-то на задворках сознания копошилась мысль о том, что надо бы достать «пальм» и заняться фильтром, но в конце концов он решил, что достаточно повозился сегодня, проколов как будто нет, можно и отдохнуть.

Да и вообще, с чего он так подсел на эту работу… «Почему ты видишь только плохое?» За всё время, что они были вместе, Натали говорила ему эти слова раз сто. Но только сегодня он осознал, что так оно и есть. Он слишком увлекся борьбой с электронным мусором, а ведь начинал-то с противоположного! Его программа-секретарь собирала полезное, а не охотилась за вредным.

Вот Мэттью и Джон – другое дело. Они давно помешаны на спаме. Джон даже какую-то собственную религию на этой почве придумал и при любом удобном случае старается ввернуть, что каждый человек после смерти превращается в мусорную почтовую рассылку. «Знаешь, почему их называют «спамом»? Так называлась ветчина, которую рекламировали в Монти-Пайтоне. А что такое человек в гробу? Это тоже ветчина, гы-гы!» Шутка, конечно. Но вполне отражает образ мышления.

Ну ничего, вот сдадим «Маугли», а там уже можно будет поставить вопрос ребром – или мой проект, или до свиданья…

* * *

– Эй, сони, Моргантаун! Ваша остановка?

Усатое лицо водителя «Грейхаунда» повисло над ними во мраке. Надо же, чуть не проехали. Чесс поблагодарил усатого, разбудил Натали, и они вышли.

При свете тусклых фонарей даунтауна легкое дневное настроение быстро улетучивалось. И зеркальца на платье Натали поблескивали как-то зловеще. Да еще этот дурацкий сон в автобусе… Ему приснились фазаны. Они садились на деревья и свешивали с ветвей большие фиолетовые лапы, неотличимые от листьев, так что разглядеть птиц на дереве было невозможно. Но

во сне Чесс знал, что фазаны там, они сидят замаскированные в листве и чего-то ждут… Бред.

Дома они выпили чаю с купленными в Питсбурге пирожными, а потом Натали зачем-то решила переставить все цветы в доме. Чесс понимал, что у нее, в отличие от него, хорошее настроение никуда не делось, и это нормально, вот только вся эта беготня из комнаты в комнату с горшками и с комментариями про цветы, а ему бы сесть наконец за комп в тишине и заняться работой, раз уж время в дороге потратил так бездарно…

Он вздохнул, вынул «пальм» и вышел на веранду. И через пять минут понял, что лучше бы не выходил. Лучше бы лег спать и узнал об этом завтра.

«Маугли» сглючил. Он отфильтровал два настоящих личных письма. Причем переместил их не в «Подозрительные», а прямо в «Мусор». Чесс проглядел логи тестов и убедился, что сбой серьезный. И непонятно, в чем.

Дверь скрипнула. По веранде пробежали отблески электрического света. Опять эти зеркальца…

– Ты переживаешь, что не успел доделать работу? – Она подошла сзади и положила руки ему на плечи.

– Пустяки. – Чесс опустил ладони поверх ее маленьких кистей, легонько пожал их и убрал со своих плеч. – Иди спать.

– Всё будет хорошо. – Она продолжала стоять за спиной. – Сегодня был такой чудесный день! Я увидела это платье и сразу поняла, что мы не зря поехали. Это знак. Мы всё делаем правильно.

Чесс вытащил сигареты, щелкнул зажигалкой. Потом еще раз, и еще. Зажигалка не работала. Он нервно отбросил ее в кусты.

– Да перестань, какой к черту знак… У нас на рынке индейцы продают точно такие же тряпки. Хочешь, завтра сходи и погляди.

Она не отвечала. Но сама тишина вдруг стала другой. Словно что-то беззвучно оборвалось. Лопнуло.

Он обернулся.

Издалека это можно было принять за румянец, разгоревшийся на ее щеках от беготни с цветами. Но только издалека. Вблизи было видно, с ее лицом происходит нечто похуже. Особенно слева: вся щека превратилась в огромное фиолетовое пятно. Казалось, оно шевелится, продолжая расти.

Натали подняла руку, коснулась пятна. Рука задрожала.

– Я… я сейчас принесу… – Чесс вскочил, уронив сигареты.

Он точно помнил, где таблетки: на дверце холодильника, в отделении для яиц. Непослушные пальцы долго не могли открыть маленькую коробочку. Внутри лежала блестящая полоска с двумя рядами круглых пластиковых пузырьков. Все они были пусты.

Когда он вернулся на веранду, там тоже было пусто.

Чесс выскочил на улицу. Вниз, насколько хватало глаз – ни души. Пробежать три квартала так быстро она не смогла бы. Значит, вверх и за угол, на Хай Стрит. Конечно, там же аптека, где они покупали эти таблетки.

На Хай Стрит освещение было лучше, прямая главная улица просматривалась на полмили в обе стороны. Ни души. Подбегая к вывеске с красным крестом, Чесс уже знал, что никого там не найдет. Аптека была закрыта.

Он постоял, тупо разглядывая через стекло длинные полки с яркими упаковками и баночками. Всё это было похоже на игрушки. Весь безлюдный ночной даунтаун был похож на кукольный город в подсвеченной витрине большого, но закрытого магазина.

Подул ветер. Из переулка вылетел белый полиэтиленовый пакет, покружил на перекрестке и с шуршанием отполз на другую сторону улицы. Чесс поежился и двинулся обратно. Но на повороте к дому не стал сворачивать, а медленно побрел дальше по Хай Стрит. Может, она просто пошла погулять, чтобы успокоиться? Да, она любит гулять по ночному даунтауну. Для тех, кто занимается музыкой, самое главное – тишина.

Он как раз пересек красную ковровую дорожку, ведущую из отеля «Морган» прямо на тротуар, когда из стеклянных дверей отеля вышел человек в бежевом плаще и что-то сказал. Вначале Чесс подумал, что обращаются к нему. Но человек прошел мимо Чесса, словно того и не было. При этом он продолжал говорить. Человек шел по ночной улице и говорил, повернув голову вправо и делая руками жесты в ту же сторону, словно рядом с ним шел кто-то еще.

БЕЛАЯ ГЛИНА

«В твоем домашнем телефоне были счастливые семерки – целых четыре из семи. И он обычно отзывался смешным «алле» и звонким смехом, мне сообщавшим: «Вот опять ты вытащил меня из душа!» Потом рассказывался новый сон или жизненный момент.

Теперь твой телефон сменился – в нем нет семерок, лишь четверки. Три из семи. И на вопрос хозяйка дома отвечает, что будешь позже, что ушла еще вчера. Что передать?

Не говорить же старой дуре про сон и про «алле» смешное… Ну в общем, передайте ей, что скоро прилетает в город один специалист по душам. Почти сантехник. Да, она поймет».

Она должна была уехать вечером. Это уже было решено, мы всё обсудили и просто зашли посидеть к Андрюхе после репетиции. Мы пили пиво и пели последнюю песню, Мишкиных «Ангелов», когда началась гроза. Гроза была жуткой, шум воды глушил гитары, капли долетали аж до середины сразу потемневшей комнаты. Окно пришлось прикрыть – и посидеть еще. К платформе пришли уже в сумерках. Оказалось, что электричек не будет до утра: молния долбанула в линию электропередачи где-то около Нового Петергофа.

– Я возьму тачку, – заявила она.

– В такое время? Знаешь, сколько это будет стоить?

– Могу пешком пойти, прямо по шпалам. Ты ведь знаешь, я могу!

– Молнии будут бить по этим шпалам прямо перед твоим носом. Тебе мало грозы, которую мы устроили своим пением?

– Всё равно пойду.

– Ну иди.

Тут она и расплакалась – в первый раз со дня моего приезда. Не надо было мне злорадствовать. Несколько минут назад, когда мы подходили к платформе и Андрюха перенес ее через большую лужу, она остановилась и неожиданно сильно-сильно поцеловала меня. Так, как делала это раньше, спокойно и при всех. Казалось, это не я, а она была человеком, который вернулся домой. Я даже не думал, что она всё еще может так вот разреветься. Или так хохотать, как хохотала сегодня на репетиции. За время моего отсутствия она не изменилась внешне, но внутренне стала немножко другой. Более опытной, что ли. Пожившей. «Моя бывшая подруга совсем повзрослела…»

А теперь вот – нате вам. Прямо как вырвало.

– Да не реви ты! – успокаивал Мишка. – Это ж гроза. Стихия, бля! И в некотором смысле, знамение. Я вот к родной жене доехать не могу!

Успокоилась она быстро. Подозрительно быстро, сказал бы я-нынешний. Пять минут слез, еще пять минут молчаливой ходьбы, один звонок маме с инструкцией «на-случай-если» – и вот уже готово резюме: «Тогда купите мне Балтику-тройку».

Только разве же я-тогдашний всё это подсчитывал? Андрюхины рассказы и Мишкины песни, пиво и курица, приготовленная по возвращении в общагу, – всё путем, всё как раньше, вплоть до незаметного исчезновения моих приятелей, оставивших нас вдвоем в Андрюхиной «двойке». Вода еще капала на пол с подоконника, соседи сверху еще только предлагали выпить за женщин – а она уже была рядом, она была просто чудо, и я до сих пор отчетливо помню ее худую спину и ложбинки на ягодицах…

Но я-нынешний, конечно, вспомнит и о другом. Это скользкое ощущение, что тебе отдались «по старой памяти». Ощущение, в котором даже и не поймешь, что главное: то ли снисхождение к тебе за прошлые твои подвиги, то ли слабость женщины перед привычкой, то ли даже способ проверить на прочность свой новый мир?

Полностью это развернулось утром, когда по дороге в город она наговорила мне гадостей, уже чувствуя себя виноватой перед своим «Сашенькой»:

– Если хочешь знать, я от него в двадцать пять раз больше удовольствия получаю, чем от тебя!

Это было сказано, чтобы разозлить, ударить. Но прозвучало как-то оборонительно, вроде детского «сам дурак». Меня больше удивило число двадцать пять. Оно-то с какого потолка? Номер проехавшего мимо трамвая? Критический возраст? Рифма к «опять»?

Но видимо, именно тогда, с выкриком этого магического числа, прошло ее первое впечатление от встречи и началась борьба за то «тихое счастье», в которое я вломился столь неожиданно. Ах, какой негодяй! Нет, она была не прочь встретиться, но совершенно иначе! Постоять на платформе, к которой подходит «скорый», с замиранием сердца и чистой слезой переждать, пока он пронесется мимо, без остановки, без остановки… но уж никак не этот вот Голливуд, когда поезд вдруг сходит с рельсов и въезжает в здание провинциального вокзальчика. Теперь, с утра, набежали трезвые мысли, эдакие работяги в оранжевых куртках, бросились чинить провалившуюся

крышу бедного вокзала и ставить меня на место, на запасной путь, на роль интересного, но случайного любовника, который скоро уедет.

По дороге от метро к дому она вспомнила, что я давно не читал стихов. И даже это пыталась использовать – мол, ты и сам теперь другой, некуда возвращаться. В ответ я прочитал ей прошлогоднее:

подожди меня чуть-чуть
ты не то чтоб очень жди
с грустной рифмой про дожди
просто оглянись на путь

что остался за спиной
и в последнем свете дня
подожди чуть-чуть меня
там, за городской стеной

нет меня – тогда забудь
не скучай, не размышляй
шпорь коня и уезжай
только подожди чуть-чуть

– Интересно. – Она задумалась. – Ты вроде бросаешь человека в этом стихе. С другой стороны, ты даешь ему свободу выбора – ждать или не ждать. Это сложнее, чем просто «жди меня, и я вернусь». С такой свободой очень тяжело…

Розу, которую я подарил ей в первый день после приезда, она оставила у меня. Вернувшись домой, я вынул цветок из таза с водой и поставил в бутылку из-под «Каберне». Роза простояла еще дня четыре, потом засохла. Но даже засохшая, она осталась единственной в квартире вещью, на которой мой взгляд мог остановиться без нервного скачка за окно.

Я всегда недолюбливал эту квартиру. Пока был в Штатах, ее еще и обчистили. Тут и красть-то было нечего, кроме книг. Зато без них, прикрывавших углы и царапины, это помещение стало действовать на меня совершенно удручающе. Два похожих на гробы шкафа, родительский черно-белый телевизор, оклеенные совковыми обоями стены и очень низкий потолок цвета немытой кастрюли из-под кипяченого молока…

В общем, ничего странного в том, что я не выбросил засохшую розу, а повесил ее на люстру.

* * *

Две следующие (следующие не в хронологическом порядке, а в порядке памяти, что выплескивается сейчас в блокнот – возможно, приличная love story должна предлагать события в последовательно накаляющемся повествовании, небольшая такая повесть, самое «актуальное» где-то в третьей четверти, с оригинальными деталями, а ближе к концу как бы легкий прыжок мысли в сторону, на ветку за окном, либо еще какой-то литературный трюк, некое обдуманное издевательство над деревцем сюжета – например, определенный отрезок времени выбрасывается, и соединение оставшихся кусков дает это дурацкое «трагическое щемление»… но нет же, я просто переношу на бумагу историю нескольких встреч с одним человеком в месяце июле такого-то лета; историю, которая странно организована моей памятью и заведомо ею искажена, ведь в этой памяти моей, как в коробке с рыболовными принадлежностями, есть множество вещей, собранных и расположенных вроде бы хаотично, но связанных друг с другом тонкими запутанными лесками, которые тоже хранятся в этой коробке и имеют привычку соскакивать с катушек, цепляясь за всё подряд, и когда ты дергаешь одну из них, то вытягиваешь любимую чуть заржавевшую блесну-»черноспинку» и, разглядывая ее, забываешь, что полез в коробку совсем за другим, за ниппельной резиной для велосипеда, которая хранится там же, ведь из нее ты делал «кивки» для зимних удочек и не заводить же специальную коробку для кивков, а «черноспинка» между тем тянет за собой еще что-то… и главное, я совершенно не знаю, что потянуло за эту леску сегодня – может быть, фраза с урока французского или волосинка на раковине рядом с забытыми часиками только что приехавшей в штаты девушки наташи с которой мы выпили прошлой ночью бутылку merlot привезенную из софии где я сутки болтался в ожидании нью-йоркского самолета и курносая телефонистка-болгарка в паршивой гостинице была единственным человеком который говорил со мной по-русски безо всякого комплекса оккупанта в отличие от халдея из бара в пулково-2 который не хотел брать у меня стобаксовку потому что она какая-то сырая на что я ответил blow me она просто лежала в заднем кармане джинсов понюхай если не веришь и тут же сам попадаю в ужасно вонючий нью-йорк где эта зеленая рогатая телка стоит посреди воды с мороженным в правой руке и учебником права в левой и нужен еще целый год чтобы на собственной левой пальцы снова разбились о струны когда рок-группа соседа-американца пришла репетировать в наши

апартаменты и я спел им мишкину тихуюзлость и своего соседскогопса вдыхая запахтравы который они оставили вовсехкомнатах и который я чувствуюдажесеичас несмотряна работающийвовсювентилятор) – короче, две следующие наши встречи связаны с ее вторым молодым человеком, Сержем.

Уже само упоминание этого, как она выразилась, «мальчика для психотерапии», сильно пошатнуло романтическую картину неожиданной измены: оказывается, любимому мужчине и без моей помощи регулярно наставляли рога. Тем не менее, когда мы встретились втроем у выхода с «Маяковской», она все-таки растерялась, попытавшись схватить за руки сразу обоих.

Я усмехнулся, она тоже, но с каким-то жалобным «ты-же-понимаешь» взглядом. И – вот ведь парадокс! – человек, который знает и видит больше, должен уступить и сыграть «просто старого знакомого», чтобы помочь бедной блондинке, запутавшейся со своими мужиками. Даже обидеться не удавалось, настолько комизм ситуации и любопытство пересилили скучное чувство собственника. Я шел слева от них, засунув руки в карманы и разглядывая прохожих, временами отдаляясь метра на два и пропуская между ними и мной ручейки встречных пешеходов – предполагалось, что именно так, а не под ручку, ходят «просто старые знакомые». Она тем временем весело щебетала с Сержем, который, кстати, оказался довольно статным и кудрявым парнем.

В баре Money-Honey, когда Серж отправился за пивом, я сообщил ей, что жизнь в Америке научила меня различать симпатичных не только среди женщин, но и среди мужчин. Сергей, по моим наблюдениям, был вполне ничего. «И довольно неглуп для своих двадцати с копейками», – добавил я вслух, а про себя продолжил: «Чего же ты со мной-то развязаться никак не можешь?»

– Интересно-интересно! – Она стрельнула глазами в сторону Сержа и, убедившись, что он всё еще стоит к нам спиной у стойки, прижалась к моему плечу. – Про мужчин в Америке поподробнее! Тебе самому шанс не представился с каким-нибудь шоколадным красавчиком?

– Шансов там вагон. Особенно когда ночуешь в приюте «Армии спасения» в негритянском квартале Питсбурга.

– Ну и?

– Ишь, как оживилась! Должен тебя огорчить – до таких великих пидоров, как Лимонов, мне еще далеко. Ленивый я, наверно. Просто зашел – там, конечно, ни одной белой рожи – и говорю: опоздал на автобус, денег нет, нельзя ли у вас переночевать…

– А они?

– Они сначала поглядели так, что я сразу призадумался, не драпануть ли. А потом вдруг один черный говорит по-русски: «До свидания!» И ржет. Я его переспрашиваю – в каком смысле? Он тут же чертыхается и объясняет, что перепутал «до свидания» и «здравствуйте». Слишком, говорит, много лет прошло с вьетнамской войны, совсем позабыл прекрасный русский язык… А потом говорит остальным – hey buddies, это не белый, это русский, на автобус опоздал, денег нет, будет у нас ночевать, дайте-ка нам с ним хорошей травы. Так мы с ним всю ночь и сидели, трепались о бабах и о ракетах. Вообще там в Америке лучше всего к нашим относятся бывшие военные.

Вернулся Серж с пивом. Мне он принес «Хайнекен», как я просил, а себе и ей – по «Балтике-тройке». Ага, вот с кем она на это подсела. Я уехал в Штаты, вином больше никто не угощает, а «первый мужчина» какой-то приличный, вообще не пьет. Ну ясно, психотерапия с милым мальчиком научила ее разбираться в сортах «Балтики».

Она обняла его у «Гостинки» при расставании. Я в это время делал вид, что никогда не видел магазинных витрин, особенно с конструктором LEGO. Сдерживать смех было нелегко, пришлось отвернуться.

– Офигенно трогательно! Я надеюсь, он поверил, что мы с тобой учились вместе в первом классе, а потом я сразу женился на манекенщице и уехал. А может, он по моим американским шуточкам представил, что я «голубой»? Или что я полный ботаник, который всю жизнь занимается исследованием влияния лягушек на творчество Басе и Тургенева. И что сейчас ты, конечно же, поедешь домой. А я… блин, куда я-то поеду в его воображении?

– Поиздевайся, поиздевайся.

* * *

Следующий раз – снова Петергоф, куда они с подругой и Сержем приехали посмотреть Мишкино выступление на концерте. Они уже схватили где-то пива, и сразу после приезда она в компании милого мальчика отправилась в соседнюю общагу за закуской. Мы с ее подругой тем временем обсуждали Что-то Очень Интересное. Все как будто согласились принять такое распределение на пары. Всё равно оно развалилось к концу дня.

Я так и не понял, когда она переключилась. Может быть, сразу почуяла, что роль «третьего» мне не очень подходит и я

запросто могу исчезнуть. А может, это случилось уже после концерта, когда мы с ней добрались до Мишки и он стал по-старому плакаться, как хреново прошло выступление, и звук поганый и песен всего четыре дали спеть, но в следующее воскресенье мы с ней обязательно должны к нему в гости, гитара там есть, так что всё наверстаем… Я молча кивал, улыбался, а сам в который раз ломал голову: мое ли это влияние, усиленное рок-н-ролльной атмосферой – или ее привычка подстраиваться на ходу, в буквальном смысле любить ближнего, с какой бы скоростью ближние не чередовались? А может, это и не она и не я, а сам Петергоф, где мне всегда кажется, что неба стало больше и выглядит оно живее; но все говорят – обычное питерское небо, просто ты неравнодушен к этому городку, старик…

Обратно на станцию мы шли рыцарской «свиньей»: статный кучерявец и подруга впереди, а за ними на некотором удалении – она, я и Мишка с женой. На платформе я сделал отстраненный вид и на повторное предложение Мишки приехать в гости отвечал, что скорее всего приеду один, ведь это только я в отпуске, а честным девушкам надо работать…

«Ни за что! Только вдвоем! Правда?» – Мишка обернулся к ней.

Она тоже стала отшучиваться, глядя, как подкрадывается поезд, но при звуке раскрывшихся дверей вдруг юркнула между Сержем и Мишкиной женой и повисла у меня на шее. Милого мальчика втолкнули вместе со всеми в вагон, а мы с ней всё стояли на пустой платформе, и кто-то придерживал дверь. Потом она быстро шепнула: «Всё-всё, ты позвони завтра, хорошо?» – и впорхнула в тамбур.

«Глупая моя, глупая, – думал я, спускаясь с платформы на тропинку и засовывая руки в карманы. – Теперь и этому придется объяснять, «кто он такой и какие у тебя с ним отношения». А я ведь скоро уеду…»

Но другой я, циничный и наблюдательный, уже сочинял новое защитное объяснение, повторяя, что мой образ рокового любовника после сегодняшнего выглядит слишком плоско. Мой приезд не расстр***о***ил, а лишь растро***ш***л эту женщину. Одной потерявшейся буквы «с» маловато для полной смены картины мира. Но вполне достаточно, чтобы запустить ту спасительную игру, которая легко превращает любые чувства в красивый и мертвый гербарий слов.

* * *

«… Девушка открыла глаза. Рядом с кушеткой сидел мужчина в зеленом халате. Его смуглое лицо было настолько круглым и гладким, что густые брови и сливанос смотрелись как нечто постороннее, прилепленное позже и в большой спешке. Такими же неуместными казались глаза, постоянно чуть навыкате.

Зато на обложке голубой папки, которую мужчина держал в руках, виднелось симпатичное, хотя и слегка испуганное личико длинноволосой брюнетки тихоокеанского типа. Девушка не сразу узнала себя. Еще несколько мгновений понадобилось, чтобы прочесть четыре иероглифа, написанные от руки под снимком. «Моноперсональность. Тяжелая форма».

Увидев, что пациентка очнулась, доктор растянул толстые губы в профессиональной улыбке.

– Ну, как мы себя чувствуем?

Девушка неуверенно села. Нашарила под кушеткой сандалии, поправила сари.

– Мы… мы чувствуем себя лучше».

Интересно, все ли писаки лелеют в башке этот мифический образ – красивая женщина, на лице которой отражается «вся гамма чувств-с», когда она читает твое гениальное произведение? Булгаков с этим особенно постарался: его героиня даже в огонь за рукописями лазила. И ведь веришь, веришь, и сам о таком иногда мечтаешь. Пока не прочтешь последний том того же Булгакова, где письма и дневники. Где он рассказывает, как отдал перепечатывать «Мастера и Маргариту» какой-то своей молодой родственнице. И стал наблюдать. Бедняга! На первой сотне страниц вообще никакой реакции, и лишь где-то в середине девушка один разок, вяло так, ухмыльнулась.

Мне сегодня даже ухмылок не достается: утром она поругалась с «Сашенькой», и печаль омрачает ее лицо с самого приезда. Разве что немного успокоилась, пока читала. Пару раз наморщила свой круглый лобик, да и только.

– На самом деле я не знаю, как перевести эту игру слов на нормальный русский. В западной медицине MPD – это Multi-Personality Disorder, то есть по-нашему «расщепление личности». А у меня тут, как видишь, Mono-Personality, то есть наоборот, «одноличность» как ненормальность. Но аббревиатура та же самая, MPD. Собственно, с аббревиатуры всё и началось, я написал это по-английски вначале. Ну, как тебе?

– Скажем так: это еще не «большая проза».

– Да я же говорю, просто набросал идею. Очень часто так

бывает: я представляю идею отчетливо, и мне уже лень ее обрабатывать. Неинтересно.

– Я поняла. Идея ничего. Но всё равно. Стихи у тебя куда лучше. Знаешь, у меня бывают моменты, когда устанавливается такая ровная, почти семейная жизнь. И тогда я вдруг посреди этого спокойствия достаю твои стихи – и старый бес снова просыпается, хочется куда-то сорваться… В общем, чувство, что есть на свете что-то еще, помимо моей тихой потенциальной ямы. А еще так здорово узнавать всё это: и «ватной лентой дым из трубы», и хокусаевскую «Волну» на стене… Читаю и так отчетливо представляю себе эту квартиру, где не была с тех пор. И тебя вспоминаю, и твою Р-рр… ты читал ей «Ноябрьскую Сороку»?

– Читал. Ей не понравилось. Хотя она сказала, что слушать меня лучше, чем читать самой.

– А по-моему, наоборот: читать ты ни фига не умеешь!

– Ну не знаю. Ей вообще мое стихоплетство было неинтересно. И это может быть даже хорошо, когда человеку, с которым живешь, наплевать на то, что ты пишешь. Вот ты, например, можешь меня запросто избаловать и испортить постоянным цитированием моих рифмованных глупостей…

– Ах так?! Ну ладно, считай, что я притворялась, чтоб тебя не обижать. На самом деле стихи у тя все па-аршивые, а прозу ваащще писать не умеешь. Э-э-э!

Острый язычок высовывается, как конфета. Она снова, как два года назад, дразнит меня этим розовым леденцом.

– Ну да, ну да. «И вообще я тебя из головы выкинула». Чего ж ты продолжаешь читать, да всё новое требуешь? Э-э-э!

– Ну положим, я тебя выкинула, а не стихи. Это две большие разницы, почти никакой связи. А во-вторых, просто читать нечего, вот и читаем всякую дрянь. Э-э-э!

Она и сама не догадывается, насколько она права. Все мои выдуманные мультиперсоналы, да и вообще вся фантастика – ничто по сравнению с этой женщиной-оборотнем. Если бы я не слышал этого собственными ушами, ни за что не поверил бы, что еще вчера, степенно входя в троллейбус, эта самая барышня ровным голосом жены булочника заявила: «А вот Сашенька считает…» – и дальше про то, что все ваши Бродские – тунеядцы, а настоящий мужчина должен делать реальное дело своими руками. Например, печь хлеб.

Сейчас-то я уже знаю, как это работает. Как всего один день с другим человеком перестраивает это живое зеркало, а ты тем временем тормозишь, продолжаешь хранить в памяти «свой день», когда она сидит ночью у тебя на кухне, закутавшись в простыню, и звонким голосом сообщает, что тоже – тоже! –

написала стихотворение.

жить на вершине голой
писать простые сонеты
и брать у людей из дола
хлеб, вино и котлеты

Ты хмыкаешь, сочтя это шуткой. Это же Саша Черный, она прочитала его здесь, на твоей кухне, буквально на днях. Но снисходительная улыбка тут же тает, потому что она продолжает стих, уже от себя. Да так продолжает, что Саша Черный, наверное, тоже перестал ухмыляться в своем гробу:

и чтобы еще был некто
кто ходил бы за хлебом
ему бы я тоже позволил
жить под моим небом

с ним поделил бы честно
хлеб, вино и котлеты
должен же кто-то слушать
мои простые сонеты!

Ах, как хотелось бы еще потешить самолюбие этой картинкой – со мной она даже стихотворение написала, а потом погрязла в мещанстве с булочником. Но теперь, с моим возвращением, снова оттаяла, снова тянется к свету…

Чушь собачья. Да, она комплексует из-за отсутствия образования – но через два года будет легко говорить по-чешски, потому что новый мужик увезет ее в Прагу. Как супруга бывшего военного, она не позволит мне поцеловать ее даже в пустом трамвае – но еще через год подцепит триппер от турагента, а потом забеременеет от врача, вылечившего ее от триппера. Когда я встречусь с ней снова, она будет жить с программистом и рассказывать мне за обедом о вирусе Iloveyou. Я же в ответ посоветую ей подцепить английского лорда, ведь с ним она всего за год сделается настоящей леди, да и мне будет где останавливаться в Лондоне. А лет еще через пять, во время очередной нашей встречи, я пообещаю свести ее с американским астронавтом. Потому что если землянам когда-нибудь суждено связаться с другими цивилизациями – это, пожалуй, единственный способ.

Но это будет позже. А сегодня я просто ловлю себя на том, что когда она сидит у меня на кухне, я не вижу ни драных обоев, ни серого потолка… ни даже засохшей розы на люстре.

* * *

– Как тебе эта маечка?

– Вполне.

– Серьезно, я не уверена. После всего, что ты про юбки наговорил…

– Я серьезно. Повернись. Очень милая маечка, ты в ней чудесно выглядишь. Хотя в моей рубашке и с голыми ногами было круче. Но ты ведь такой костюм только для первых знакомств используешь, вместе с хорошо наведенным дождем – ах, я вся промокла, нет ли у вас какой-нибудь рубашки… Страшная сила эти вымокшие девушки.

– Издеваешься опять? Ладно, поехали.

В Новгороде тихо и хорошо, как всегда. Тот же Волхов с сильным течением, которое уносит нас с ней под мост, когда мы купаемся. Тот же обветшалый Кремль с мрачным и пустым Софийским собором.

– У тебя было обалденное лицо, когда ты свечку ставила. Такое даже фотографировать нельзя. Было бы время, притащил бы пастели и нарисовал.

– Тебя бы выгнали. Тут, наверное, нельзя рисовать. Разве что иконы.

– У тебя был очень иконический лик. Я бы сказал, что спутал.

– Ох уж мне твои комплименты с двойным дном! Кстати, одна моя подруга сюда ездила креститься. Я вот думаю – может, мне тоже?

– Давай-давай. Это сейчас не менее модно, чем мобила, но гораздо дешевле. Опять же, среди священников стало много молоденьких и симпатичных…

– Да ну тебя.

Юрьев монастырь закрыт, но проходящая мимо тетка показывает нам лаз, которым пользуются местные художники, чтобы забираться внутрь.

– Я рассказала Саше твою историю про девочку, которая цитировала фильм «Красотка». Он сказал, что не заплатил бы за меня триста баксов. А ты бы заплатил?

– Я бы заплатил триста пятьдесят.

– Ты свинья. – Она останавливается, глаза полыхают гневом. – Я думала, ты скажешь…

– А какого хрена я должен что-то говорить, а? Твой мужик, с которым ты живешь уже больше года, о котором ты вечно повествуешь с эдаким придыханием, говорит, что не заплатил бы триста баксов за ночь с тобой! Это, значит, не свинство? Это значит «Сашенька», да?

– Ты дурак, ты ничего не понимаешь!

Она садится в траву и плачет.

– Мог бы быть хоть один человек, который сказал бы мне… хотя бы в таком месте…

Подошедший к колонке мужик в плавках косится на нас. На его месте я бы подумал, что мы репетируем кино: она очень красиво всхлипывает среди невидимых стрекочущих кузнечиков и каких-то высоких стеблей с желтыми цветками.

– Ладно, перестань. Извини. Меня ведь тоже мучает, что я опять уезжаю.

Мы подходим к колонке, ждем, пока мужик наберет свои ведра. Эх, как давно я не пил из колонок! А раньше знал все колонки в нашем городке. Лето, провинциальная банда пацанов на велосипедах – «Эй, я видал классное гороховое поле за Слободой, айда?» – «Погнали! Только сначала на колонку, пить охота ужасно!» – «А там как раз по дороге колонка, у моста». Дзинь-дзинь! «Я буду до-олго гнать велосипе-ед!» – напевали девчонки, подскакивая на багажниках… А сейчас – тихо и жарко, только кузнечики да шуршанье травы на ветру.

– Я хочу туда!

Она показывает на колокольню.

– Там закрыто, видишь.

– Всё равно. Вон лестница стоит, пойдем залезем.

Подойдя ближе, видим, что лестница упирается верхним концом в голую белую стену.

– Полезешь? – ехидничаю я. – Ладно, пойдем человеческими путями.

Мы перелезаем через загородку на входе и шагаем вверх по замусоренным ступеням. На самой верхней площадке несколько запачканных известкой мужиков хохочут, рассказывая друг другу матерные анекдоты. Один из них, бородатый, подскакивает к нам.

– Сюда нельзя! Только с разрешения батюшки настоятеля!

– Мы только посмотреть… – Она выглядывает из-за моего плеча: волосы распущены, взгляд «дядя-дай-конфету».

– Нельзя, – повторяет мужик.

Я смотрю на него в упор. Америка научила меня какой-то

наглости, связанной – как бы это покрасивей? – с чувством собственного достоинства отдельно взятого индивидуума. К тому же, черт побери, я в этом городе родился! Так что я смотрю на него с видом человека, который мог бы и не бриться сегодня утром (о как опять длинно на русском а там бы сказал просто смотришь по-доброму и мысленно произносишь fuck you и это так легко представить первый ударный звук будто открываешь баночное пиво а потом низкое ю-е эдакая отрыжка a la jim morrison…).

– Пять минут. Потом мы сразу уйдем.

– Ладно. – Бородатый подмигивает мне и возвращается к своей компании.

Мы подходим к перилам. Внизу – белые стены, деревья и широко разлившийся в этом месте, спокойный Волхов. Эта ее фотография оказалась потом засвеченной.

Спускаемся обратно. Под самыми стенами – маленький пляж с десятком народу. Здесь совсем не ощущается течения.

– А ты когда-нибудь пробовала в воде? – Я подплываю и обнимаю ее.

– Не говори так. У тебя интонация, как у одного моего бывшего… Противно звучит.

– Ну извини. Просто я тоже пробую разные маски. Пойдем на берег, пора уже.

– Тут неудобно выходить, камни…

– Держись, я тебя вынесу.

На берегу она оглядывается: местный народ, спокойный и даже какой-то пришибленный, не особенно интересуется приезжими.

– Подержать полотенце?

– Да не надо, я и так могу.

Она скидывает бретельки купальника, поднимает с земли майку, не спеша надевает. Встряхивает мокрыми волосами.

– Эффектно. Но, по-моему, никто, кроме меня, не успел оценить.

– Да нет, вон там мальчик глазки вылупил. Сейчас его девочка надает ему по шее…

Она вдруг крепко-крепко прижимается ко мне.

– Ты чего?

– Прощаюсь с тобой.

– Но я же здесь, и буду с тобой еще две недели.

– Я прощаюсь заранее, чтобы не ныть потом, в последние дни. Хотя всё равно ведь буду ныть.

По дороге к вокзалу я покупаю ей валдайский колокольчик. «Ура, теперь у меня тоже есть!» – веселится она, позванивая двумя

колокольчиками, новым валдайским и тем маленьким на браслете, что я привез из Пенсильвании. Колокольчики, распущенные волосы, длинная свободная юбка – сейчас она выглядит замечательной славянской хипповкой, совсем не такой, какой бывает в Питере с его метро, трамваями, рекламами и этими рожами в барах…

В электричке она засыпает. А я гляжу в окно – и радуюсь, что еду не на машине. Есть такая особая прелесть в электричках, которая недоступна в автомобиле и которую я почти уже забыл в Америке. Эта прелесть – смотреть в окно. Да-да, в машине тоже есть стекла. Но в электричке или в поезде можно сидеть непосредственно перед окном и смотреть во все стороны, а не только на дорогу, как это чаще всего получается в машине. В электричке вообще ничего не знаешь о дороге; это как бы дом с окном, который перемещается. Можно даже сесть спиной, а не лицом по ходу движения, и смотреть на остающиеся позади деревья, а не на те, что бегут навстречу. Так и сижу я сейчас, рядом с симпатичной усталой девушкой, которая спит, положив голову мне на колени. Сижу и смотрю на убегающие деревья. И на тихую реку ее волос, перехваченную деревянным мостиком заколки, что так похож на мост через Волхов, с которого мы бросили монетки, «чтобы вернуться».

Мы вернемся, только порознь. Через год она приедет в Новгород креститься. А через два года, стоя на том же мостике, я напишу трехстишие про туман на обоих берегах. Его опубликуют на английском и японском в самой читаемой токийской газете Mainichi Shimbun под заголовком «Международный конкурс хайку. Второе место». Первое займут другие три строчки, написанные женой какого-то дипломата. Про птиц, летящих домой.

* * *

Мягкое зеркало, светлая глина… Я сгребаю ее пушистые, как снег, волосы в две горсти, держу ее голову в этих горстях и смотрю, как она меняет лица. Плаксивая гримаса ребенка и звериный оскал чередуются с каждым новым стоном. И только с последним, самым громким, появляется третье лицо, полностью расслабленное и пустое. Никакое.

– А ты крепкий мальчик. – Она падает в кресло, и блуждающая улыбка Джоконды возвращает лицу осмысленное выражение. – Черт, я и не знала, что ты так можешь. С места в карьер, прямо у стенки – ух! – и чтоб меня так довести.

– Да брось. Сама говорила: неделька тренировки, и я войду в норму. И не делай вид, что забыла, как ты сама тут пищала два года назад. «Ах, я и не думала, я с тобой вообще не собиралась!» Нет, я вообще в курсе, что после первого раза все женщины говорят именно эти слова. Но когда это вновь говорит та же самая…

– Это только для тебя та же самая. Ты вообще не из этого мира. Ты тут ни с чем не согласен, у тебя каждая вторая фраза начинается с «ну почему же» или «да нет». Как будто ты вообще ни во что не веришь, кроме тех вещей, которые сам придумал.

– Ну почему же «ни во что». Я готов поверить, что ты совсем не помнишь ту себя, которая уже была здесь. Даже могу разумное объяснение предложить. Если человек умеет быть очень разным, то скорее всего, он не умеет противоположного – фиксировать в себе что-то общее, что-то единое. Твоя смена ролей действительно должна отшибать память, иначе полного погружения в новую роль не получится.

– Как-то очень заумно. Или это опять такой хитрый комплимент-издевательство?

– Наоборот, я очень рад, что ты пока еще не улетаешь совсем, когда твоя реальность в очередной раз меняется. Какие-то общие мотивы еще нахожу, к счастью. Что-то стабильное. Вот ты говоришь «не собиралась» – но могу спорить, что у тебя зубная щетка с собой.

– Угадал, зануда! Кстати, про общие вещи. Как бы это тебе помягче сказать…

– Ну-ну?

– В общем, тебе на будущее, для успешного общения с дамами. Ты мой голову почаще. С чистыми волосами ты куда привлекательнее.

– Блин, я же не виноват, что в этой стране летом никогда нет горячей воды! Мы с тобой где последний раз вместе мылись, помнишь? В общаге у Мишки! «Привет, мы с этой девушкой познакомились на выставке китайской живописи, а у вас есть горячая вода, можно мы к вам в душ залезем?!»

– Знаю, знаю. Я же говорю, на будущее. Меня из твоих фоток больше всего приколола знаешь какая? Там, где твоя американская Ленка лежит на газоне в центре города. Попробуй-ка у нас ляг на газон. Неделю потом будешь отмываться…

– …в холодной воде! Вот как я сейчас пойду. Хотя она там в черном, так что ей не грозит.

– Разве? Мне казалось, в чем-то пестреньком.

– Это Флорида вокруг пестренькая, а она нет. Я помню, потому что мы с ней заметили это, когда фотографировались.

Она рассказывала, как еще в Совке ее родителей постоянно таскали в школу за то, что она носила всякие шелка вместо школьной формы. А я рассказал, как доставал своих профессоров на экзаменах – у меня были такие веселенькие джинсы, с цветами всех цветов на заднице и в паху. А потом мы посмотрели друг на друга и расхохотались – двое в черном, посреди цветущего Санкт-Петербурга.

– Чего-чего цветущего?

– Это город во Флориде, где фотки сделаны. Тоже стоит на гнилом заливе, только на Мексиканском, а не на Финском. Там еще есть музей Сальвадора Дали, вроде нашего Манежа, и туалет в нем тоже бесплатный.

– Что, так прямо и называется – Санкт-Петербург?

– Ага. И даже когда говоришь про другой Санкт-Петербург, они там удивляются точно так же, как ты. Захожу я как-то в магазинчик, беру пиво. На кассе сидит какой-то обкуренный Бобмарлей. Плачу за пиво, а он спрашивает, чего у меня за акцент, не из Финляндии ли я. Я говорю – нет, я из Санкт-Петербурга, город такой в России. Он не верит! Я ему снова рассказываю – мол, «это у НАС был царь Петр, и это У НАС придумали Санкт-Петербург, а вы просто тут у себя скопировали!». И знаешь, что этот Бобмарлей мне ответил? «Сильная у тебя трава, брат!»

– Ты лучше про тезку-Ленку расскажи. Это она у тебя в «Городе Непроданных Цветов»?

– Она самая. Мы с ней тогда встретились в Питсбурге, он как раз посередине между моим городом и ее. Съехались «на собаках», это автобусы такие, «Грейхаунд». Сняли комнату в отеле и… гуляли два дня по городу. Я знал, что она любит тюльпаны, и когда провожал ее на автовокзал, всё высматривал по дороге какой-нибудь цветочный магазинчик. Но как назло, ничего не попадалось. Она так и уехала без цветов, вся в черном. А я вышел из «Грейхаунда», свернул за угол – и увидел тюльпаны: они продавались на каждом углу этой улицы, прямо такой тюльпановый пунктир на три квартала вверх. Там «Город» и написал, пока в «Макдональдсе» кофе пил.

– Прочитай.

– Ты уже читала.

– А теперь хочу послушать. Ну давай, не ломайся! Ты только что сделал с честной девушкой такое, за что можно целый букет сонетов требовать.

– М-да, это сильный аргумент. Ладно, слушай…

Несите, Серые Собаки,

нас, потерявшихся во мраке
пустых обид и лишних слов —
в Город Непроданных Цветов.

И мы приедем в Город Камня,
в Город Тоски и Суеты.
Однако это в нём – та тайна,
что знаем только я и ты.

Вокруг нас будут миллионы,
но все они – туристы там,
не знают хитрого закона:
с утра нужно упасть в фонтан,

потом в кафешке придорожной
словно пароль, спросить блинов,
и только так проникнуть можно
в Город Непроданных Цветов.

В нём всё как в Каменном, всё то же:
те же такси, та же зима,
тот же, сам на себя похожий,
отель на Беличьих Холмах.

Но потерявшимся во мраке
там вдруг становится светлей…
Как жаль, что Серые Собаки,
дав нам всего лишь пару дней,

вновь разлучат. И над домами
растает, как один из снов,
открытый и закрытый нами —
Город Непроданных Цветов.

* * *

Было еще несколько встреч, в основном торопливых и неуютных. Лишь иногда по ночам ненадолго возникало ощущение, что всё как раньше – когда она, завернувшись в простыню, выходила курить на балкон и перешучивалась оттуда со мной звонким голосом. На фоне двухсложных англоязычных фраз, то и дело всплывавших в моей голове, ее шутки казались

самой поэзией. Хотя сейчас-то понятно, что она просто говорила со мной на моем языке, со всей этой витиеватой самоиронией, которую никогда не использовала с другими. «Французский престол опять остался без наследника!» – это значит, с Сержем она не залетела. «Свободный американец не получился» – это уже про меня.

Но чаще бывало иначе. Она приезжала на последней электричке, когда я уже переставал ждать и становился злым. А уезжала рано утром – на работу, либо посередине дня, если это был ее выходной. Иногда она просто говорила на том конце провода: «Сегодня я работаю, а завтра тоже не получится, мы с Сашей собирались…» Усталая и вечно недосыпающая, она хотела успеть всюду, не ругаться ни с кем. А я при этом был человеком, который всё равно скоро уезжает, который однажды уже уехал, сказав: «Ты же понимаешь…»

У нее начался отпуск, который тоже никак не был связан со мной: неделю она собиралась провести у бабушки, потом еще неделю – в походе на байдарках; всё это было давно запланировано, билеты куплены, обещания даны. За пару дней до ее отъезда мы поругались. Это была одна из тех ненужных коротких встреч, которая не принесла ничего, кроме раздражения. Я позвонил только через два дня – она собиралась на поезд, и добраться до центра за сорок минут я уже не смог бы. Да и не хотел. Ей действительно нужно было отдохнуть. И мне тоже – я еще не видел многих знакомых и не был во многих местах, которые нужно было посетить за время отпуска. К тому же, оставшись один, я обнаружил, что у меня почти закончились деньги, а я еще даже не купил обратный билет.

Между бабушкой и байдарками у нее был день в Питере, и это был день нашей последней встречи. Московский вокзал, проливной дождь – и еще два часа у нее дома. Ее торопили (она уходила в поход в этот же вечер), кто-то звонил и она отвечала ему удивительно ласковым голосом. Я пил чай и говорил гадости. Было и несколько совсем небанальных моментов – например, ее взгляд, когда она вышла из душа с полотенцем на голове; но подобные мимолетные ощущения всё равно невозможно описать, их можно только пережить, да и то довольно быстро начинаешь сомневаться – а было ли там что-то такое или я просто выдумал это сейчас, сидя на берегу реки Мононгахелы и глядя на фонари набережной, которые со своими длинными отражениями в воде очень похожи на свечки в Софийском соборе Новгородского кремля.

Чем нежнее ведут себя люди при расставании, тем тяжелее им расставаться. С другой стороны, когда один из них это

понимает и начинает намеренно вести себя грубее – второму становится еще тяжелей. А если это понимают оба…

Чем-то средним между эскимосским поцелуем и поцелуем слонов мы закончили-таки наше затянувшееся прощание в подъезде, и я вышел на улицу, чувствуя спокойную, почти незаметную грусть. И вместе с тем – облегчение. Я снова был – эх, еще одна красивая банальность, это нужно не говорить, а чувствовать – никому не нужным и свободным. А может быть, свободным и никому не нужным. Что-то там в математике не меняется от перестановки слагаемых, хотя и выглядит по-другому.

А что-то меняется, хотя выглядит так же. Я сунул руку в карман за сигаретами – кроме сигарет и чьей-то зажигалки, в кармане оказалась еще коробочка из-под духов, в которой лежал маленький стеклянный слон. Зеленый. Я хотел вынуть его и посмотреть, но вместо этого вынул сигарету и закурил. А слоника в коробке переложил из кармана в сумку, чтобы он не поломался.

* * *

«Кошка.
Привет, Кошка.
Которая гуляет… Гуляющая.
Сама по себе. И не только по себе.
Кошка – ладошка. Ладошкой гуляет. Иногда по мне.
А теперь уже – нет. Теперь я черти где.
Кошка – кот. Во! Кот в Сапогах.
У чертей на рогах, где?.. С Людоедами воевал.
Кошка моя, Кошка.
Гуляет по Питеру. По Ленинграду. Ее город – Ленин Град.
И я прикачу назад, в каменный Ленин Град.
Где кошка. Где мышка. Уронила банку. Чижа слушает.
«Должен же кто-то слушать мои простые сонеты!»
Сигареты.
Читает Гальперина, что я оставил. Мурлыкает. Киска.
Купила бы «Wiskas»?
Хрен вам, это только негры в Приюте Армии Спасения едят.
Черные кошки.
Рожки? Ага, рога.
А у меня тут что? Скука. Устану и вернусь.
Нет, тут работа. Закончу и уеду.
Какая, к черту, работа? Всё тот же ветер в башне…»

По аэропорту быстрым шагом идут парень и девушка. Она – в белом и голубом, он – с переговорным устройством. Я догоняю их и иду рядом.

– Не подскажете, где здесь можно достать конвертик?

– Мы вам можем дать, – отвечает парень.

– А вы на чем летите? – интересуется девушка.

– На «Балкане».

– Ну-у-у! – смешным хором тянут они. – Так вам у болгар и надо конверты спрашивать.

– А вы кто?

– Мы Air France!

– Я тоже хотел через Париж лететь, да билетов уже не было. Следующий раз – обязательно с вами!

– Ну идемте, так и быть, дадим вам конвертик.

«*Привет, моя милая Кошка, гуляющая сама по себе, гулявшая когда-то по мне мягкой своей ладошкой. Я, твой Кот в Сапогах, теперь у чертей на рогах – чертям наставляют рожки ихние черные кошки. Средь них, поедающих «Wiskas», я кисну от скукоты – нету, нету беленькой киски, веселой и умной, как ты, которая бродит сама по себе в далеком городе на Неве, а нагулявшись, дымит сигаретой, читает мои простые сонеты, а также книжку «Играем блюз», и что-то мотает себе на ус. Я тоже мотаю чего-то, но тут еще есть работа – перехитрить Людоеда. Вот перехитрю – и уеду. Не вечно же с ветром в мозгах по свету скакать в сапогах! И я прикачу назад, в каменный Ленин Град, где самая милая Кошка гуляет сама по себе, где будет гулять по мне та ласковая ладошка*».

* * *

Вначале, при знакомстве, они похожи на детей. Я знаю, это впечатление обманчиво, но ничего не могу с ним поделать, когда снова вижу, как они собираются перед репетицией – разболтанная походка и пестрые одежки, эта их вечная помесь спортивного костюма и домашней пижамы. Я даже научился отвечать на их слишком широкие улыбки такой же автоматической гримаской. Вернее, не научился, а незаметно привык. И сам обнаружил это лишь в Питере, где продавщица в булочной вдруг заявила, что я над ней издеваюсь, и то же самое повторилось и в винном, хотя в обоих случаях я очень мало говорил, зато улыбался.

К чему я не привык, так это к фразе «Как дела?», которую они бросают по привычке, лишь как приветствие, а я по своей

привычке задумываюсь – как же всё-таки дела? Они же, будто позабыв меня, идут на сцену и убирают декорации с предыдущей репетиции, в финале которой героиня неожиданно разделась догола, заставив меня чувствовать себя как-то неловко в темноте пустого зала. Не из-за наготы, а оттого, как их обманчивая детскость вдруг переключается на недетское. И тут же, когда ты почти поверил – обратно: вот она выходит из-за кулис одетая, улыбчивая, закидывает на спину розовый кукольный рюкзачок… Помахала рукой, убежала.

А на сцене уже построено другое помещение, и кто-то спрашивает, как там свет в окно. Кричу в ответ из зала, что оно больше похоже на окно мертвецкой, чем то, что выходило в сад. Они на миг становятся серьезными, очередное переключение: мои советы «настоящего русского» регулярно озадачивают их. Для этого они меня и позвали консультантом на постановку «Трех сестер». Самыми большими достижениями моих консультаций на сегодняшний день стали эскиз самовара (который оказался совсем не чайником, как они полагали) и текст загадочной русской песни про новую веранду, а также аккорды для ее исполнения («Ой вы сени, мои сени», как всякая народная песня, легко легла на три блатных). А сейчас они, по ассоциации с мертвецкой, вспомнили мой вчерашний комментарий о четном числе роз в букете. Побежали к столу пересчитывать.

«Всё правильно, нечет!» – кричат радостно, как школьники-хорошисты. И снова с шутками-прибаутками передвигают мебель. И кто-то вертит пистолет на пальце.

Но пауза безделия уже замечена режиссером. Дженнифер, худая и немного сутулая брюнетка в зеленом тренировочном костюме и красной фланелевой рубахе, проносится по сцене, спрыгивает в зал, бежит к пульту где-то за моей спиной и неожиданно суровым голосом заявляет в микрофон «Okay. One minute».

Детский сад опять исчезает. Последний взрыв смеха и шепот из-за кулисы затухают одновременно с лампами. И как будто совсем другой воздух разливается вместе с тишиной и темнотой…

Зато при появлении актрисы, я улыбаюсь первым: припоминаю школьную программу. А заодно и то, что прочитал гораздо позже. В последнем томе, как обычно. Письма Чехова, где он рассказывает о своих муках творчества – сижу, мол, на курорте, всё замечательно, но нужно написать очередную пьесу о тяжелой русской жизни, не знаю как начать… На этом материале Голливуд мог бы сделать отличную, и главное, совершенно реалистичную комедию. Без всякого заламывания рук и вырубки

садов, без самоубийств и прочего депресняка.

Когда-нибудь я расскажу Дженнифер об этой идее. Но не сегодня. Ролей на переправе не меняют. Сегодня я должен сыграть «настоящего русского» до конца. Тем более что я так вжился в роль: они уже косятся на меня с ужасом.

– Послушай, Алекс, я знаю о системе Станиславского! – Дженнифер нервно дергает ключ зажигания, газует, и мы отъезжаем от Creative Art Centre. – Нас всему этому учили не один год! Но это же не значит тупо копировать других людей!

– Ну, Джен, ты же сама просила сообщать мое мнение, особенно по поводу всяких несоответствий. Вот я и сообщаю. Русские офицеры прошлого века не должны размахивать руками, как диджеи с MTV. А барышни не должны орать, словно они на митинге лесбиянок у Белого дома.

– Ты участвовал в митингах лесбиянок? Круто!

– Нет, я участвовал в марше протеста против блокады Кубы. Но когда все дошли до Белого дома, это мистическим образом превратилось в митинг долбаных лесбиянок. У вас в стране такие превращения на каждом шагу. Вот и с нашим Чеховым вы чертиче вытворяете.

– Понимаешь, мне в общем-то не важно, чтобы всё было точь-в-точь, как у Чехова. – Она выруливает на шоссе, подрезая здоровенный грузовик. – Главное, чтобы мои актеры выразили себя в этой пьесе. А всё остальное… Грубых ошибок нет, и ладно. Самовар у нас как настоящий, песня про веранду есть, число роз нечетное. А уж как руками двигать, как говорить – это работа актеров. Как они сами это понимают. Кстати, ты будешь указан в программке как консультант, на третьей страничке.

– Главное, чтобы на первых двух внизу была фраза «Переверните, пожалуйста, страницу!», – отвечаю я. На самом деле видел такие надписи в американских буклетах.

Но в общем-то она права. У них другая актерская школа. Брюс Уиллис всегда играет Брюса Уиллиса. Школа одного лица, школа звезды вместо школы отражений и оборотней.

На улице вечереет, и холмы по краям дороги постепенно теряют свой насыщенный зеленый цвет. Зато становится хорошо видно кладбище на одном из склонов: белые пунктиры могильных камней бегут к вершине холма, точно разметка аэродрома. Среди камней ходит человек. Я не сразу понимаю, что это газонокосильщик – очень уж странно выглядит здесь его работа. Хотя, с другой стороны, на этом кладбище нет никаких оградок, одно ровное зеленое поле на всех. Раздолье для

газонокосильщика.

Я закрываю глаза и переношусь из машины Дженнифер в отечественную электричку, которая стучит по рельсам в районе Обухово. За окном пролетает русское кладбище, похожее на деревню гномов. У каждой могилы – свой заборчик, своя скамейка, свои цветы. Совсем другая картина загробного мира, полная противоположность.

Выходит, даже рай у нас разный. Вполне логично. Ведь рай – это место, где человек получает то, чего не хватало в жизни. Индивидуалисты-американцы сыты по горло заборчиками и оградками еще на этом свете. Поэтому, умирая, они объединяются на ровном зеленом поле. А нашим, наоборот, при жизни хватает коллективизма. Так что загробное счастье у нас – собственный домик в деревне, хоть что-то свое наконец. И оградки, оградки…

Смерть исправляет все перекосы, Джен. Вот кто лучший театральный критик.

* * *

Снимаю трубку. Нажимаю кнопку, на которой, если смотреть с моей стороны – значок «бесконечность». Короткие гудки. А может, так и лучше? Дорого, все-таки, в такую даль звонить. Или набрать еще разок, для верности?

Черт, совсем забыл: в этой стране межгород по-другому набирается! Ладно, всё сначала. Международный код, код города, еще семь цифр… и я снова, чертыхаясь, бросаю трубку. У нее же давным-давно другой номер, идиот. Сколько еще ты будешь жить в прошлом? Сколько тебе еще повторять, долбаный ты писатель, что самая человечная книга – телефонная? Листай, ищи, прижимай пальцем. Вот так. Теперь набирай.

– Алле?

– Здорово, чучело.

– Это ты?! Привет! Ого, сколько ж у вас?!

– Около четырех.

– Ни фига себе ты гуляешь!

– У нас ведь суббота! Я тут учился в бильярд играть. С соседями моими. Ты получила письмо?

– Получила. Мур-р-р… Всё не соберусь ответ написать.

– Ну как ты там, вообще?

– Да всё нормально. На самом деле, только что встала. На работу собираюсь. Да, я в Новгороде была снова! С Сержем.

– Молодец. Нового мужика себе не нашла еще?

– Ну-у… Тут вот Саша сидит, телевизор смотрит…

– Ага. Помирились, значит.

– Да вроде как. А ты, значит, сразу расстроился?

– Наоборот. Я ж переживал, что поломал тебе всю жисть опять. А у тебя, вишь, всё в кайф. Ну и здорово.

– Ладно, не язви. Стих мне всё равно понравился.

– Ну, у нас этого гуталину… Кстати, я там еще по пути в Болгарии сережки классные купил, из какого-то камня. Тоже хотел послать. А потом вспомнил, что у тебя уши не проколоты.

– Да. Но ты ведь найдешь, кому подарить. Как твоя француженка?

– Не приехала еще. Тут вообще никого еще нету. Жарища… Слушай, хорошо бы мой следующий отпуск с твоим совпал.

– Конечно! Съездим куда-нибудь вдвоем. На море.

– Я постараюсь следующим летом… Shuddup, you morons! Тут эти пьяные уроды сидят, ждут, когда я договорю с «другим полушарием». Мы собрались «Doors» послушать, а меня вдруг пробило позвонить.

– Ха! Ты там так звучишь, как будто с дюжиной девиц.

– Да не, только эти, соседи-американосы мои. И вообще, я тебе уже говорил: лучше тебя всё равно никто не умеет делать…

– Тихо, тихо! А то и вправду поломаешь мне всю семейную идиллию.

– Ладно, закругляюсь. Ты пиши хоть, что ли.

– Напишу.

– «Напишу, напишу»… Все вы так говорите.

– Ну-ка, эй! Не вешай нос!

– Ладно. В общем, давай, всем приветы. Пока.

– Ну пока.

– Ну клади трубку.

– Ты первый!

– Ладно, давай на счет «три» вместе.

– Давай.

– Раз, два, тр…

Щёлк. Би-ип. Би-ип. Би-ип. Ту-ру-ру… И почти такой же, как у нее, голос, только на другом языке:

«If you'd like to make a call, please hang up and dial again».

В ЖАРКОЙ НОЧНОЙ ТИШИНЕ

Впервые я услышал этот звук, когда мы с Чессом сидели на веранде и курили его CAMEL. Я только что показал Чессу, как сделать из названия американских сигарет русское слово САМЕЦ. Потом разговор завертелся вокруг японской поэзии и местных цикад: мне нужно было сочинить хайку для конкурса, и Чесс предложил написать про насекомых, разоравшихся вокруг.

– Да это разве цикады? – говорил я. – Это скорее кузнечики.

– Кузнечики не поют, – возражал Чесс.

– В России все поют, кузнечики тоже, – выдвигал я свой козырной аргумент.

– Ну, не знаю… Но на цикад и вправду не похоже. У них на тон выше.

Тоже мне, энтомолог, подумал я. На прошлой неделе я принес большого зеленого богомола – раньше только на картинках видел, а тут живой, прямо на тротуаре сидит в центре кампуса, как его только не раздавили! Я поймал его, посадил на плечо и пошел домой. А там Чесс как раз закончил ванную мыть. Выходит навстречу с баллончиком какой-то химии и гордо рассказывает, что с муравьями покончено. Вдруг на полуслове замолкает и с криком «Jesus Christ!» роняет свой баллончик. А потом начинает гоняться за мной по дому, требуя «избавиться от этого таракана».

Если он так же хорошо и в цикадах разбирается… Но сказать об этом я не успел. Потому что со стороны ручья раздался другой звук, отрывистый и скрежещущий.

– Уау! Вот это уж точно не цикада… – заметил Чесс. – Это я-не-знаю-что!

– Похоже на лай больной собаки. Простуженной, – предположил я.

– Может, больной русский кузнечик? – развил гипотезу Чесс.

– Скорее, бешеный американский газонокосильщик. Ходит и деревья подпиливает. Траву-то вы всю выкосили, психи, теперь за деревья принялись.

Их помешательство на борьбе с травой стало одним из моих самых сильных впечатлений лета. Я видел газонокосильщиков везде – в парках, во дворах, на кладбищах. Однажды, когда мы с Чессом ездили в горы, я заметил на крутом каменистом склоне человека со штуковиной, похожей на миноискатель. Он ходил и что-то искал между валунов. Это был, конечно же, газонокосильщик. На следующий день в местном университете какой-то профессор назвал поэму Уолта Уитмена «Листья травы»

национальным достоянием, и я не смог сдержать нервный смешок, очень удививший всю аудиторию.

– А ведь точно… – Чесс выпустил два кольца дыма. – Похоже на газонокосилку, которая не заводится. Или на столярные работы. Лобзик, наждачка… А, знаю! Это древесная лягушка!

– Чего ж она разоралась?

– Небось, одинокий залетный самец, вроде тебя. Наши лягушки ему не катят: толстые, глупые и сексом могут заниматься только в автомобиле. А у него нету. Вот он и мается.

– Сам ты одинокий самец!

– Я нет! Вон идет моя – как там у вас? – Царевна-Жаба.

Со стороны холма показалась Ленка, Чессова подружка. Она преподавала в университете русский, но явно затормаживала развитие самого Чесса в этой области. Многие совершенно необходимые в русской жизни слова тщательно скрывались от бойфренда, решившего получить степень бакалавра по русской литературе. А про некоторые другие слова она давала ему заведомо ложную информацию. Например, недавно Чесса уверили, что «Ленка» и вообще все слова с суффиксом «к» свидетельствуют о грубости и наглости говорящего.

С приближением этой неправильной училки к нашему дому крупногабаритный Чесс запорхал в воздухе, а вместе с ним запорхали «Леночка», «дорогая», «конечно», «минуточку» и прочая такая ботва с акцентом. Огорченный потерей собеседника и вообще обиженный за державу, я молча затянулся очередной сигаретой. Чесс тем временем слетал наверх в спальню, за какое-то мгновение собрался, скатился вниз, пропустил Ленку к двери и сам двинулся за ней на улицу. Но затем сделал шаг назад, просунул голову в дверь, хитро подмигнул мне и громко прошептал скороговоркой: «суканахуйблядьпиздец!»

Я не совсем понял, к кому это относится, но порадовался, что мои уроки тоже не проходят даром. Еще недавно Чесс не мог произнести ничего подобного, хотя и распознавал эти слова на письме. Как-то зимой, в перерыве между лекциями, я бродил по кампусу и писал некоторые короткие русские выражения на крышах и капотах заснеженных автомобилей. Вечером Чесс, вернувшись с работы, клялся, что видел, как одно из моих «любовных посланий» неслось по хайвею в направлении штата Массачусетс. Уже тогда он был достаточно благоразумен, чтобы не спрашивать значение этих слов у Ленки, а сразу обратиться за переводом ко мне.

* * *

Сидя в одиночестве, я продолжал сочинять японское трехстишие. Но выходила лишь какая-то ерунда:

в жаркой ночной тишине
что ты точишь напильником,
о лягушка?!

Дальше наслаждаться этими запилами не хотелось. Я вынул из холодильника пиво и позвонил Наташе в Пенсильванию. Говорят, что Тельцы – очень практичные люди. Одна моя знакомая даже называла меня «подлым Тельцом» за то, что я вечно изображаю эдакого хаотичного поэта-художника, но при этом из всякого базара извлекаю пользу. Вот и сейчас, поболтав о том о сем (у них тоже пили пиво и играли в карты), я «кстати-о-птичках» спросил, как по-английски «напильник».

– А тебе-то нафига? – удивилась Наташа.

Я рассказал про конкурс хайку и про загадочную древесную лягушку.

– Класс! Но как будет «напильник», я не знаю. Погоди, тут есть одна американская русская…

Через минуту трубка снова задышала:

– Слушай, она не знает, что такое «напильник». Пойду у соседей спрошу.

Пока она ходила спрашивать, я сидел и слушал, как гудит вентилятор и как неведомая зверушка пилит неведомое дерево на берегу ручья.

– Напильник будет «файл»! – сообщила Наташа, вернувшись к трубке. Она учащенно и эротично дышала. Небось, бежала всю дорогу, блондинистая моя, подумал я с удовольствием.

Мы поболтали еще немного, и я отправился спать, сожалея, что Наташа всего в двух часах езды и при этом так недоступна, поскольку я ленюсь сдавать на права, а сама она редко приезжает, вся в учебе. Лягушка-напильник продолжала скрежетать, но я в конце концов уснул.

* * *

В пятницу мы пошли к соседу Майклу пробовать его самодельное пиво. Я долго думал, что взять в подарок соседу – то ли пачку «Беломора», то ли чудовские спички. Остановился на «Беломоре», потому что мало ли что. В прошлом году, сразу после приезда, я подарил одному соседу спички. А он мне на следующий день притащил в подарок тяжеленный огнетушитель.

Я уже потом сообразил – может, это не сосед ко мне заходил, а какой-нибудь пожарный инспектор? Пока еще не знаешь языка, все они на одно лицо.

Перед походом на пиво к нам с Чессом присоединился его двоюродный брат Сэм. Он адвокат, очень серьезный мужик. Даже когда мы в прошлые выходные купались в водопаде, съезжая на задницах по большим плоским камням, у Сэма было такое лицо, будто он сейчас скажет: «Ваша Честь, обратите внимание на эти скользкие водоросли…»

Но, кроме шуток, Сэм – не дурак. Работка у него такая, что дураком быть просто нельзя. Он мне однажды рассказывал про свое последнее дело: лошадь на скачках сломала ногу, и ее владелец судился с администрацией ипподрома. Так Сэм полгода изучал анатомию лошадей, чтобы выиграть этот процесс. А когда он приезжал в прошлый выходной купаться, я видел у него в «бардачке» книжку о бабочках, но всё же постеснялся спросить, что за дело на этот раз.

Говорить с ним о загадочной твари, поселившейся за нашим домом, я тоже вначале не собирался. Тем более что пить мы начали у Майкла в подвале, где вообще не слышно никаких звуков снаружи. Однако там мне быстро надоело. Американцы почему-то пьют пиво стоя. Невзирая на это, я обычно всегда нахожу, куда пристроить задницу. Но в подвале Майкла всё было как будто подстроено к моему приходу: совершенно не на что сесть, кроме ледяного цементного пола и холодных бочек с пивом.

И главное, стоило мне об этом заикнуться, как они сразу потребовали рассказать еще чего-нибудь о диковинных обычаях русских. Начался очень длинный разговор, во время которого я пытался объяснить, почему мы в Питере греем пиво зимой:

– Летом жарко, так?

– Так.

– В кайф выпить холодного пива, так?

– Так.

– Зимой холодно, так?

– Так.

– В кайф выпить подогретого…

– Ни за что! Пиво подогретое не бывает! Представь, Алекс – ты на пляже, жара… и еще пиво горячее! Бр-рр!

– Блин, но это же летом, когда жарко, так?!

– Так.

– Но зимой же холодно, так?..

И опять по кругу, всё сначала. В конце концов Сэм тоже понял, что разговор зациклился, и предложил выйти на воздух.

Мы вышли с пивом на задний двор и, стоя над ручьем, любовались природой. Сэм увидел невдалеке дерево с белыми цветами и тут же сказал его название – которое я тут же забыл, но зато спросил:

– А слышишь – вот это? Будто наждачкой по камню… Всю ночь мне спать мешало! Чесс говорит, это лягушка.

– Маловероятно. Лягушки так не орут. Я думаю, насекомое. Или даже птица, – ответил грустно-задумчивый Сэм. И почему-то добавил: – А ты слышал, как кролики верещат, когда их режут? Ужасный звук, правда?

Я промолчал. Я не слышал, как верещат кролики.

– Вот, кстати, еще одно интересное явление, – продолжал Сэм, отхлебнув пива. – Похоже, Майкл приучил свою собаку не срать на своей территории!

Действительно, лохматый Твелвгейдж уютно примостился прямо за нашим домом. Ограды между дворами не было, но пес Майкла верно вычислил, что у нашего дома – чужая зона, а значит, можно гадить вдоволь. Закончив, он подхватил зубами свою любимую «летающую тарелку», которую перед этим заботливо положил перед собой на землю, и убежал. А я на всякий случай запомнил место, чтобы не вляпаться.

* * *

В выходные скрежещущая «не мышонка, не лягушка» отошла на второй план. Конец пятницы вообще не зафиксировался в памяти: в рамках культурного обмена я показывал американцам, как делается пивной пунш. Тот самый, про который мой приятель Жора обычно рассказывал так: «А потом кто-то сделал этот пунш. Не помню только, кто…»

Субботу и воскресенье мы провели на Дип Крик, где учили Лиз, племянницу Чесса, нырять с мостков под плакатом «Купаться запрещено». Я лишь раз вспомнил про загадочное существо-напильник, когда по пути обратно Чесс на скорости сто миль в час высунул за окно губную гармошку. Получилась совершенно шизовая музыка ветра. И мне сразу пришло в голову – а может, нет у нас за домом никакого особого существа? Просто ветер так шумит, треплет какой-нибудь сухой листок между сучьев.

Но в этот вечер я всё равно ничего не слышал: вернувшись домой, сразу заснул как убитый. Свежий воздух, купание, ну понятно.

Зато в понедельник! Я пришел с работы усталый, поел булки с молоком, послушал старый «Аквариум» и лег спать. Вернее,

только лег. В душном ночном воздухе, под аккомпанемент скрипачей-цикад выводил свое соло одинокий напильник. Закрыть окно было бы просто самоубийством: вентилятор, стоявший на подоконнике и тянувший свежий воздух, был единственным спасением от жары. А когда-то я думал, что он гудит! Да по сравнению с этими наждачными звуками вентилятор был просто шепотом любимой девушки!

Я провалялся без сна еще полтора часа, обдумав всё, что только можно обдумать, если лежишь в тридцатиградусную жару на полосатом пододеяльнике и слушаешь надрывающуюся за окном лягушку или кто там еще.

В третьем часу я не выдержал и спустился вниз. На кухне сидел Мэт и ел разноцветные макароны. Увидев меня, он заржал: наверное, решил, что я иду звонить. Месяц назад ночью, когда я лежал на полу в прихожей и разговаривал по телефону с Маринкой, Мэт вернулся из бара, перешагнул через меня и пошел спать; встав в полвосьмого утра и спустившись вниз, он обнаружил, что я всё еще лежу в прихожей и разговариваю; он тогда сразу спросил, не дам ли я ему на минуточку телефон – позвонить в дурдом; но я успокоил его, сообщив, что говорю не с Россией, а всего лишь с Северной Каролиной.

– Проклятая древесная лягуха! – объяснил я свою теперешнюю бессонницу. – Ни хера не дает спать!

– Take my gun and take care, – предложил Мэт.

– Не, лучше молочка попью. Может, засну.

– It might help, too.

Но поднимаясь в спальню, я вновь услышал… Все окна в доме были открыты, и казалось, под каждым сидит пьяный сантехник и перепиливает толстую трубу мелким рашпилем. Я передумал возвращаться и вышел на улицу.

Ага, вот оно что! Их уже двое! Немного поодаль от первого источника звука завелся второй. И они, суки, теперь переговариваются! «Шрых» – «шырых-шырых»… «Шрых» – «шырых-шырых»… Я попробовал подойти ближе, но передвигаться в темноте по колючим кустам оказалось непросто.

Абзац! Царь Природы. На рубеже XXI века. В одних трусах на берегу ручья, в третьем часу ночи. Жертва напильникофобии. Разозлившись, я схватил горсть камней и запустил ими на звук. Потом еще очередь – по второму.

Странные звуки смолкли. Под ласковое пение цикад я вернулся в дом. Мэт оторвался от разноцветных макарон:

– Did ya show them bastards where Russian crayfish stay the whole fuck'n winter?

– Типа того.

Я поднялся в спальню и лег. Как хорошо – только цикады и вентилятор. Однако…

Блин, мне опять не спалось! Я понял, что лежу и думаю о древесной лягушке. Почему она кричит каждую ночь? Почему замолчала? Может, я убил редкое животное или помешал ему искать подругу? А может, это все-таки не животное, а какое-то странное явление природы? Бывает, деревья от мороза трещат. Интересно, трещат ли они от жары?

Тишина со слащавыми цикадами раздражала чем дальше, тем больше. Я снова встал и, стараясь идти тихо, вернулся к ручью. В воздухе висела какая-то безнадежность и пустота. Я пнул ногой булыжник. Он скатился в ручей и булькнул в воде.

И тут меня осенило. Я поднял два плоских камешка, успев подумать, что если меня сейчас увидит Мэт… («Знаешь, Джоди, наш русский совсем того. Ошизел парень без баб совершенно. Прикинь, выхожу ночью на веранду, а он у ручья голый стоит. И в каждой руке – по здоровому камню…»)

Да хер с ним, с Мэтом. Пусть дивится на загадочную русскую душу. Я потер камни друг о друга. Нет, не так. Повернул один камень ребром и снова потер: над ручьем раздалось «шырых-шырых». Потом еще раз.

И тут в отдалении – метров пятьдесят – раздался ответ.

«Зараза!» – вслух сказал я и почувствовал, что мой рот против воли растягивается в улыбку.

Напильник шырыхнул снова, уже значительно громче. Неожиданно для самого себя я размахнулся и швырнул камень в его сторону. Звук опять смолк – и тогда я пошел спать.

ИДЕАЛЬНОЕ КАФЕ

В одно из воскресений лета 2001 года жена вытащила из шкафа футболку с надписью Blue Moose, разбудив во мне давнюю ностальгию по тому смутному и вечно ускользающему объекту желаний, что зовется «идеальным кафе». Там, где я взял эту футболку, я еще не формулировал это так явно. Не формулировал и потом, в других городах и странах. И лишь спустя пять лет, в то самое воскресенье, понял, что всегда выискивал это смутное нечто. Подсознательно, но жестко отметал множество вариантов в той же Праге, выбирая именно тот столик, где через час познакомлюсь с Мартой и Стивом – конечно, случайно, но всё же…

Если бы не футболка, я, наверное, и не признался бы себе в этих играх. Я вообще забыл, что она у меня осталась, забитая в дальний угол шкафа. И не надевал ее с тех самых пор, как вернулся из Штатов. Может быть, даже подсознательно избегал такого напоминания. А может, просто потому, что она с длинными рукавами, в отличие от моих привычных T-shirts.

На футболке даже есть адрес: 248 Walnut Street, Morgantown WV. Стеклянный угол дома, черно-белый шахматный пол и штук восемь столиков, среди которых нет двух одинаковых. Запах какао и приглушенный контрабас Мингуса из колонок. Мое главное убежище от культурного шока, от слишком чужого мира и тоски по дому.

И одновременно – нечто вроде теплицы, где прорастали деревья новых знакомств. Смешливая Эдриан, рассказавшая мне, что открытый зонтик в помещении – плохая примета: «Лучше пусть останется мокрым, ты же всё равно не надеваешь его на себя!» Мрачный Шон, решивший вдруг оправдаться перед незнакомцем за строгий черный костюм: «Настоящий американец надевает костюм лишь в трех случаях, у меня сегодня не самое страшное…» Сэм и Дженнифер, затащившие меня в свой театр. Мэт и Чесс, с которыми я поселился на следующий год.

Было бы наивно думать, что эта стекляшка-кофейня в университетском городке совершенно переключила мне голову, подсадив на беспроигрышное удовольствие от столкновения с неизвестностью. Нет, конечно. Избавиться от шелухи стереотипов – это значит еще и понять в себе то, что уже никак не изменится. Но именно там, за угловым столиком в Blue Moose, теория хаоса перестала быть темой моей диссертации и стала темой жизни.

Вечер штатовской псевдосчастливой рутины.

За окном кафе шелестят машины.
Сам себе напевая арию Магдалины,
ты «имеешь свой кофе».

Думаешь о муравейниках, о лавинах в песочных кучах,
о правильном понимании слова «случай»
и о том, как сложно разгонять тучи,
когда их мало.

И не думаешь: о самоубийствах и их причинах,
о трехстах милях между женщиной и мужчиной,
и о необходимости жить под такой-то личиной
не думаешь абсолютно.

За соседним столом ржёт какая-то китаянка,
из колонок льется джазовая перебранка…
Что, не в кайф? – вынь свой плеер, где плачет Янка.
Это жизнь в свободной стране.

И лишь выйдя на улицу, где холодно и неприятно,
ловишь образ: прошлое, куда не вернешься обратно,
как бельё перед стиркой – везде какие-то пятна.
И черничные среди них.

Наверное, после возвращения я автоматически начал искать то же самое у нас. Но вскоре стало ясно, что Blue Moose Cafe – лишь модель. Оно не было идеальным. Тем более что Питер – город кафе, и здешней кулинарно-архитектурной музе есть чем завлечь прохожего. Попадались заведения, которые в чем-то были даже лучше того, американского. Но в чем-то другом по-прежнему не догоняли. И вот наконец футболка, извлеченная из шкафа, в свою очередь вытащила из памяти всю цепочку моих поисков и вынудила собрать все эти смутные «что-то» в более-менее цельную картинку.

* * *

Итак, каким должно быть идеальное кафе? Во-первых, светлым. Даже прозрачным. Большие окна: разглядывание прохожих является одной из важнейших компонент кафешного времяпрепровождения.

Лучше всего, если кафе находится на площади или в угловом

доме на перекрестке, а окон как таковых и нет – их заменяют полностью прозрачные стеклянные стены. В любом случае, кафе не должно быть в подвале: хватит этой мрачной достоевщины, скиньте этого шизофреника с парохода и топор его бросьте вслед ему!

Идеальное кафе должно быть чистым, включая воздух и атмосферу вообще. Сюда же относится и дизайн: у меня нет к нему особых требований, и модное ныне развешивание на стенах всяких странных предметов меня не особенно интересует. Другое дело, что в хорошо оформленных кафе и за чистотой обычно следят. Не знаю, входит ли название в понятие дизайна. Однако кафе, названные в честь экзотических животных, почему-то оказываются аккуратнее.

Но еще больше это зависит от меню. В идеальном кафе должны подавать хороший чай и кофе, а также разнообразные пирожные и торты. Чем разнообразнее, тем лучше – тогда можно будет, наблюдая за посетителями, проверить теорию о том, что люди чем-то похожи на десерты, которые они заказывают.

Неплохо, если в кафе подают коньяк и вино. А вот пива там не должно быть. Я не против хороших пивных, но это отдельная песня. То же самое – насчет еды. В наших широтах словом «кафе» часто называют маленькие рестораны и закусочные, где в основном едят и выпивают. И в принципе, хорошо, когда в кафе можно поесть. Но во многих подобных местах неизбежно селится некий дух столовки, чего не хотелось бы.

Идеальное кафе, которое я имею в виду, – совсем другого происхождения. Это больше похоже на открытые кафе южных стран, где принято медитировать за чашечкой кофе, пережидая сиесту или наблюдая, как ленивый официант сметает осень с твоей половины стола. Но «наше северное лето – карикатура южных зим», и прямой перенос к нам открытых кафе обычно тоже выглядит карикатурно. В них то мерзнешь, то попадаешь под дождь, не говоря уже о ветре, который норовит унести весь стол.

Другое дело, когда создается особый северный вариант такого места. Всё то же самое, только отделено от улицы стеклом. Здесь и медитация совсем другая: взглядом ты еще остаешься на промозглой улице, но сам уже находишься там, где тебе тепло и неспешно. И на этом контрасте, в этой тихой паузе «выхода из игры», всё видится совсем иначе.

не замечаешь
или стараешься не замечать
что дождь
падает всё медленнее

что люди
становятся больше похожи
на птиц
а деревья наоборот
но ты

не замечаешь
сопротивляешься или просто
слишком занят гербариями
пока наконец
всё накопившееся не сваливается
разом —

однажды утром касаешься
стакана с горячим чаем
и вздрагиваешь
увидав за окном

белый автомобиль
засыпанный снегом
а сверху
еще зелеными
листьями

Идеальное кафе должно быть маленьким, не больше десятка столиков. Большие скопления людей вообще отвратительны; худший вид одиночества – одиночество в толпе.

Правда, из того, что было сказано о медитации, можно сделать вывод, что я ищу в кафе одиночества. Отчасти это верно. Но речь идет об одиночестве особого рода. Если угодно, об управляемом одиночестве. Вот столик, у которого стоит только один стул. Он выглядит слишком пустым, голым. Я сажусь за такой столик только в крайнем случае. Даже если я один, пусть будет еще парочка стульев по бокам. На плечи одного из них вешаешь куртку, и словно бы делишься надвое – тут тебе и собеседник рядом сидит, и сам ты без куртки расправил плечи, другой человек совсем.

А всего таких столиков штук семь, и желательно, чтобы все разные. С учетом двух прозрачных стен должно получаться, что каждый столик оказывается у окна. Питерские кафе на старых центральных улицах обычно имеют лишь пару окон или вообще одно. Поневоле возникает соревнование «за иллюминатор». Хотя, если умение занять столик, а точнее, интуитивный выбор

времени прихода считать врожденной способностью настоящего охотника за идеальным кафе, то довольно и этого.

Столики не должны стоять впритык, как в фастфудах. Но в то же время – еще одна хитрость управляемого одиночества – они не должны быть слишком разрежены. Посетители в идеальном кафе не мешают друг другу; однако, если они решили перекинуться парой слов, это выходит естественно, без крика через весь зал, но и без нарушения границ личного пространства (подходов и подсаживаний).

Я знаю хороший эквивалент этой дистанции – после знакомства, которое началось с удара по голове в кафе на Староместской площади Праги. Сидевшая позади меня испанка рассказывала своему спутнику, что ее багаж улетел в другую страну. И как истинная испанка, сопровождала ругань жестами. Один из самых широких достался мне. Так мы и подружились. Мораль: столики должны отстоять друг от друга на расстояние вытянутой руки темпераментной испанки.

Вообще, в современном городе очень мало мест, предназначенных для ненавязчивого знакомства. Может быть, во всем виновата пресловутая демократия, уничтожившая одновременно и светские рауты, и народные гулянья. Или же проблема в том, что сама скученность населения заставляет больше заботиться об изоляции, оставляя для новых лиц только узкие двери с фиксированными бирками – тут работа, где всё по уму, а тут дискотека, где наоборот. В этом случае кафе может стать хорошей отдушиной: ты вроде уже не в монастыре, но еще не на улице.

В этом смысле очень интересны пабы Лондона. Множество людей самых разных возрастов, собравшись в маленьком помещении вокруг бара, стоят с кружками в руках, группами по два-пять человек – и вся эта огромная толпа говорит, говорит, говорит часами… Сразу вспоминаются наши пивные советских времен. Нет, я вовсе не ратую за возвращение тех обшарпанных круглых столов на одной ножке. И всё же что-то такое в них было, чего в нынешних, «культурных» пивных уже не бывает. Я немного отошел от темы, но думаю, это наблюдение поможет лучше понять сказанное о дистанции между столиками идеального кафе.

* * *

Особый случай – поздний вечер и ночь, когда разглядывать за окном кафе нечего, да и народу почти нет. В это время в

идеальном кафе должно быть хорошее освещение, чтобы можно было читать, писать и рисовать.

Ну, и если на то пошло, идеальное кафе должно быть открыто круглосуточно. До недавнего времени большинство приличных кафешек в Питере закрывались до одиннадцати. Это особенно неудобно летом, когда ночи такие светлые, что можно запросто опоздать на разводку мостов или на поезд. Тогда приходится коротать время в заведениях типа привокзальных бистро, не отличающихся чистотой. Впрочем, именно по ночам в них включается своя странная романтика, какой не бывает в других кафе.

Пустая платформа.
Брешь в расписании электричек.
Цок. Цок. Цок.
Стрелки остановившихся ног.
– У вас нет спичек?
– Нет. У меня зажигалка.
– Какая разница.
– В общем-то да.

Щёлк.
Как икона: лицо, огонёк,
и сзади тёмная глыба неба…
– Спасибо.
– Не за что.
Цок. Цок. Цок.

Кошачий глаз сигареты,
вальсирующий прочь.
Знаете, какой самый белый танец?
Это – Белая Ночь.

Ладно, к танцам еще вернемся. Пока что мы только вошли и… Да, столики. На таком расстоянии, что официантка свободно проходит между, но при этом болтает одновременно и со мной, и с теми, кто сидит за соседними. Ведь она – это тоже медиум, аккуратный посредник между любопытными, но ненавязчивыми одиночествами.

Именно она, а не он. Официанты-мужчины… ну, я бы мог привести здесь некую классификацию. Но пожалуй, не буду. Я сам работал официантом. Так что просто поверьте: в идеальном кафе – она, а не он.

Но и она не абы какая. И дело тут не в привлекательности –

хотя экзотика иногда берет свое. Заходишь в маленькое минское кафе «Безе» и натыкаешься на удивительный букет из трех Лен сразу: Лена-уличная в голубом, Лена-ресторанная в красном и самая обонятельная, Лена-администратор в розовом. Сразу хочется переименовать Минск в Ленинград.

Однако в идеальном кафе официантка чаще всего одна: невысокая, худощавая брюнетка с короткой стрижкой. Сказать «разговорчивая» или «веселая» будет неточно. Скорее, умеющая включаться – и включать. Даже эдакая язвочка при случае. Вроде одноклассницы, которую ты встретил через много лет. В Москве похожие официантки попадались в «Китайском летчике». Но самая идеальная обитает в стране настоящих Алис, в лондонском кафе Lido на углу Dean и Old Compton:

– Вам понравился наш торт?

– Не очень. Я не люблю миндаль.

– Нет-нет, так нельзя! Скажите сейчас же, что вам понравилось!

– Зачем же врать-то?

– Ну скажите, чего вам стоит! Мне будет приятно.

– А если не скажу?

– Я вам сдачу дам мелочью!

– Ну ладно. Мне понравился ваш торт.

– Вот видите, как просто! Заходите еще!

Но есть более важная вещь, связанная с персоналом. В конце концов, пол официантов не так важен: общение с ними носит характер двух-трех коротких диалогов. А вот что длится гораздо дольше, так это музыка. Никакой дебильной телерадиомузыки! Людей, которые ставят в кафе телевизоры или включают нон-стопом «Европу Плюс», нужно вообще стерилизовать на месте. Многие хорошие заведения начисто испоганены этой, казалось бы, мелочью, которой обычно управляет кто попало. Например, официант с самым плохим вкусом. Особенно грустно наблюдать, как западная медиаоккупация разрушает медитативные традиции Востока: даже в египетской или турецкой чайхане теперь не скроешься от проклятого MTV.

В идеальном кафе должно быть тихо. Ну, не то чтобы полная тишина, как в парижском Signes, где работают только глухонемые (хотя в огромном городе и это в радость). Хорошо, если в кафе играет какая-то негромкая и ненавязчивая музыка, вроде старого прохладного джаза. Вообще, диджеи должны работать не на радиостанциях, а в кафе. Когда он что-то крутит на радио, это всё равно как в пропасть плевать, никакой обратной связи. А в кафе, только поставил попсу – получи тортом в табло, и в качестве вишенки – расчет от хозяина, потому что люди перестали

заходить и заведение разорилось. И наоборот, если музыка нравится, то именно в кафе можно сразу узнать, что это было. Я сам таким образом завел себе несколько хороших дисков.

Живая музыка тоже бывает к месту, хотя иногда она слишком явно нарушает границы управляемого одиночества, делая тебя невольным сочувствующим. Но немного можно. Только не раскрученные группы, на которые набивается полный зал. Достаточно просто хорошей импровизации на классические темы. А еще лучше – то, что было до классики: этника.

И без слов. Вместо них лучше то, что было до слов: танец, универсальный язык одиночеств. Танцовщица появляется неожиданно, словно прямо из музыки, как пламя над углями, рассказывает свою историю, как бы споря с музыкантами… и так же неожиданно исчезает. Так в питерском кафе «Че» одно время танцевали фламенко.

но что мне сказать ей
которая так танцует
в этих красных стенах
где человек человеку че

нечего
даже если ночь
разведет мосты
и польется август

даже если в этот четверг
она снова черкнет по мне
самым краем юбки
и отстучит мое имя
своими чертовскими каблучками
все четырнадцать раз

да лучше я сдохну
чем рот открою

До сих пор я описывал идеальное кафе как нечто неизменное, эдакий последний приют. Но раз уже произнес «одно время», надо признать: всё на свете меняется. А иные вещи, даже не меняясь, наскучивают. Или просто перестают работать, как тот столик на Староместской площади, где мы познакомились с Мартой – через год он был там же, но уже не тот.

Однако искать идеальное кафе не значит гнаться за новизной. Ведь кафе само по себе транспорт. Нечто вроде

прогулочного речного трамвайчика, только наоборот: там плывешь ты, а здесь мимо проплывают все остальные. Прохожие, машины, голуби – поток образов, не дающий зациклиться на одной мысли. Этим и хороши угловые кафе, выходящие прозрачным «носом» на перекрестки. С ними центр города превращается в огромную гавань, где ты просто выбираешь себе корабль.

Хотя это питерское, конечно. А может, даже советское: созерцательное настроение общественного транспорта, где не требуется самому крутить руль и следить за дорогой. В Москве совсем другая «культура движения». Бум новых кафе здесь совпал с расцветом среднего класса, молодых-деловых на своих четырех. У них принято кочевать по кафе компаниями, эдакий урбанистический спорт – кто быстрее пометит новое место и стащит оттуда чашку, покуда не набежали все остальные. Первые ОГИ и вторые ОГИ, первые ПИРОГИ и вторые, и так далее до «Билингвы»…

Иногда забавно поиграть с ними в этот кафешный флешмоб, втихаря противопоставить их скоростям свою пешеходную интуицию и безошибочно забрести в то самое заведение, где подмигнет из самого стратегического угла бородатый Ицкович – верный признак, что место еще не засиженное. А то можно и вовсе изобразить приезжего, позволить им самим таскать тебя за собой. Здесь главное – играть простачка убедительно и до конца. Иначе, стоит лишь разок иронически усмехнуться, и придется долго оправдываться перед той, что сидит за рулем. А она еще, чего доброго, заслушается и свернет не в ту сторону на головокружительной развязке.

Ты припаркуйся сначала, чучело. Вот, теперь я скажу тебе, что имел в виду. На прошлой неделе я записал в дневнике (дневник, моя радость – это не в Интернете, это такой блокнот из хорошей бумаги, в него пишут тонкой чернильной ручкой исключительно для себя, сидя белой ночью в стеклянном кафе под гитарное Nova Menco, нескончаемое El Rio) – в общем, там появилась запись: «Ехал в маршрутке, которой рулила женщина. День прожит не зря!» А буквально через два дня в два ночи ловлю тачку на Староневском – и тоже девица-таксист…

Нет, никаких комплексов по поводу эмансипации. Наоборот, ностальгия. Серьезно. Есть такая фраза, по которой Левон меня вычислил своим штампомером: «это было давно и в другой стране». И точно! Мне уже и не вспомнить имя моей первой феи на колесах, потому что она мне его не сказала, белая «тойота королла». А вот Кэтти я помню по имени, у нее были куклы на заднем сиденье «фольксвагена» восемьдесят пятого года, и я

думал, она меня так и угробит вместе с этим своим teddy bear и плюшевым зайцем – мы долетели до Джорджии за каких-нибудь восемь часов, потому что ей надо к маме до темноты, она даже в сортир меня не пускала до самой второй Каролины. А уж все эти пенсильванские лены-наташи с automatic transmission, раз в два года бросающие своих русских мужей-программистов – это просто кранты, какой они вышибают канкан из педали газа, рассказывая «почему» и сбивая зеркальца встречным «фордам». Да что там «форды»! Даже «грейхаунды», эти серебряные междугородние басы, водят там здоровые черные тетки, по пяти часов без отрыва глядят на дорогу как совы, я всё время пытался подслушать, о чем они думают всё это время, но так и не смог – вся моя кинестетика разбивалась об их эбеновую недвижимость на 90 mph.

Так что мужские стереотипы по поводу баб за рулем – давно проехали, и я не про то. А совсем про другие вещи, которые начинаешь ценить в другом возрасте. Когда понимаешь: всё, за что ты вчера так крепко держался, на чем строил свою уверенность в жизни, сегодня уже всё равно не отклеится, даже если захочешь – не смыть ни водкой, ни мылом, приросло к тебе намертво, навсегда. И поэтому сам уже начинаешь искать если не люк из этого танка, то хотя бы полоску света под дверью. Хотя бы это недолгое, но светлое ощущение, когда такая вот маленькая ведет тебя за руку. Тут и комплексовать не о чем, если заранее знаешь, что всё равно она не заведет далеко, всё равно придется брать ее на руки и нести самому. Да и это ей вскоре наскучит, и она без проблем соскочит и помчится дальше сама – нахрена ты ей нужен, неповоротливый человек-танк.

Но пока она ведет тебя – пусть. И даже неважно куда, ведь сам ее псевдоуверенный способ перемещения отличается от твоего псевдоброуновского так, что точку сборки может закинуть аж за багажник, когда она, выбегая «смотреть места» в очередной супермодной кафешке, запирает тебя одного в своей тачке, и ты очень медленно тянешься к банке пива, стараясь надуть детектор движения – поспешил! – визг сигнализации! – всё сначала… «Слушай девочку и дудки», – говорит мне Костя-Краник в микрофон, и Таня-Конфета зажигает весь зал простенькой песенкой из мультфильма. Рыжая труба орет как сумасшедшая, и как щепка трещит броня, слышишь, рыжая – я уже полторы минуты думаю на твоем языке, я почти дотянулся до чертовой банки. Baby, you can drive my car.

а ведь так и уснул бы
на этом хрустальном мосту
над речным трамваем

если б только
отсюда не было видно
той треугольной парковки
у Киевского вокзала

пустота
даже у тебя
уголки бывают такие
что и в горле першит
и стекла царапает

позвони мне
когда там построят «Макдональдс»
я приеду
за кока-колой

Похоже, все-таки придется рассказать о «Макдональдсах». И здесь без развесистой метафоры тоже не обойтись.

Обычно, если мужчина хочет сделать комплимент девушке, которую не назовешь красавицей, он хвалит лишь отдельную часть ее тела – скажем, «у вас красивые глаза». В этом особенно преуспел известный писатель Харуки Мураками. То ли ему по жизни не везло, то ли он подсел на это как на успешный литературный прием – не знаю. Но факт: у него такие девушки буквально в каждой книжке. Одна с чудесными ушами, другая с ямочками на щеках, у третьей пальцы какие-то особенные… Словно по разным книгам разбросаны обрывки одной фотографии. Точь-в-точь фрагменты идеального кафе по разным городам.

Однако среди некрасавиц модного японца есть исключение. Близняшки из «Пинбола». У всех других героинь эти странные уши-ямочки подчеркивают индивидуальность. Но когда о девушках сказано лишь, что они одинаковые, – это самое антииндивидуальное, что только можно представить. Именно поэтому в западной культуре, помешанной на исключительности, к близнецам относятся с опаской. Так же, как к зеркалам – ведь в зеркале живет двойник, покушение на индивидуальность. Зеркало искажает, но немного: левое меняется на правое, зато остальное копируется точно. Похожее, но не тождественное – это действует на нервы. Неспроста зеркальными двойняшками так часто населяют фильмы ужасов.

Подобными закосами под Дэвида Линча в конце концов увлекся и Мураками – но только после, после «Пинбола», когда

уже продал свой джаз-бар и начал строчить толстенные романы об исчезнувших женщинах. Мы-то с тобой, Митька, давно догадались, что женщина у него везде одна и та же, а уникальные уши-ямочки – лишь маскировка в угоду Западу. Но «Пинбол» он писал еще там, дома, в своей собственной кафешке. Всё еще будучи настоящим японцем, для которых близнецы – вполне естественная штука. Как двойная иголка сосны, их национальный символ. Как не бывает дзенского сада камней из одного камня: к чему подменять очевидное единство на фальшивую исключительность? И даже в их языке нет единственного числа. Все и так понимают, о чем речь, и вовсе не нужно добавлять к предметам искусственную «одинокость», как это делают в наших переводах японских стихов. «Одинокая луна» – ну не смешно ли? Где они видели двуокую, в страшном сне?

Наверняка и Мураками смеялся, когда писал про близняшек. Так, может, зря он забросил свой джазовый бар? Может, именно там, между свежими салатами и старыми дисками, он гораздо быстрее нашел бы то, что ищет теперь по всему свету?

в полночь
на безлюдной Дворцовой
саксофонист
такой маленький
у подножья колонны
спиной
к мокрым улицам
лицом к своему двойнику
в полированном камне
в асфальте
отражения фонарей
перевернутый город
в лапах бродячей собаки
и уже непонятно
который
из двух инструментов
эхо

Так вот, о фастфудах. Я уже успел их пнуть, и не совсем справедливо. Стереотипное отношение к ним связано в основном с едой. Но идеальное кафе, как было сказано, – место не особенно едовое. И тот же «Макдональдс» при прочих равных частенько обыгрывает другие заведения по умению красиво пришвартоваться к площади, да и по внутренней геометрии. В Питере неплохой обзор открывается со второго этажа такой

стекляшки у Василеостровской. А минский «Макдональдс» – чуть ли не единственное живое место на хмуром центральном проспекте.

Но главное в этих кафешках – эффект близнецов. Сначала всё вроде бы просто, а когда сталкиваешься с этим в чужой стране, то даже приятно – хоть что-то знакомое. Но потом понимаешь: похожее не значит тождественное. Разница в мелочах, трещинка в зеркале…

Честно говоря, я не знаю, нужен ли такой эффект в моей истории. Ведь раньше я описал идеальное кафе как пароход, уносящий от знакомого к незнакомому. А тут получается нечто, идущее встречным курсом. Совместить вряд ли получится. Разве что для разнообразия прыгнуть с борта на борт, когда они поравняются. Хотя бы для того, чтобы почувствовать разницу и подтвердить свое верное направление.

«Ола! Ну наконец-то! Ой, какой ты смешной с короткими! Ну-ка… Нет-нет, теперь вторую щеку! Эй, да ты всё позабыл, да? Ладно, пошли, я тебе всё покажу, что успею. Вот это Площадь Каталонии. Лучше было нам у скульптуры и встретиться. А то ты четыре раза переспрашивал по телефону, что за «хорек в кофе». У меня такой английский, да? Я просто думала, что тебе будет легче найти Hard Rock Cafe. Они же во всех странах одинаковые. Мы со Стивом в Праге видели такое же. И у вас наверно есть…»

«Нет, внутрь никогда. Я около него обычно мотороллер бросаю. Почему как ведьма? А-а, извини, мне показалось, ты другое имел в виду. Ужасный у меня английский, да? Ты со мной намучаешься. А вот у него, наверное, уже и акцента нет, он уже больше полугода – там…»

«Серьезно?! И что? А про меня?! Погоди, он что, всего одну строчку тебе написал: «Сходи на Рамблу, погляди на клоунов»? Вот ненормальный! А меня завалил письмами. Знаешь, он ведь до сих пор не понял, что у нас всё кончилось. Всё пишет, пишет, и звонит так, словно мы завтра опять встретимся и пойдем в «Арену». Ты ему не пиши ничего про меня, да?»

«А вот это и есть Рамбла, кстати. А вон артисты. Да, они так могут часами стоять в одной позе, как манекены. В этом вся фишка. Смотри, ей можно дать монетку, а она тебе даст… как это, в китайском печенье?.. судьбу, да? Ну-ка покажи. Хм-м, странное пожелание. Брось, она всем одинаковые дает».

«Пойдем здесь, покажу одно место. Нет, моя работа в другую сторону, тут недалеко. Да ничего нового, всё та же – как ты тогда сказал? – адвокат пингвинов? Ха-ха! Нет, правда, я думаю, экология это очень важно! Он тоже надо мной издевался. А я не понимаю, зачем куда-то срываться, бросать хорошую работу,

ломать карьеру… Мне здесь нравится. И ему вроде нравилось. Так зачем эта новая жизнь? Кому он доказывает? Это просто сумасшествие какое-то…»

«Ну, ты другое дело. У вас там все такие, я читала. Достоевский, да? И потом, ты всё равно вернулся. Хотя я так и не поняла, почему ты и твоя девушка – в разных городах. Ты мне обязательно расскажешь когда-нибудь, да? Может, я пойму наконец, почему он…»

«Нет, не люблю и тебе не советую. Какая к черту национальная гордость?! Коррида – это позор моей страны, нечего даже и сравнивать! Вот это Пласа Реал, хотела тебе показать. Пустынно? Ха, видел бы ты ее ночью! Людей в десять раз больше, чем голубей сейчас! Вон там бар открывается, и вон там, и тут еще два. Хочешь, ночью сходим? Мы с ним вот в этом постоянно напивались, тут ликеры классные».

«Если дальше по этой, будет Готический квартал, сходи обязательно. А сейчас мы обратно на Рамблу выходим, вон уже Колумб виднеется. Знаешь, я даже иногда думаю – если бы он не уехал… А с Серхио у меня всё уже кончилось. Зато теперь пытка: у Серхио офис через дорогу от моего, и дом его там же по дороге. И я каждый день, когда иду… А вот тут мне и сворачивать. И перерыв мой уже тю-тю, надо обратно на работу. Ну ты позвони, ладно? Я тебе еще парк Гуэль покажу в четверг. А ночью пойдем напьемся у «Штопора». Напишешь ему потом, расскажешь. Только про меня не пиши ничего. Не хочу, чтобы он снова… Он ведь так и не понял, что у нас с ним была просто, ну, короткая история, да? И он, знаешь, как призрак теперь. Вроде уехал, вроде такой нереальный, а всё равно везде тут. А если еще и ты напомнишь ему…»

«Вообще не собираешься? Погоди, но вы же связь поддерживаете, да? Он же тебе написал, чтобы ты сходил на Рамблу, циркачей посмотрел. Ну вот, ты можешь теперь ответить, что сходил, он порадуется… Ты ведь ему напишешь? Напишешь, да?!»

Конечно, я пообещал. Но написал только ей. Зато «настоящее бумажное», как она просила. Physical letter, если говорить на ее забавном английском. А ему – не стал. Собирался, но потом представил, как он сидит в одной из кафешек Нью-Йорка. Какой транспорт он выбрал – тот, что возвращает, или тот, что уносит? Конечно, там есть Hard Rock Cafe. Но я пожелал ему, лично ему, второго варианта.

в том уличном кафе
сквозняк швырнул мои салфетки

тебе под ноги

так небрежно
ты отряхнула туфли
а я так и не вытер губы

так долго
будет пес бездомный
бежать за тем
кто обернется
первым

На побережье Коста-Брава есть один ресторанчик. Ночью, когда с пляжа сваливают даже самые последние фанаты воздушных змеев, из ресторанчика выходит на пляж черно-белый котенок. Он смотрит налево (километры песка), смотрит направо (то же самое), выбирает местечко, выкапывает ямку, делает свое дело, зарывает и уходит обратно в ресторанчик. Ни у кого на свете нет такого огромного, такого идеального туалета.

Первый раз взявшись за «правила идеального кафе», я прямо так и написал: в идеальном кафе должен быть туалет! За несколько лет ситуация изменилась в лучшую сторону. Даже питерские кафе наконец обзавелись туалетами, и некоторые довольно оригинальны: взять хоть музыкальный туалет в «Моцарте». Или туалет в «Бродячей собаке», куда я попал после церемонии вручения поэтической премии «Северная Пальмира». Церемония была на редкость скучной – зато сколько поэзии оказалось в туалете! Там не было электрического освещения, вместо него темноту аккуратно разбавляли три свечки, плавающие в больших коньячных бокалах. Не знаю, читали ли владельцы этого кафе «Похвалу тени», но больше я нигде не видел столь точного воспроизведения эстетики туалетов, изложенной в этой замечательной японской книжке. По крайней мере, сам я, прочитав ее, был очень рад узнать, что не меня одного раздражают клинически белые, сверкающие туалеты современности.

С другой стороны, раньше, когда туалеты в кафе были роскошью, приходилось отыскивать их где-то снаружи, поблизости, мысленно включая их в состав заведения. Попадались и свои шедевры. В Москве в музее современного искусства Церетели – настоящие тронные залы, а не туалеты. А в Петергофе есть такой замечательный домик с круглым окном прямо над умывальником, так что в зеркале получаешься с

удивительно просветленным лицом. Даже настроение меняется! Именно туда мы обычно заходили после любимой мороженицы или соседнего чайного зала.

Но я вовсе не собираюсь переходить на описание идеального туалета. Лишь хочу заметить, что из кафе обязательно тянутся невидимые нити к другим городским феноменам, собирая в перспективе целый идеальный город-призрак.

если смотреть с Градчан
кажется
вся она на ладони
а на деле

только и успеваешь
наскоро облизать глазами
карамель флюгеров
и клубничные крыши под сливочным небом

только и успеваешь
нырнуть в прохладу подвала за кружкой
пльзеньского пива
как муравей за изюминой
в глубину бисквита

но стоит выйти обратно
на шоколад мостовой
глядишь —
а время-то вышло
следом
из карусели часов
скелет
позвонил в колокольчик
двенадцатый раз
и я опять оказался
на том перекрестке
где как ни пытайся
перестелить свою карту
под фонарями кафе
она всё равно порвется
на всех сгибах
рассыплется
пачкой салфеток
и вместо названия улицы
дырка в бумаге

белые крошки
на черной доске
а в голове
джаз вперемежку с Вивальди

Прага
мне никогда не съесть
весь этот торт
без тебя сладкоежка

Но все-таки это еще не идеальный город. Не весь. Хотя там высокая концентрация этого города, особенно по части кафе. Но в той же Праге, например, очень скучное метро. Зато в Питере, когда выходишь из парка на Елагином острове где-нибудь за полночь и видишь станцию «Крестовский остров»… Как сказал один знакомый, «она словно из космоса свалилась». Да, именно так и выглядят разбросанные где попало куски идеального города.

И не только «где», но и «когда» – потому что в реальности на Крестовском уже понастроили огромных жилых домов прямо перед тем мостиком из парка, и космическая станция метро совсем потерялась за ними. Так же, как потерялся симпатичный переулок-призрак в Москве между Трубной и Сретенкой, с кукольными домиками всех пастельных цветов радуги, в которых никто не живет – точнее, не жил, в этом и был самый кайф прогулок по Последнему переулку, но теперь там всё иначе.

А барселонская Пласа Реал вообще «включается» лишь в определенный вечерний час, когда бегающие по ней суетливые дневные голуби загадочным образом превращаются в сонных ночных негров. Рассчитать этот час невозможно. Бывает, только отойдешь на минутку – и всё, уже превратились.

А в Таллине… Впрочем, всего не перечислишь. Да и не надо – каждый наверняка сам видел множество таких кусочков идеального города. Остается только собрать их вместе.

Нет-нет, успокойтесь, речь не о том, чтобы сопрячь коня и трепетную лань. Хотя, если говорить о литературе, то между «конь» и «лань» связок очень много, от «колы» до «канелони» – видите, и тут всё идет через кафе, как дороги из одной части города в другую идут через развязки под названием «спагетти». Но литература – это чаще всего жульничество, а я говорю о совмещении, заложенном в самой природе нашего мира.

На юге Франции есть целые городки, которые просто хочется положить в карман. Это не метафора, а честное ощущение:

зайдешь внутрь – и можно заблудиться, но со стороны городок как игрушка. Словно брелок-головоломка: в разобранном виде все детальки занимают кучу места, у каждой множество граней, и вместе они никак не стыкуются. Но если знать, как их собрать, или хотя бы знать, что собрать в принципе можно…

Как раз в тот день, когда я собирал последний вариант этого текста, случился чат с одной малознакомой по поводу ее статьи о необычных местах Рима. Я сетовал на то, что этот замечательный мини-путеводитель совсем не к месту в том московском журнале, где он опубликован. Другое дело, если бы он каким-то магическим путем попал мне в руки именно там, на Испанской лестнице с призраком Одри Хепберн, и именно тогда, когда… Но, сказав так, я вдруг понял, что сама наша беседа с этой девушкой – почти и есть та самая магическая связь. Почти-почти. Мы находились в разных городах, ни разу не встречались и в общем-то не знали друг о друге ничего, кроме этого общего интереса к Другому Городу, который моментально соединил наши летучие дома, наши домашние страницы. И кстати, очень подходящий термин: «я сетовал…»

Ей-богу, для этого необязательно сходить с ума, дружить с занудой Борхесом, пить ведрами матэ или работать переводчиком в ЮНЕСКО. Так, легкое движение, доступное любому, кто читает эти строчки. Ведь это только у них там, в квадратно-гнездовом реале, раскиданные по миру вещи кажутся далекими друг от друга – модели для сборки, которые якобы никак не собрать.

Но мы-то уже не там, а здесь. А здесь это называется – просто плохой канал. И нужно лишь попробовать законнектиться снова после полуночи, а лучше вообще под утро, часов в шесть. И желательно, чтобы на улице шел дождь – он отлично фильтрует наводки. И конечно, не надо загружать свою тачку второстепенными задачами, ведь вам понадобится вся оперативка.

Иногда я действительно вижу этот город целым. Глупо даже говорить, что там высокие тротуары, начало осени, и море как раз за тем углом, где всегда открыто идеальное кафе.

И в такие дни мне не хочется просыпаться.